

Валентина Андреева

Гордиев узел
с бантиком

Annotation

Все началось с ночного звонка по мобильнику, без комментариев транслирующему сцену погрома, сопровождающегося отчаянным женским криком. Последующие события подтвердили: это не злая шутка, а своеобразный сигнал о помощи. Знать бы, от кого он исходил! Все факты, порой противоречивые, которые Ирине и Наталье удалось установить, непонятным образом связаны в один, поистине гордиев узел. Но несмотря на трудности расследования, в том числе созданные героинями самим себе, найден заветный кончик веревочки. Потянув за него, Ирина и Наталья развязывают запутанный узел и открывают истину.

- [Валентина Андреева](#)

- [Часть первая](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [Часть вторая](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [Часть третья](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- 5
- 6
- 7
- 8

- Часть четвертая

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- notes

- 1
- 2

Валентина Андреева
Гордиев узел с бантиком

Часть первая
Звонок из-под дивана

«Вре-мя течет сквозь пальцы, как вода...» — не своим голосом запел мой мобильник в самый неурочный час. По моему разумению, начало третьего ночи не совсем подходит для раздумий о его текучести. Даже с подачи Аллы Пугачевой. Спросонья, не открывая глаз, я попыталась на ощупь добраться до телефона и нечаянно смахнула его на пол. Обругав аппарат за излишнюю мобильность, упрямо продолжила поиски раздражителя на «поле чудес» прикроватной тумбочки. В результате на полу оказалась книга и что-то еще. Утром разберусь, все лишнее — вон! Очень не хотелось вставать с кровати. Не сподобилась даже после сердитого вопроса мужа, что в нашей койке делает Наташка.

— А что можно делать в койке ночью? — огрызнулась я. — Спать, конечно!

— Ну и пусть идет спать к себе! Ей своих двух комнат мало? Или Борису осточертели ночные сеансы телефонной связи подруги жизни?

Вот тут-то я и проснулась. Мобильник пел на заданную не мной, а подругой тему — Наташка деликатным способом за счет Пугачевой сэкономила не только свои, но и чужие деньги. Протечка времени даром для кармана абонентов не обходится, каждая минута денег стоит. Вечером мы с Натальей случайно «махнулись» телефонами. Не глядя. Аппараты у нас одинаковые, близнецы-братья.

Димка опасно завоzilся на своей половине кровати, меня как ветром сдуло со своей половины. Подхватив с пола мобильник, я нажала кнопку соединения, пожелала неизвестному абоненту более спокойной ночи, чем у меня, и запросила пару секунд отсрочки для начала переговоров. Они ушли на оперативный вылет из спальни в одном тапке и тщетную попытку бесшумно закрыть за собой скрипучую дверь. Влетая на кухню, я с трудом подавила раздражение и прошипела в трубку: «Слушаю».

Абоненту моя готовность слушать была по барабану. В ответ неслось нечто совершенно непонятное. Безумный коктейль из диких криков ужаса, боли, отчаянных призывов к милосердию, угроз, грохота и треска не иначе как ломаемой мебели, ну и, разумеется, мата. Куда ж без него в такой обстановке. Трудно было определить общее количество участников скандала, но то, что они разнополюе, сомнений не вызывало.

Признаться, я растерялась. Не веря собственным ушам, непрерывно алёкала в трубку, давая понять, что являюсь незримой слушательницей

скандала и готова эту тему обсудить. В том плане, что на фига оно мне надо. Затем принялась требовать от абонента немедленно прекратить безобразие. Даже грозила позвонить в полицию. Там теперь работают неподкупные милиционеры, прошедшие строгий отбор. Во всяком случае, так обещали. Очень хочется верить в лучшее, вдруг и вправду разогнали не самых честных и порядочных.

— Что случилось? — раздался за спиной недовольный голос Дмитрия Николаевича. Потеснив меня, он решительно прошлепал босыми ногами к холодильнику и, согнувшись, сунул голову внутрь. В таком положении и застрял. Можно подумать, именно из его недр ждал ответа на свой вопрос.

Я непроизвольно отняла мобильник от уха и скроила недоверчивую мину.

— Сама не пойму. Может, это новая услуга мобильной сети? «Вы уже спите? Тогда мы идем к вам!» На, послушай...

Я протянула мобильник мужу, явно заблудившемуся внутри холодильного агрегата и вполне мирно напомнила, что последнюю бутылку минералки он прихватил с собой в ходе подготовки ко сну. Дрыхнет забытая бедняжка где-нибудь рядом с кроватью.

Димка резво выбрался наружу, выхватил у меня телефон и гаркнул в трубку: «Да!» После чего принялся изучать мою физиономию. Неужели запомнил, как выгляжу и кто я такая?

— Крикнул, а в ответ тишина! — нещадно фальшивя, дурашливо пропел он и, зевнув, предложил мне в следующий раз не путать сон с реальностью. Если снится кошмар, следует незамедлительно проснуться и от него отделаться. Вот как он от видения Натальи Николаевны, спровоцированного мелодией вызова ее мобильного.

— А если перезвонить по номеру, с которого нас потревожили? — прервав его рекомендации, осторожно предложила я.

— В отместку! — воодушевился муж. — Думаешь, звонарь или звонариха, сделав свое черное дело, спокойно уснули? Сейчас проверим Натальины контакты и выявим виновника. Счеты с ним пусть сводит твоя подруга. Ну а уж с ней самой я лично разберусь. До отлета времени хватит.

Попиликав кнопками, Димка разочарованно доложил, что информации о владельце номера нет, наверняка какой-нибудь телефонный террорист развлекается, и небрежно пристроил мобильник на кухонный стол.

— Не исключен и вариант ошибки, — почесав макушку, предположил он. — Кто-то просто не туда попал. — Дальше понес ахинею: — Наша Наташа интуитивно определила, что ее телефон запоет среди ночи, а потому намеренно подсунула нам. Я его отключаю, надеюсь, твоя подруга

помнит пинкод.

Я пожала плечами, изучая свои ногти. Наталья помнит все, а уж четыре зеро...

Немного поколебавшись, муж все-таки решил дозвониться безымянному «шутнику», но абонент находился вне зоны действия сети. Скорее всего, в данный момент у него был постельный режим — спячка.

— Само собой, — буркнула я, пытаясь подцепить ногой слетевший тапок. — Крушить мебель по ходу убойных дел занятие утомительное. Не хочется думать, что участники разгула заснули вечным сном.

— Лично я ничего не слышал.

— Тебе повезло. А у меня до сих пор в уш... Не надо! — Я предостерегающе выставила вперед ладони. — Не надо мне дополнительных нравоучений!

«Эк его проняло! Судя по оживившемуся лицу мужа, он собрался сесть на любимого конька».

Попытка купировать у супруга очередной приступ чтения нотаций удалась. Хотя бы потому, что он, как выяснилось, и не собирался их читать. Просто у него было такое выражение лица, что я по привычке решила... Словом, с таким видом не собираются приглашать любимую жену на ночные посиделки с чаепитием.

Принести свои извинения за «оговор» я не успела и тем пополнила копилку невысказанных претензий в свой адрес. Димка демонстративно покинул кухню. Утешилась тем, что пройдет незамеченным мой проступок — я забыла купить чайную заварку. Утром возьму у Натальи. Заодно обсудим тревожный звонок.

Чем дольше я размышляла о ночном мобильном терроризме, тем больше склонялась к тому, что человек, нажавший кнопку вызова Наташкиного номера, надеялся на помощь с ее стороны. Самому явно было не до переговоров, а потому он намеренно и тайно организовал прослушку этой катавасии. М-да... Не очень удачный термин. В наше время под катавасией подразумевается беспорядок, на самом деле, это строгий порядок, предусматривающий сход в центре храма церковных хоров для совместного песнопения. Так... Я отвлеклась. А если по делу, то неизвестный абонент был уверен в Наташкиной сообразительности. Как услышит она стук да гром, именуемый «погром», так и догадается позвонить в полицию. Без лишних алёканий и угроз, которыми я бездарно пугала мобильник. Одно оправдание: спросонья плохо соображала. Еще один интересный момент. Место действия — не городская квартира, где со всех сторон живут люди. Как правило, чужие скандалы очень мешают.

Особенно по ночам. Надежды на озверевших соседей у абонента, похоже, не было. Скорее всего, из-за их отсутствия. Напрашиваются выводы: жуткий спектакль разыгрался в загородном доме, на худой конец, в рабочем помещении. Например, офисном. С пластиковыми окнами. Они в определенной мере служат шумоизоляторами.

Я посмотрела на черный прямоугольник экрана мобильного и вздохнула. Зря Димка поторопился отключить аппарат. Следовало хоть и с опозданием, но сообщить в полицию номер неизвестного абонента и отягчающие его положение обстоятельства. Без пинкода вернуть телефон в рабочее состояние невозможно. На «обнуление» пароля он не реагировал. И на фига подруга его сменила? Мелькнула мысль разбудить Наташку, но пугали последствия. Пока она «въедет» в ситуацию, я добровольно «выведу» не только из себя, но и из квартиры. Очередной раз будить Димку опасно. В принципе, до утра можно отсидеться на лестничной площадке. К тому времени подруга устанет орать. Пришлось задуматься, выбирая из двух зол меньшее. А тут и третье «зло» подоспело: душевный раздрай оборвал неслышно подкравшийся Димка. Ну не может человек спокойно заснуть, не высказав мне наболевшее! Он и принялся высказывать. Вроде как не мне, а чайнику, со ссылкой «а вот некоторые...»

Чайник, как всегда, оказался прекрасным собеседником. Слушал и помалкивал, пока не принялся потихоньку закипать. Надо полагать, от негодования. Роль «некоторых», разумеется, отводилась моей персоне. Одна за всех! Тем временем Дмитрий Николаевич успел переменить свое мнение о Наташкиной оплошности. У него не было сомнений, что именно мне удалось бездумно поменять мобильники и тем обеспечить уважаемому хирургу Ефимову бессонную ночь. Как раз накануне вылета в сложную заграникомандировку в рамках операции «Врачи без границ» с целью оказания помощи пострадавшим от землетрясения гражданам одного из регионов.

Сочтя свое присутствие на кухне лишним, я быстренько ретировалась в спальню. По дороге, пользуясь безнаказанностью, не преминула напомнить кумиру медсестер хирургического отделения клиники, что у моего мужа домашняя кличка «Димка», а не «уважаемый хирург Ефимов Дмитрий Николаевич». Тем более невыспавшийся. С ответом он задержался. Это позволило мне успеть юркнуть в кровать и с головой накрыться одеялом, но так, чтобы уши ничего не слышали, а нос можно было держать по ветру. Открытые настежь окна и не закрытая дверь скрипучая обеспечивали приятный сквознячок. С его помощью из головы выветрились все тревожные мысли о предстоящем Димкином отлете и

злополучном звонке. На смену им пришли радостные — впереди майские каникулы. Полтора дня отработаем и — на дачу. В конце концов у Натальи Борис тоже уезжает. Конечно, не в район стихийного бедствия, но само мероприятие, именуемой рыбалкой, сродни этому. Подруге потом долго мучиться с раздачей улова.

Утром история со «звонарем» выглядела совершенно в другом свете — солнечном. Потому и показалась обыкновенной хулиганской выходкой. Какой-то скучающий ночью псих решил немного поразвлечься. Набрал первый пришедший в голову номер и организовал мне (а может, и не мне одной) прослушку фрагмента захватывающего триллера. Ночью их много показывают по телевизору, развлекая недремлющих на посту служивых людей — охранников. Или бессонных граждан. Кто ж знал, что этот звонок — сигнал к началу череды реальных запутанных и взаимосвязанных событий.

В разгар суматошных сборов на работу к нам заявила раздраженная Наташка и, не поздоровавшись, с порога потребовала вернуть ее мобильник. Мой, видите ли, своим будильником ей с семи утра спать не дал. Свободная от трудовой повинности женщина, она давно отвыкла от подобного, так что чужие будильники пусть этих чужих и будят. Могла бы спасибо сказать, что я не потревожила ее чуть свет просьбой поделиться чайной заваркой. Препираться с ней я, давась горячим кофе, не стала — некогда. Вместо меня выступил Димка. Потрясая в воздухе ее аппаратом, он почему-то пугал ее летальным исходом предстоящей полостной операции больному Ковалапину, которую к тому же предстоит делать не ему, самому опытному специалисту.

— А больной-то тут причем? — окончательно расвирепела подруга. — По Иркиному мобильнику птички пели, никакой Ковалапин в качестве будильного сигнала не каркал. Ваше счастье, что Борис в это время Деньку выгуливал.

Ответная речь уважаемого хирурга Ефимова была властной, короткой и емкой по содержанию. Могла бы быть и еще короче. Зря он предварительно отвлеклся на «страшилку» с Ковалапиным. Вполне достаточно его последних слов:

— В два часа ночи по твоему мобильнику транслировали массовое убийство людей и мебели! Будь добра, разберись со своими друзьями и позвони в полицию.

— Или в сумасшедший дом, — поддержала я мужа, отодвигая кофе, потом допью.

— Думаешь, Ефимову уже пора портить биографию и карьеру? —

снизила громкость недоумевающая Наташка. — С вечера он, вроде, нормальным казался. Надо же, до дурдома доболтался!

— Жду тебя внизу! — рявкнул мне муж, выхватывая у Наташки мой аппарат и сунув ей. — Если через пять минут...

— В одну уложусь, — поспешно доложила я, срываясь с места. — Наталья, будь добра, закрой нашу квартиру. Созвонимся. И между делом выясни, кто тебя домогался ночью по мобильнику. Пока!

— Честь труду! — выдавила из себя вконец ошалевшая подруга.

— И тебе не хворать, — автоматически пожелала я с лифтовой площадки, думая о том, что зря напялила новые туфли. Вдруг придется возвращаться с работы своим ходом? Димке к четырем в аэропорт. Левый туфель ведет себя как-то подозрительно. Во время примерки в магазине так не выпендривался. Как назло, не помню, куда лейкопластырь сунула.

— На мобильник сядешь! — поступило штормовое предупреждение, едва я открыла дверь машины. Предчувствуя дерганую езду в обстановке сплошных пробок, муж пытался вступить со мной в перепалку. Надо же на ком-нибудь отыграться. А я тут как тут. Он ждал отговорки в режиме «онлайн». В духе того, что я не слепая. Это позволило бы ему огласить весь список примеров моей преступной рассеянности. Как бы не так! Я подхватила мобильник, сунула его в сумку, аккуратно хлопнула открытой для меня передней дверью и уселась сзади. Все действия — в полном молчании. И с опозданием поняла, что восседать на решетке для гриля (пусть даже новой, в полиэтиленовой упаковке) крайне не удобно. Никому не советую.

Часть пути я провела, не замечая пробок. В поте лица пыталась незаметно избавиться от угрозы пополнения списка моей преступной рассеянности. Каждый раз, когда Димка бросал на меня в зеркало недоуменные взгляды, замирала, добросовестно таращась на спинку его сиденья. Выручило резкое торможение, на которое он пошел из-за какого-то придурка, нахально нас подрезавшего. Мы едва избежали столкновения. Я вынужденно подалась вперед, окончательно освободившись от решетки. Пока уважаемый хирург «перемывал кости» успевающему удрать нарушителю, я спокойно обмахивалась решетчатым «опахалом», не замечая его тяжести. Судя по характерному визгу колес где-то впереди, нарушитель подрезал очередную жертву.

— Мне кажется, у тебя температура, горишь, как маков цвет, — тревожно отметил Димка, на сей раз удостоив меня прямым взглядом с полуоборота.

— Нет бы сделать жене комплимент по поводу ее привлекательности!

Без температуры мне было бы хуже, — вздохнула я. — Пришлось бы находиться в другом месте, а мне туда точно не надо.

— Не ерничай. Давай заедем ко мне в клинику и...

— У меня в девять часов встреча с поставщиками. Со мной все в порядке. Просто вспомнила про ночной звонок. — Я нервно поерзала на сиденье, намеренно умолчав про переживания по поводу Димкиного отлета.

— Нам зеленый!

— Вижу. Освобожусь, позвоню. Либо с работы, либо из аэропорта. Спасибо, что не закатываешь истерики. И забудь про ночной звонок. Мало ли идиотов на свете. Ну-ка, быстренько улыбнулась!

Я послушно расцвела улыбкой до ушей, радуясь тому, что уже доставлена к месту назначения, и постаралась побыстрее покинуть машину. Подвела левая туфелька, скинутая по дороге. Я никак не могла определить место ее залегания. В результате Димка меня опередил. Вышел, галантно открыл дверь машины и предложил выметаться. Интересно, что с ним приключилось? Такое внимание... Может, это у него температура?

— Не провожай! — заверещала я, отмахиваясь от попыток мужа определить сбой в моем температурном режиме с помощью поцелуя в висок. — Долгие провода — лишние слезы.

Мне ужасно не хотелось, чтобы он улетал.

— Да я и не провожаю, — обиделся Димка. — Просто хочу забрать у тебя «веер». На работу не принято ходить с решеткой для гриля. Ею даже мух колотить неудобно. А мыши у вас, если и есть, то ученые, они «на дело» только по ночам шляются.

Натальин звонок застал меня на подступах к кабинету. На ходу я опрометчиво вытащила руку из рукава легкой куртки, в результате одна ее половина болталась за спиной, норовя стянуть с плеча вторую. К тому же зажатая под мышкой сумка опасно накренилась, когда я под бряцанье выпавшей на пол связки ключей, выуживала мобильник. В общем, я не успела ответить, он перестал «петь». Результат — кривая графика моего настроения поползла вниз.

Чертыхнувшись, я отметила, что против судьбы не попрешь. Сегодня не мой день, в доказательство чего из сумки выпали кошелек и косметичка. Без них она мне вообще не нужна. От злости я отбросила ее в сторону входа — выхода из приемной, где ее ловко поймал шеф. Столь раннее появление Макса на работе отмечено мною лишь второй раз за время долгой совместной службы. В первый раз он ее совсем не покидал. По семейным обстоятельствам. Ночевал на диване в своем кабинете, а утром чуть не до смерти напугал уборщицу. С тех пор она изменила режим работы с утренних часов на вечерние.

— Свят, свят, свят... — пробормотала я и перекрестилась. Куртка окончательно съехала к ногам.

Шеф остановился.

— Ефимова, ты напрочь сбила меня с умных мыслей. А они дорогого стоят. И что это за бардак? Новое хобби? Сумочно-вещевой стриптиз?

— Жизнь с утра не задалась, — уныло пожаловалась я, намеренно укоротив срок мучений. Стоит только заикнуться, что она не задалась с ночи, насмешек не оберешься. Макс — прирожденный циник. — Просто все из рук валится, такая незадача! Если не трудно, подними ключи и открой мой кабинет, а я мигом все соберу. Что-то я совсем растерялась.

Макс издевательски хмыкнул, но кабинет открыл. Сунув руки в карманы брюк и плавно покачиваясь с мысков на пятки (дурацкая привычка!), ждал душевного стриптиза.

— Исповеди не будет, — предупредила я и схватила телефонную трубку, намереваясь перезвонить Наташке. Шеф кивнул и уселся в кресло. — Любопытство разыгралось? — поинтересовалась я, выжидательно замерев.

— Нет, — вполне серьезно ответил он — Курс молодого бойца за нравственный образ жизни. Я свое почти отгулял. Имеется подозрение, что

у твоего Ефимова наконец-то появился реальный повод для ревности. Как человек умный, учусь на чужих ошибках. В данном случае — твоих. Та к что ты натворила? Кстати, имеешь право. Сколько можно жить по канонам морального кодекса строителя коммунизма? Давно прикрыли эту строительную фирму.

— Как всегда, у тебя резкий крен влево. И в мыслях, и в поступках. Ну учись, учись, студент. Получай второе образование. Но заранее предупреждаю: ты ошибся факультетом.

Уже не обращая внимания на Макса, я прозвонила Наташке и полномасштабно поведала ей о ночном звонке и возможной его подоплеке. Шеф скучал и принялся изучать свои ботинки. Подловив момент, когда и я машинально на них уставилась, шепотом вклинился в переговоры и сообщил, что отъедет на пару часов. В знак понимания я кивнула.

Подруга ничем хорошим не порадовала. С уверенностью заявила, что зафиксированный мобильником номер ей не известен. Мало ли в столице сумасшедших пользователей мобильной связью. Отвечать за безумства каждого из них она не собирается, тем более что звонивший вне зоны доступа. Не стоит Дмитрию Николаевичу возлагать на нее вину за внеплановый ночной сигнал подъема.

Максим Максимович, успевший открыть дверь, чтобы уйти, притормозил.

— Запиши мне этот номер, — вполголоса попросил он. Я благодарно улыбнулась и, оборвав Наташкину сказку о телефонных террористах, потребовала позывные ночного звонаря. В ответ первым делом получила рекомендацию основательно выспаться. Весьма недовольным тоном. И только потом продиктовали цифры. Листок я вручила шефу, который даже не соизволил оторваться от ручки двери, чтобы шагнуть навстречу. Подавив раздражение, я сухо поблагодарила Макса за содействие. У него несчитанное количество полезных знакомых женского полу, и каждая рада услужить. Было чем отбивать мои регулярные замечания по поводу меркантильности его многочисленных измен жене.

Очередной звонок от подруги поступил часа через три, когда я полностью погрязла в бумагах. Решила отболтаться занятостью, а не вышло. Наталья уже торчала в проходной, требуя немедленно дать команду охранникам запомнить ее приятную внешность на всю оставшуюся жизнь и впредь пропускать госпожу Кузнецову через турникет даже тогда, когда она и не собирается проходить.

— Ты на машине? — миролюбиво поинтересовалась я, намереваясь умерить ее гнев.

— Да! Только она через проходную не проедет. Не те габариты. В воротах торчит километровая фура-дура. И водитель весь в нее — тоже дурак, ни бельмеса не понимает.

— Он не дурак, он финн по национальности.

— Его проблема! Что такое «кайне цайт»? Может, чуток перевираю.

— Это значит: «мало времени».

— А у меня его, блин, много! Слу-ушай, так он, наверное, решил, что я к нему приставала с непристойным предложением. Ну, полный финн! Пойти обругать иностранца? Не звони на проходную, меня уже пропустили.

И трех минут не прошло, как разгневанная Наташка появилась на пороге.

— Ты можешь на пару минут отложить свою макулатуру? У нас крупные неприятности! Личного характера. Даже не помню, как доехала, — заявила она и едва не прослезилась. — Кучу бумажных платков извела. Слава тому, кто их придумал, стирать не надо. Где можно присесть, но так, чтобы без погружения? А то потом из твоих кресел трудно всплывать.

— Ты дозвонишься до ночного абонента! — ахнула я, проигнорировав вопрос о посадочном месте.

— Нет!!! — истерично возразила Наташка. — Его посланник до меня дозвонился! Причем, номер нахала не определился. И вместо слов приветствия сразу потребовал с меня десять миллионов, которые задолжал «мой приятель».

— Рублями или в валюте?

— А тебе не все равно? Я не спрашивала! Ни тех ни других в таком безумном количестве у меня нет. В последний и единственный раз чуть меньшая сумма была в моих руках в детские годы сына. Я Лешика тогда в «Монополию» обыграла. Ир, неужели я похожа на олигархшу?

— Надеюсь, ты убедила мужика в ошибке?

— Да он и слушать ничего не пожелал. Заявил, что последний звонок какой-то Долдон... Нет, подожди. Его не так звали... Определенно не так. — Наташка потеряла виски: — Сейчас, сейчас... Ключ у него, как мешок... Вспомнила. Баклан!.. Нет, не то. А! Тукан! Та к вот, мужик сослался на то, что этот черт выдал последний звонок со своего мобильника именно мне. И не случайно.

— Почему не случайно? — оторопела я.

— Да потому что я — его любовница, блин!

— Фига себе!..

— Да ни фиги!

— Ты никак не можешь быть его любовницей! — убежденно заявила я, сгребая документы в папку. — Достаточно проверить телефонную книжку мобильного этого «застенчивого Истукана», да и все входящие и выходящие звонки, плюс эсэмэски. Твоим номером он безмолвно воспользовался только один раз — в третьем часу сегодняшней ночи. Ни до, ни после не приставал.

— Зато мы его достали своими настырными, хотя и бесполезными вызовами! Спрашивается, зачем мне среди ночи и утром с таким упорством названивать совершенно неизвестному человеку? И если уж на то пошло, то «прелюбодействовал» он по мобильнику не со мной, а с тобой и с Ефимовым. Вымогатель так прямо и заявил, что я сама без конца пыталась прозвониться Тукану, но туда, где он сейчас находится, звонить бесполезно. И лучше мне по-хорошему отдать все до копеечки.

— Ну, раз до копеечки, то вымогаемая сумма в рублях. Именно в России копеечка рубль бережет, — обрадовалась я, но ненадолго. — Ничего не понимаю. Чушь собачья...

— Это ты мне говоришь? Ну, удивила! Будь у нас такие деньги, мы бы уже приобрели недвижимость за границей. Да хотя бы в Болгарии, Чехии или Венгрии. Желательно ближе к естественному водоему и недалеко от российской границы. Мало ли чего... Еще осталось бы и про запас. Жили бы себе припеваючи: летом в России, зимой там.

— Да мне и зимой в России неплохо.

— А ты повнимательнее в настоящее взгляди! Будущее само нарисуетя. Великое переселение народов давно началось. Кавказ, Закавказье и Средняя Азия в Москве, как у себя дома, увеличивают рождаемость России, тогда как мы у них только в гостях. Причем незваных. Что нам остается? Остается бежать на дикий запад. — Наташка помедлила и расстроено добавила: — Мама дорогая! Неужели я так думаю? Надеюсь, ты не сочтешь меня националисткой. Считай, что нас принудительно выселяют в страны бывшего соцлагеря. Господи, вся жизнь в лагерях! Начиная с детсадовского возраста.

— Стоп! Давай ближе к теме. Ты не могла сказать мужику, что Истукан ошибся номером? Все ошибаются.

— Не надо принижать мои умственные способности. Я старалась убедить его в этом. Облом, однако! Он правильно обозвал меня Натальей Николаевной. Именно эти позывные значились перед номером моего телефона. Таких случайных совпадений не бывает. Ночной звонок определенно был адресован мне, хотя я категорически это отрицала. Как

думаешь, правильно я послала вымогателя к черту?

— Не знаю. Пожалуй, лучше бы к чертовой бабушке. Это подальше будет. Кроме того, она старше, опытней и злее. Ну уж куда послала... Да сядь ты в конце концов! Можно подумать, это первая и единственная неприятность в нашей жизни.

— Не первая и, надеюсь, не последняя. Слово «последняя» меня пугает. Мы с тобой просто обязаны воспитать своих внуков, ну или серьезно вмешаться в их воспитание. Есть и программа максимум: дожить до почетного звания пышущих здоровьем прабабушек. А там посмотрим. Единственное пожелание — пусть все грядущие неприятности будут мелкими. Аминь!

Наталья придирчиво огляделась в поисках приемлемого места для посадки, но воспользоваться им не успела — в кабинет пожаловал Максим Максимович. Подруга тут же отметила, что он начал лысеть.

— Ума набираюсь, — небрежно провел по своей стриженной шевелюре шеф. — Потеря волос — закономерная расплата.

— Надо было поторговаться, — проворчала Наташка. — У тебя и так ума палата, куда ж еще больше? Причем за такую цену. Явно спекулятивную.

— В отличие от вас, я своим умом живу. Иногда даже делюсь им с нуждающимися. Кстати, была бы ты моей подчиненной, его бы точно хватило для решения сразу тебя уволить. Ефимова, ты просила данные на обладателя таинственного мобильного номера? Изволь.

Макс протянул мне сложенный вчетверо лист. И только я, в свою очередь, протянула за ним руку, как он тут же отдернул свою, с бумажной «четвертинкой».

— Нервный тюк! — определила Наташка. — От великого ума. Перебор! В голове уже не помещается, излишек из ушей так и прет. Есть и еще вариант: приобретенный рефлекс. Наблатыкался на задержке выплаты работникам зарплаты.

— Да не оскудеет рука дающего ее.

Я суеверно постучала по поверхности стола.

— У нас с оплатой труда пока не заржавело.

— Не ломай мебель, Ефимова. Она не дубовая, — укоризненно попенял мне шеф и всем корпусом развернулся к Наталье: — Больше пятнадцати лет тебя знаю, а все никак не привыкну к явному несоответствию формы содержанию.

— Это я в свою копилку уродилась, — радостно пояснила Наташка. — У нее форма копилочная, а внутри вместо денег три пуговицы брякают.

Макс сочувствия не проявил и явно обиделся. Взглянув на часы, снова протянул мне листок. На новую провокацию я не поддавалась, тихонько заметив, что по мере взросления Максим Максимович стал впадать в детство.

— Шутки кончились, — на полном серьезе сказал шеф и небрежно швырнул листок на стол. — И сегодня просьбы о преждевременном уходе с работы, например, за пластиковыми окнами, не принимаются. Пора усвоить границу между дружескими и служебными отношениями. Наталья Николаевна, вас проводить?

— Я женщина замужняя и порядочная, — вздернув подбородок, высокомерно процедила Наташка. — И таких предложений от посторонних мужчин не принимаю. Ир, будь добра, передай своему шефу, что впредь его просьбы об устройстве многочисленных «родственников» в больницу на льготных условиях приниматься не будут.

— Непременно передам, — покосилась я на ухмыляющегося Макса и обреченно развела руками. Сам, мол, виноват. А от себя лично пожелала его родне очень крепкого здоровья. Другого выхода у нее нет.

С тем шеф и удалился, не забыв напомнить, что я все-таки на работе, а не дома, где и следует улаживать личные дела.

— Не расстраивайся, — попробовала утешить меня Наташка. — У тебя сейчас время обеденного перерыва, так что можешь чувствовать себя как дома. И Макс сам использует рабочее время в своих личных интересах. А что за бумагу он тебе подкинул?

— Полагаю, это краткая летопись жития обладателя интересующего нас мобильного номера. Предпоследняя любимая им женщина работала в какой-то прокуратуре. Шеф, видимо, получил распечатку по электронной почте.

— А зачем было гнуть листок на четыре части?

— Вот у него и спроси. Скорее всего, соблюдал конспирацию.

— И спрошу. Следовало раньше сказать, что твой шеф работает на нашу с тобой разведку. Кажется, я его обидела... О! Вот и повод для примирения: принося ему свои извинения, обругаю за необоснованные обвинения в твой адрес, а попутно выражу благодарность. Он и запутается. Читай вслух!

Я скороговоркой забубнила:

— Номер зарегистрирован на Туканова Якова Аллановича... Надо же! Я всегда считала, что Аллан пишется с одной буквой «л». Тут даже указан его домашний адрес и домашний телефон. Ну Макс! Вот уж действительно, не имей сто рублей, а имей одного отзывчивого шефа с обширными

связями. Слушай, так этот Яков и есть твой невиданный любовник «Тукан»!

— Терпеть не могу имя «Яков»! А отчество ничего, более-менее приличное. Хоть с одним «л», хоть с двумя и более. Только у меня нет и никогда не было знакомых с носителем подобных ФИО. Читай дальше.

— Так! Господин Туканов является генеральным директором фирмы «Австриякон». Фирма специализируется на изготовлении и установке пластиковых окон по австрийской технологии. Женат, имеет жену австрияку... австриячку... Извини, ошиблась — австрийку. Это от волнения. Руки трясутся и буквы прыгают. Дальше еще труднее выговаривать. Зовут жену фрау Швинд Райнхильда.

Наташкины глаза вылезли из орбит. Да и мои были не меньшего размера.

Подруга предположила, что «Швинд», скорее всего, имя. Его легче запомнить, потому как короткое. Я возражать не стала, но Наташка сама себя переспорила. Ей, видите ли, нестерпимо хочется добавить к окончанию букву «т», а с ней слово звучит просто отвратительно. «Швинд-т». В итоге за австрийкой закрепилось имя «Райнхильда». Мы его усовершенствовали на свой лад: просто Рая. У фрау имелась шестнадцатилетняя дочь от первого брака — просто Мария-Луиза. Не очень коротко, но ясно. Девочка проживает с бабушкой в Австрии. Не ясно только одно: зачем незнакомому Якову Аллановичу звонить Наташке среди ночи? И откуда у него ее номер? Впрочем, к вечеру эти вопросы перестали будоражить сознание. Больше никаких звонков от вымогателя Наталье не поступало.

Утро пятницы многозначительно хмурилось и полностью соответствовало моему настроению. Отсутствие Димки угнетало. Я с тоской провожала глазами дождевые струйки, торопливо скатывающиеся по оконному стеклу. Все по плану: погода на выходные и праздничные дни имеет обыкновение портиться. Ощутимо похолодало. Выискивая в этом положительные моменты, я остановилась на одном: когда-нибудь да потеплеет. И вообще, не стоит предаваться унынию. Димка рано или поздно вернется. Вон у Натальи вопрос со сроком возврата Бориса вместе с собакой вообще открыт. А все потому, что она посоветовала ему с большим уловом ни в коем случае не возвращаться. Рано утром он с приятелями укатил на Валдай. Часть майских каникул проведут на природе в тесном общении с червяками. И не ведают душегубы, что пускают в расход чистейший белок. На днях по телевизору вещали: есть задумки создать комиссию по типу санэпидстанции на предмет определения съедобности разных там жучков-червячков-паучков. Основание — растущая востребованность этой мелкокалиберной живности в качестве экзотической пищи. Вот как подьемим запасы продовольствия... Мама дорогая! Мерзость какая... Так! Вон из головы бредовые идеи. К двум часам сегодняшнего рабочего дня за мной заедет Наташка. Надо проверить наличие в сумке пластиковой карты. По пути на дачу заедем в знакомый супермаркет. Как ни странно, но цены на ряд продуктов в нем меньше, чем на оптовом рынке. А качество... Сейчас все товары опасны для жизни. Каждый завтрак, обед, ужин и просто перекус — шаг к пропасти. Лучше умереть с голоду. По крайней мере, дешевле.

Особого желания наведаться в сказочный магазин я не испытывала. В последний раз отметилась в суперсаме весьма неблагоприятным поступком: вместо пластиковой карты протянула кассиру для расчетов свою визитку. По рассеянности — не о том думала. Мало того, никак не могла понять, что ей еще от меня нужно. А у женщины полностью отсутствовало чувство юмора. Она усвоила только одно правило: все люди — враги, особенно покупатели. Вот и натравила на меня охранников. Следом за ними пожаловали два худеньких представителя администрации. Еле отбилась. Само собой, с помощью Наташки. Именно она многозначительно отметила, что такого честного и порядочного покупателя, как госпожа Ефимова И. А., следует запомнить раз и навсегда. (Прямо как ее в проходной моей фирмы.)

После оперативного вмешательства подруги администрация магазина, коротко посоветовавшись, пообещала оштрафовать бедную кассиршу. Все выбранные мною товары, включая Наташкин торт и что-то еще (корзина подруги была переполнена, часть товара перекочевала в мою), предложила считать подарком от магазина. Как десятиллионному покупателю. «Ларчик» открывался просто. Мне повезло с фамилией и инициалами. Точно такие же данные были у жены местного руководителя налоговой службы. Меня попросили передать ему большой привет и наилучшие пожелания. Я попыталась исправить чудовищную ошибку, но мне едва не добавили «в подарок» бутылку дорогущего виски. Да еще Наташка дернула за куртку и прошипела на ухо: «Бери, пока не посадили». Подсобный рабочий, облаченный в синюю фирменную одежду, довез «подарочный набор», включавший и банку простецкой кильки в томате, до Натальиной «Шкоды». Мало того, помог уложить пакеты в багажник и, с улыбкой пожелав нам счастливого пути, откланялся. А я получила от подруги словесный пинок. В том плане, что зря выпендривалась. В последующие визиты в универсам меня непременно обсчитают. Таким образом, я со временем и компенсирую магазину убытки не меньше, чем в десятикратном размере. С тех пор я по несколько раз в день перепрятываю пластиковую карту в разные кармашки, то кошелек, то сумки, а затем, в силу своей забывчивости, лихорадочно перерываю все хранилища.

Предполагалось, что нам с Наташкой повезло. Мужская половина — жуткая обуза, а посему следует радоваться редкой возможности отдохнуть от нее. Мы и радовались, поочередно уговаривая друг дружку не раскисать. В Москве нас ничто не держало. Во всяком случае, так казалось ровно до того момента, когда подруга позвонила мне на работу с сообщением, что выезжает.

— Рановато будет, посмотри на часы. Еще и двенадцати нет.

Та к и мерещилась грозная фигура Максима Максимовича, ожидающего под дверью благоприятного момента для вынесения мне выговора за попытку побега с работы ранее установленного времени.

— Да задолбали проклятыми перфораторами! — отчаянно заорала подруга. — Такое впечатление, что в нашем доме вечный ремонт. Крушат и ломают все подряд. Потом тайком восстанавливают и крушат по-новой. Главное, не поймешь, в какой квартире маньяки-ремонтники партизанят. Прямо необъявленная война. Скоро будем проходить к соседям через раздвижные стены или лазить через потолочные перекрытия. До двух отсижусь у тебя, книжечку почитаю. Я тихонечко, как мышка. Готовь закуточек. В два о себе напомню. Тихим поскуливанием. О! Слышишь?!

— Слышу. Наверное, кто-то из очередных новоселов пластиковые окна ставит. На выгодных условиях. Цепная реакция.

Наташка подозрительно смолкла. Неужели надумала стать участницей акции по замене окон? Та к сказать, отомстить тем, кто уже пользуется популярным пластиком. Я поалекала в трубку и услышала слабый шелест: «Мама дорогая...»

Учитывая, что Наташкина мама давно в ином и, как уверяют некоторые, лучшем мире (по крайней мере, там нет перфораторов), едва ли подруга рассчитывала призвать ее в союзницы. Может, дырка в потолке уже реальность, благодаря которой кто-то из крушителей свалился вниз? Прямо перед синие очи подруги, постепенно темнеющие от гнева. Умнее ничего в голову не пришло, а потому я осторожно напомнила в трубку, что «время течет сквозь пальцы, как вода...»

— Перезвоню, — слабо чирикнула Наташка и отключилась. А я, изобразив сама себе гримасу изумления, пожала плечами и продолжила бороздить финансовые просторы минувшего квартального отчета в поисках ответа на извечный вопрос о снижении суммы издержек.

Перезвонила подруга примерно через сорок минут. Прямо из проходной, где ее тормознула очередная смена охранников. В моем кабинете находилась делегация поставщиков из Калининграда. Я не могла допустить срыва переговоров. Наташка для подобной диверсии подходила как нельзя лучше. Проверено на практике. С ее неожиданным появлением все присутствующие обычно вставали. При этом чувствовали себя персонами «нон грата», тобишь, лицами, присутствие которых на приеме не желательно. Дальше рассказывать не стоит.

Пришлось прибегнуть к помощи секретарши. Она прекрасная собеседница для Натальи, но по окончании переговоров я застала подругу в кабинете шефа. Оба весело распивали кофе из стаканов с мудренными подстаканниками. У Максима Максимовича бзик на подобного рода раритеты. Один из них в свое время он украл в вагоне скорого поезда южного направления. Меня к столу не пригласили, решив, что я своего кофию уже нахлебалась по уши. В процессе переговоров разбавляла им рекламные паузы.

— Ир, Макс меня окончательно успокоил, — благодушно махнула рукой подруга. — Я, видишь ли, вспомнила, что позавчера мне звонила Синицина. Тебе эта фамилия ничего не скажет. Когда-то семья Синициных проживала в коммунальной квартире напротив нашей. Короче, представь себе корову, которой с помощью корсета наметили талию. Но так утянули, что у нее глаза в два раза больше открылись. Та к вот это и будет сама

Екатерина Синицына. У нее имеется дочь Ангелина, в укороченном варианте — Гелька, с которой я дралась в детском саду. Позднее они от нас съехали. Катерина окончательно вышла замуж за какого-то придурка, считавшегося Гелькиным отцом. Мужик имел отдельную квартиру и язву желудка. Та к эта Гелька недавно сделала на своей даче пластиковые окна и восхищалась ими в такой превосходной степени, что забыла, зачем мне звонила. Кстати, после весьма длительного молчания. Пришлось задать наводящий вопрос, здорова ли она. Оказалось, здорова... как корова. Ну, та самая, в корсете. А вот ее знакомая... Словом, я настолько притомилась из-за Гелькиной трескотни, что сразу согласилась пристроить эту знакомую на обследование. Но предупредила — сама ей звонить не буду. Пусть Гелька даст своей болезной знакомой номер моего мобильного, та позвонит, в двух словах расскажет о своих проблемах, а дальше решим, что и как. В качестве презента за содействие Гелька обещала мне установку трехслойных пластиковых окон на даче, почти задаром. За счет пациентки. Руководитель фирмы непременно выполнит Гелькину просьбу. Ир, я на всякий случай и твои окна посчитала, объяснив, что часть дачного сезона провожу в своем домике, а часть в твоём. В принципе, так оно и есть. По-моему, Гельке похужело. В процессе болтовни она все время что-то жевала и нечаянно подавилась. Дальше Макс объяснит. У него короче получится, все равно уже три минуты третьего. Рабочий день для тебя закончен.

Я уставилась на шефа в ожидании продолжения, но высказаться ему помешал телефонный звонок. Он долго доказывал «солнышку», что работы выше крыши, а посему трудно сказать, когда прибудет. Подмигнув мне, Наташка зафиксировала очередной факт врожденной лживости Максима Максимовича. Но так, чтобы он этого не слышал. С походами «налево» Макс определенно не завязал. «Солнышко» — не кто иная, как его жена. Учитывая пятьдесят восьмой размер супруги, только она может обладать физиономией размером со светило.

Через пару минут выяснилось, что мы ошиблись. Макс перезвонил жене. Ласково поинтересовавшись, где ее носит, нервно ослабил узел галстука и спросил, почему она не отвечала на его звонки. С недоверчивым видом выслушал ответы и уведомил ее, что немедленно выезжает. При этом так торопился покинуть рабочее место, что едва не закрыл нас с Наташкой в своем кабинете. А не заметил. Какой-никакой, но комплимент нашей стройности.

— Во как талантливо я обучила девушку приемам вольной борьбы с неверным мужем! — ошеломленно заявила Наташка. — Надеюсь, что она «гуляет», не выходя из дома... Ладно, попозже ей перезвоню. Не приведи

господи, восприняла мою науку в буквальном смысле. В наше время наткнуться на какого-нибудь турка в Москве не проблема. Говорят, именно они падки на крупногабаритных женщин. Как бы не пришлось учить самого Макса приемам вольной... Ой, даже не хочу об этом думать. Ты собралась? Мобильник, сумка, куртка?.. Что, прямо в этих туфлях на каблучищах и попрешься? Фотомодель несчастная! Не забудь переобуться.

Я тут же вспомнила про пластиковую карту и принялась за ее поиски. Обнаружив, с облегчением перевела дух и сосредоточилась на остальном.

Продолжение истории с окнами услышала уже в машине. Подруга сказала, что мы по совету Макса направляемся в фирму «Австриякон». Нам все равно по пути. Для окончательного успокоения уточним связь между необходимостью медицинского обследования знакомой женщины Анжелины Синицыной и окнами. Не будет же Яков Алланович отрицать, что именно в его мобильник был занесен номер Натальи Николаевны Кузнецовой. Между делом поинтересуемся у австрийско-оконного Якова, где и когда у него украли мобильный телефон. Едва ли у бизнесмена есть знакомые, готовые содрать миллионы денежных средств с каждого человека, входящего в круг его телефонного общения. Причем без предварительной их сортировки по степени материального достатка. По предположению Макса ночной звонок был сделан случайно. Бросили телефон на кресло, чуть позже уселись рядышком, задели кнопочки, он и зациклился на вызове. А когда я ответила, оценить это было некому. Вот мобильник и демонстрировал мне то, что сам слышал — телевизионную сцену из какого-нибудь боевика или триллера.

Офис фирмы «Австриякон» состоял из двух комнат. В одной располагались пять столов, занятых тремя с половиной работниками. Две девицы сидели перед компьютерами и увлеченно занимались своим делом. Одна из них рисовала поздравительную открытку, вторая сосредоточенно «бродила» по захлавленной автором компьютерной игры комнате, отыскивая требуемые вещи. Мне снова вспомнилась пластиковая карта. Я с трудом подавила желание проверить ее наличие во внутреннем кармане сумки, предназначенном для мобильного. Третья дама производила какие-то расчеты, тихо разговаривая сама с собой. Еще один работник, сложившись на кресле пополам, упрямо, но безуспешно пытался поднять что-то с пола. Вторая комната, без окна, ранее была подсобным помещением и явно повысила свой статус. Судя по обстановке, она представляла собой кабинет Туканова, но в данный момент пустовала.

Наше появление вызвало неподдельную радость только у половинчатого работника, едва не навернувшегося с кресла. Но не факт, что

радовался он именно нам, а не тоненькому файлу с документами, который ему все-таки удалось поднять.

— Нам бы хотелось видеть Якова Аллановича, — любезно сказала Наташка.

— Нам бы тоже, — вздохнула одна из девиц. — Кому ж не хочется погостить в Австрии. Господин Туканов с супругой улетели туда друг за другом. Прибудут назад после десятого мая. Если вы интересуетесь нашими пластиковыми окнами, мы с удовольствием расскажем вам о них и условиях оформления заказа.

— У нас с господином Тукановым особая договоренность. Странно, что он не предупредил о своем отъезде, — поджала губы Наталья.

— Да он как-то неожиданно принял решение.

— А вчера ваш руководитель был на работе? — влезла в разговор я. — Мы не могли ему прозвониться.

— Нет, вчера его уже не было. Руслан Алексеевич, тебе удалось с ним связаться? — обратилась девица к молодому человеку.

— Не-а, — ползая мышкой по коврику и не отрывая взгляда от экрана компьютера, сообщил он. — По-видимому, фрау Райнхильда телефоны отключила. Как в прошлый раз. И мобильный, и домашний. Звонки мешали ей собираться с мыслями. В принципе, особо серьезных проблем не было, ну я и не стал мучиться.

Из офиса мы вышли с чувством тревоги, хотя и по разным поводам. Меня волновал вопрос скоростного отъезда Туканова, Наталью — пробки на дорогах. Поэтому мое предложение навестить к Туканову домой подруга встретила в штыки. В качестве решающего аргумента привела отсутствие приемлемого повода для внезапного наезда. Основательно закрытой двери пустой квартиры он не нужен, но если Тукан передумал улетать и сидит дома с женой, наше появление будет выглядеть более чем странно.

Я прикусила язык, а подруга продолжала рассуждать на тему правильности поведения австрийцев. Заботу о здоровье Гелькиной приятельницы прежде всего должна проявлять сама больная приятельница. А вдруг это совсем не фрау Рая? Зачем, в таком разе, ей, здоровой, беспокоится о больной протее мужа? Случайный звонок по его мобильнику и подавно не оправдание. Тем более что аппарат у него наверняка украли.

— Сделаем проще, — решила подруга. — Выедем за кольцевую, и ты попробуешь дозвониться Ангелине. Ради того, чтобы обругать ее, не поленюсь съехать на обочину и остановиться. Если она вне зоны действия

сети, отыщем домашний телефон ее матушки. В то время, когда Гелька где-то носится, она воспитывает ее три... нет, уже пятнадцатилетнюю дочку. Свою внучку, значит. Блин, не помню инициалов тети Кати. Катерина, а вот с чем?.. Кстати, она не выносит, когда ее обзывают по имени-отчеству, поэтому домашний телефон Синицыных у меня без опознавательных знаков. Ничего, как-нибудь разберемся. Методом исключения из телефонной книжки неопознанных хамоватых абонентов. Поняла, да? — Наташка бросила на меня краткосрочный взгляд, убедилась, что я в прострации, и ударилась в детальные разъяснения: — Тупишь, подруга! Все элементарно. Вызываешь конкретный домашний номер, принадлежащий черт знает кому, и вежливо просишь к телефону Катерину. Тебе вежливо намекают на ошибку, ты извиняешься и возвращаешься к другим номерам. Если тебя сразу и в грубой форме пошлют в другое место, продолжения не жди, отключайся и стирай номер хама или хамки. Надо иметь элементарное чувство такта. А вдруг это президент позвонил? В смысле, жена президента. Мало ли, ошиблась номером. Всяко бывает.

— Я не тупая! — огрызнулась я. — Просто задумалась о твоём вымогателе миллионов.

— Во-первых, он не мой, а наш. Во-вторых, этот тип не стоит нашего внимания.

— Ошибаешься. Этот тип совсем не похож на простого вора, по совместительству вымогателя. Да какой вор знает, у кого ворует мобильник? В нем же нет резюме собственника. А в нашем случае мужик запросил десять миллионов, сославшись на твое близкое знакомство именно с Туканом. Мы же сами ему обзвонились. Кстати, урезанный вариант фамилии Туканова больше напоминает кличку.

— Кликуху! Лагерную! — ужаснулась Наташка.

— Знаешь, не жди выезда за кольцевую, звони Синицыной прямо сейчас, — посоветовала я.

Удивительно, как мобильник не раскалится от негодования? Каждые три минуты я пыталась вызвать на разговор Ангелину, но она бессленно находилась «в отключке». Свернув с кольцевой на Симферопольское шоссе, Наталья не выдержала, остановилась и выхватила из моих рук телефон.

— Ну что зря тыркать кнопки! Ясно же, Гельку не отловить. Наверняка на дачу укатила и, как человек разумный, отдыхает порознь с мобильником. Буду искать ее матушку по домашнему номеру. Методом исключения.

— Если Гелька уродилась в нее, не стоит искать номер домашнего телефона родительницы. Как человек еще более разумный, она давным-давно переехала на дачу. Гелька с дочерью периодически ее навещает.

Наташка задумалась, машинально покачивая рукой с мобильником — в такт своим мудрым мыслям. Судя по итоговому, несколько брезгливому выражению лица, решение, к которому она пришла, ей и самой не нравилось. Ну а мне тем более. Тащиться на чужую дачу со скоростью десять километров в час, а затем катить на собственную с еще меньшей скоростью — то еще удовольствие! Мало того, меня откровенно пугала эта поездка.

— А может, не поедет? — тоскливо предложила я, провожая глазами бесконечный поток машин. И тут же об этом пожалела. Следовало внести прямо противоположное предложение, подруга бы его раскритиковала в пух и прах и уверенно направила колеса «Шкоды» в наши загородные пенаты.

— Какой смысл в этой поездке? — торопливо продолжила я. — Можно обругать Ангелину сначала заочно, позднее по телефону и, наконец, при личной встрече. Будет больше времени для подготовки.

— Лучше экспромт, — твердо заявила Наташка. — Удивляюсь твоей непрактичности. Заодно собьем цены пластиковых окон еще на пятьдесят процентов. Совсем задаром достанутся.

По-моему, последний аргумент пришел практичной подруге в голову именно экспромтом. Кислое выражение лица исчезло, уступив место самодовольству. Я не очень внятно, скорее для себя, помянула наказуемость добрых дел. Заикнулась и про бесплатный сыр в мышеловке. Наталья, занятая стремлением втиснуться в общее вялотекущее движение машин, поняла меня в сокращенном варианте и по-своему. Пообещала, что

в магазин за сыром заедем чуть позже. Тем более что нам почти по пути. От Гелькиной дачи до наших рукой подать. Каких-нибудь сто километров. А мне пора серьезно лечиться. Идея кормить мышеловки сыром может пройти «на ура» только в коллективе психов. И возражать против поездки к Гельке не стоит. Тогда... Конечно, если у меня есть лишние десять миллионов... Желательно крупными купюрами.

Я встрепенулась и порадовалась их отсутствию. Не придется отдавать вымогателю.

— Блин! — рассердилась подруга, пропуская мои слова мимо ушей. — Бешеная скорость! С утра не везет! Да еще мобильник разрядился. На, убери его в мою сумку, только глубоко не закапывай.

Я нахохлилась, молча выполнила задание и решила больше не спорить с Натальей. Не исключено, что она права. С помощью Ангелины есть шанс разобраться с телефонным террористом.

— У Гельки дочь — писаная красавица, — доверительно сообщила мне подруга, не обращая внимания на мою покладистость. — Я, естественно, об этом помалкиваю, зачем воспитывать в девчонке и ее родных, включая добрейшей души бабулю, вредное чувство звездности. Все хорошо в меру. Поэтому при встречах — замечательно, что они редкие — каждый раз выражаю всей семье соболезнование по поводу нового прыщика, который безнадежно портит славное личико Диночки. Даже если еще не выскочил наружу. Та к сказать, скрытая форма вредительства. Сама Динка на это реагирует спокойно, а ее мамочка вообще пропускает мои слова мимо ушей, так как постоянно занята вопросами материального обеспечения семьи. Беда в том, что у нее узкая специализация, она воспитательница детского сада. На мой взгляд, единственно приемлемая для Гельки профессия — профессия безумно любимой жены преуспевающего банкира или бизнесмена. Причем с гарантией, что в ближайшее время его не посадят и она успеет обеспечить себе сносное существование где-нибудь в районе Пальма де Майорка. Неприсязательную красавицу (вся в дочь) Гельку вполне бы устроил личный полугодовой доход в полмиллиона долларов. Никак не могу ее в этом убедить. Только зря красота пропадает. Вот и приходится ей трудиться барменшей. Главное, эта ненормальная вообще замуж не хочет. Даже не обеспечила себе подстраховку — запасной вариант нормального жениха. Два мужика, готовых предложить ей руку, сердце и упомянутые полмиллиона долларов на шесть месяцев, были арестованы один за другим. Освободятся из заключения не скоро. А вот бабушку, тетю Катю, безмужие дочери вполне устраивает. Несмотря на то что в свои шестьдесят с хвостиком бабуля

выглядит превосходно, замуж тоже не собирается. Верна памяти мужа. Тот самый случай, когда лучше бы эту память отшибло. Мучил он ее, бедняжку, несказанно. Двадцать лет минуло с тех пор, как покинул сей бранный мир, а она все еще по ночам с испуга вскакивает. Пил он безбожно. Уйти от него было некуда, вот каждый вечер и играла с алкашом в прятки. Найдет — наkostenяет, не найдет — ее счастье. Если его принесут и сгрузят прямо в коридоре, она ему наkostenяет. Будучи в невменяемом состоянии, утром он обычно ничего не помнил, а все свои болевые точки объяснял производственными травмами. Бывали, конечно, у женщины и передышки. В отпуск к морю или в деревню супруг любил ездить один. А еще он очень любил Гельку. Поколачивая жену, требовал от нее молчания — грозил убить, если дочь разбудит. Господи, уж как тетя Катерина умывалась слезами, когда он помер от перепития! Счастью своему не верила, но не признаваться же в этом прилюдно. Зная всю подноготную семьи, все соседи обалдели. Решили, что она мазохистка. Замучались убеждать ее, что «там» ему будет лучше, лишь бы не выгнали. Синицын и в аду не просохнет. Тайком соорудит самогонный аппарат и в два счета спойт всю чертову команду. В последний раз я видела тетю Катю примерно полгода назад. Королева! Только очень добрая. И не подумаешь, что столько лет со своим уродом мучалась... Мама дорогая! Ирка, штурман из тебя никакой. Чуть нужный поворот не проехали. А почему ты все время молчишь?

— Думаю.

— Нашла время. Не понимаю, о чем тут думать?

— О ночном звонке. Вдруг это все-таки сигнал о помощи? А мы его проигнорировали.

— Лучше бы ты молчала.

— Ты спросила, я ответила.

— Ириша, если имел место сигнал о помощи, то исходил он от телевизора. Небось сутки напролет бедняга работал, а его хозяин, ворюга, находился в состоянии алкогольной отключки. Кстати, отметь: здесь дорога свободная. А лишние километры для бешеной собаки не крюк. Чем мы хуже? Не зря я решила заехать к Гельке на дачу. У нее и перекусим. Нельзя с голодухи бегать по магазину. Хочется всего, сразу и много. А почему ты опять молчишь? Только не говори, что думаешь. Лучше вообще ни о чем не думать, а то сбудется.

— Да я уже и не думаю. Сейчас бы кусочек шоколадки...

— Говорила же, сбудется! Открой бардачок и будет тебе счастье. Мне даже не предлагай. Вроде как я сама отказалась.

Вытащив плитку шоколада, я призывно зашуршала бумагой. Наташка

тут же пожаловалась, что от этого шуршания у нее уши заложило. Я, можно сказать, силком навязываю ей половину. Не отрывая глаз от дорожного полотна, она ловко отхватила весомую часть целого и отправила в рот. Съязвить по этому поводу я не успела, успела только охнуть. Мы как раз свернули на грунтовую дорогу, кое-где отмеченную гравием. Из-за поворота навстречу нам на недопустимо большой для такой дороги скорости неслась вишневая иномарка. Какая именно, не помню, некогда было разглядывать. Даже то, что отпечаталось в памяти, мгновенно засыпалось плотным слоем испуга. Подруга взвизгнула и резко подалась вправо. Свободной рукой я вцепилась в свою сумку и зажмурилась, от души радуясь тому, что на пути нет канавы, а заодно придорожных деревьев и развесистых кустов. Во всяком случае, так думала и надеялась, что прогноз сбудется. Пару минут назад в этом уверяла Наташка. Следовательно, мы не долбанемся и не поцарапаемся.

Машина заскакала по кочкам, я со своей долей шоколада, зажатой в правой руке, сбилась с верного направления, заехав им себе в ухо. Неосознанно попыталась исправить ошибку, но тут подруга тормознула, мы подались вперед и я еще раз «осчастливила» шоколадом ухо. «Шкода» встала как вкопанная. Мы оцепенели. Я даже не заметила, когда остаток плитки в моей руке подтаял и плюхнулся вниз с транзитной остановкой на светлых джинсах. Оцепенение отступало медленно. Вначале мы с Наташкой переглянулись, чтобы убедиться — нам повезло. А нам всегда везет. Это не к тому, что мы из разряда дураков. Я выдавила из себя многозначительное «Да-а-а...». Подруга меня не поддержала — вынужденно онемела. Из ее рта, грозя скорым обломом, торчали квадратики шоколада. Отпустить руль, судорожно сжимаемый руками, она не могла, пришлось прийти на помощь. В какой-то мере я компенсировала потерю своей части шоколада, но вкуса так и не ощутила. В отличие от Наташки, резво пережевывающей то, что в рот все-таки попало. Заново обретя дар речи, она не очень внятно отметила:

— Горький, блин. Интересно, сколько одуванчиков мы задавили? — И пулей вылетела из машины. Я за ней.

На пятом по счету забеге вокруг «Шкоды» она, наконец, уверовала в полную ее невредимость. Воздав славу Всевышнему, перекрестилась и всплакнула, досадуя на то, что не запомнила номер безумной «огневушки-поскакушки».

— А разве за рулем был не «козел»? — удивилась я, задействовав любимую кличку подруги, которую она автоматом приклеивала к коренным представителям мужского сословия.

— У «козла» не может быть таких длинных патлатых локонов цвета неперепревшего навоза.

— А у женщины — усов!

— Ну почему же?.. Чем бабы хуже? Маринэ из второго подъезда, куда усатее своего муженька. Эпиляция бессильна. Не будем гадать, кто сидел за рулем. Обыкновенная отморозенная особь на колесах. Следовало номер машины запомнить. Может Гелька ее знает? — Наташка осеклась и, растерянно взглянув на меня, сказала совсем не то, о чем подумала. — У тебя все в шоколаде. Интересно, если неделю не умываться, сохранится твоя художественная роспись по лицу? Мне кажется, нет.

— Не исключено, что водитель или водительница взбесившейся иномарки неся именно от Ангелины. Хорошо, если с большого бодуна. А вдруг с перепуга? Например, после совершенного преступления. Не хотелось быть свидетелем или того хуже — самим преступником. — Игнорируя тему художественной росписи, я озвучила то, о чем подумала подруга. — Зря ты настояла на этой поездке.

— Если бы я сейчас не настояла, ты бы настояла на ней завтра, да еще после длинного ночного разговора со своей совестью. Я рационалистка. За себя нам бояться нечего. Участки шестисоточные, и захочешь уединиться, да не получится. О каком преступлении может идти речь? На одном конце чихнешь, на другом слышно. Детективов начиталась? Хватит шляться по одуванчикам, садись, поехали.

Не долго думая, подруга, пребывающая в состоянии сильного душевного волнения, уселась на ранее занимаемое мной пассажирское кресло и оторопела, отметив отсутствие перед носом руля, педалей и ключей, торчавших из замка зажигания. На моей памяти второй раз в жизни она заблудилась в собственной машине. А посему я, сунув голову в открытое окно двери, радостно защебетала о хорошей погоде и бутербродиках к чаю, размером со столбы Коломенской версты. Равных им по высоте «вешек» на Руси не было. Царь Алексей Михайлович, батюшка Петра Первого, постарался. А может, это инициатива исполнителей, готовых от усердия лоб расшибить. Уж очень хотелось услужить государю. Та к и была построена первая столбовая дорога от Москвы до села Коломенское — места «дачного» отдыха царской семьи.

— Замечательно! — пробормотала подруга. — Это ты хорошо придумала: Коломенские бутербродики, хорошая погода... Очень кстати, тем более что дождь собирается. Вся небесная серость сбилась в дружную компанию. Ща как ливанет.

— Вылезай! — запаниковала я. — «Всяк сверчок знай свой шесток»!

Ты на мой уселась.

— Ну теперь будем считаться, где чье место, — проворчала Наташка, открывая дверь. — Кстати, дождик тебе не помешал бы. Хоть умоешься. Заодно и штанцы постираются. Ир, а может, нам и в самом деле развернуться и махнуть к себе?

— Чтобы мне всю ночь маяться от бессонницы, провоцируемой нападками совести, а тебе считать размер упущенной выгоды при заказе пластиковых окон? Сколько километров до Гелькиной дачи?

— Меньше одного. Дурацкое место. Ни леса, ни речки. Мрак! Еще хорошо, что у нее не шесть, а восемь соток. Но и дополнительные метры, которые она прирезала по дачной амнистии, не спасают — все на виду.

Наталья преувеличила недостатки садоводческого товарищества «Темп». Некоторые участки имели уже не шесть и восемь, а все двенадцать соток, а то и больше. Отсутствие речки компенсировалось то ли очень большим прудом, то ли не очень большим озером и личными бассейнами садоводов. Буйно цветущие весной плодовые деревья и кустарники летом дарили им укромные теневые уголки, заглушая тоску по лесу. Какое-то время мы блуждали по территории товарищества, пытаясь найти земельный надел Синицыных. Выяснилось, что Наталья была у них в гостях примерно полтора года назад и по первому мокрому снегу. В тот момент настроение у нее полностью соответствовало плохой погоде и мрачной окружающей обстановке. Отсюда и столь категоричные выводы о непривлекательности здешних мест. Поездка была вынужденной, о чем Наташка втайне сожалела и злилась не только на свою излишнюю доброту, но и на весь окружающий мир. А по-другому поступить не могла — пообещала выручить Ангелину, у которой, как назло, сломалась запланированная к перевозке машина знакомого. Гелька лишилась возможности вывезти с дачи маму, до последнего момента тянувшую с возвращением в Москву. Причем в то время, когда Наталья по слезной просьбе Ангелины, с которой не виделась лет десять, уже решила вопрос о срочной госпитализации Катерины для обследования.

Обращаться к многочисленным дачникам за разъяснением, куда пропал участок, подруга не стала. Самоуверенно искала запомнившийся ей по первому заезду ориентир. Им служил преклонных лет забор из провисшей сетки-рабицы с покосившимися столбами, отмеченный в середине перекошенными воротами. Казалось, обе створки искали поддержки друг у друга. Память удержала еще одну приметку. Рядышком должен быть участок 53. В конце концов выяснилось, что мы неоднократно проезжали мимо. Разросшиеся кусты сирени и жасмина старательно

маскировали табличку с номером участка на доме, а соседние подруга в расчет не принимала, поскольку упорно выискивала упомянутый забор. Я в меру своих способностей ей помогала. Одним и тем же наводящим вопросом: «Не этот?» До тех пор пока Наталья не предложила мне заткнуться. В мои годы пора научиться отличать сетку-рабицу от штакетника, кирпичей, камней и металла. Я возмущенно фыркнула, демонстративно отвернулась и заметила вслух, что Наталье Николавне не мешало бы самой усвоить разницу. Факт отсутствия экзотического забора налицо, покореженная сетка-рабица явно приснилась ей в страшном сне. Подруга высказаться не успела — я радостно отметила табличку с номером 53, болтавшуюся, так сказать, вверх ногами на строении, очень напоминающем туалет.

— Замечательно, — пробормотала Наталья, — наш объект через один участок. — И ошиблась. Следующим значился номер 56.

Мы недоуменно таращились на промежуточный земельный надел. Судя по длине основательного ограждения с кирпичными столбами и затейливыми металлическими секциями, владения 54 и 55 были объединены. Размер участка составлял не меньше шестнадцати соток.

— Фига себе! — недоверчиво скривилась Наташка.

— Да не фига! — с торжеством отметила я. — Твоя Гелька выкупила соседний участок и огородила его подобающим образом.

— Ты что? Откуда у нее такие деньги? Простая российская барменша, у которой на иждивении двое несовершеннолетних — мама и дочь, не может быть миллионершей. И не надо меня поправлять! У обоих иждивенков лета далеки от совершенства. Слушай, может, это у Гельки выкупили восемь соток?..

— Ну конечно! — с досадой всплеснула я руками. — А зачем тогда она хвалилась своими дачными пластиковыми окнами? Для чужих приобрела? А тебе не кажется, что твоя Ангелина — одушевленный двигатель торговли, реклама называется?

— Действительно, зачем... Так! Нечего расслаживаться. Пойдем постоим у заборной калитки. Она наверняка закрыта изнутри. Подумаем, как проникнуть внутрь.

— А если обратиться к соседям?

— С таким забором и пластиковыми окнами в своей халупе Гелька, или кто там уже вместо нее, наверняка потеряла их расположение. Сначала сами попробуем форсировать эту красоту. Глядишь, доброжелатели и примчатся. Стой! Ну куда ты намылилась? Подъедем прямо к воротам, сначала посигналим.

На сигнал выскочили обитатели всех ближайших домов и вразнобой поинтересовались, чем мы с Наташкой торгуем. Выяснив, что ничем, потеряли к нам всякий интерес. Временно. До тех пор пока мы не уперлись в ворота и не посигналили. Я вылезла из машины и отправилась к металлической калитке сдвоенного участка.

— У Синицыных звонок есть, — подсказала подскочившая доброжелательница. Но едва я высказала ей слова благодарности за подсказку, подоспели другие. Разгорелась дискуссия на тему наличия на месте хозяйки Катерины и исправности звонка. Страсти кипели нешуточные. Пока я давила на кнопку, спорщики смолкли, с интересом ожидая конечного результата: кто из них окажется прав. А я с не меньшим интересом глазела на раскрасневшуюся Наталью. Дело в том, что компания дачников увеличилась. Подскочила еще одна Гелькина соседка — худенькая, юркая женщина средних лет в цветастом халатике. С пятьдесят третьего участка. Без зазрения совести облазила всю нашу машину, рассчитывая прикупить у нас расфасованный в пакеты куриный помет. В ходе несанкционированного обыска не поленилась уточнить нашу краткую историю знакомства с Синицыными. И, не слушая Наташкиных заверений, что никакого дерьма с собой не возим, настоятельно попросила сообщить, когда будем возить. Между делом заговорщицки шепнула, что Синицыным помет не нужен, они сейчас в Австрии. Разумеется, мы не поверили. Наташке наконец удалось отбиться от настырной покупательницы, и она поспешила ко мне, требуя немедленно прекратить калиточный пустозвон. Вслед ей несся голос потенциальной покупательницы помета: «Не забудьте, пятьдесят третий участок, Галина меня зовут!» Спорщики смолкли, но ненадолго. Заспорили на тему неисправности автоматики и все того же присутствия Синицыных дома. Какая-то женщина яростно уверяла, что ранним утром своими глазами видела Катерину на участке.

— Палец к кнопке приклеился? — раздался за моей спиной недовольный хрипчатый голос. Я испуганно развернулась. За калиткой никого не было. Спорщики оборвали дискуссию.

— Что вам угодно? — последовал очередной вопрос непонятно откуда, и я оставила звонок в покое, догадавшись о наличии переговорного устройства, являющегося приложением к звонку.

— Тетя Катя, это я Наталья Николаевна, — проорала подруга.

— Не припоминаю, — сухо сообщила матушка Ангелины. — Что вам угодно?

— Тетя Катя, это же я. Наталья Николаевна, — изобразив на лице крайнее удивление, обидчиво напомнила Наташка. — Я вас позапрошлой

осенью в больницу устраивала. По просьбе вашей дочери. Раньше мы с вами в одном доме жили.

— У меня хорошая память, Наташа. Я все прекрасно помню. Та к что вы хотели? Ангелины нет. Она уехала. Когда вернется, не знаю. Извините, выйти не могу, мне нездоровится. Вам лучше наведаться в другой раз.

— У вас наверняка ангина. Та к хрипите! И наверняка температура зашкаливает. В такой ситуации и вы одна? Тогда мы идем к вам! Сейчас найдем подручное средство и перемахнем через забор. Мигом вашу хворь вылечим, — торжественно доложила Наташка и недоуменно пожалала плечами. «Что со старушкой твориться?» — задумалась она, затем еще раз пожалала плечами и попросила у приставучей покупательницы лестницу. Кажется, пообещала ей фасованное органическое удобрение, поскольку женщина с доставкой стремянки обернулась меньше, чем за минуту. Как раз в тот момент, когда позади нашей «Шкоды» нетерпеливо засигналил темно-синий внедорожник. Водитель требовал немедленно освободить проезд.

— О, блин! — возмутилась Наташка. Видали нахала? Сколько гонору! И куда мне теперь машину приткнуть? В канаву? Не до разворота же ехать. Ничего, подождет, коз-зел!

Словно по мановению волшебной палочки открылись ворота Гелькиного участка под двойным номером 54–55. Наташка их вежливо поблагодарила и, не торопясь, направилась к «Шкоде». Сев за руль, включила зажигание, затем вылезла и неспеша старательно протерла переднее стекло. Из грязного внедорожника выскочил толстенький коротышка в коротковатой майке и тесноватых шортах. Из под синей бейсболки торчали рыжие вихры. Он явно торопился и был одержим намерением высказать Наталье Николавне все, что думает о ней и обо всех бабах за рулем. Как бы не так! Наташка одарила его самой лучистой из своих улыбок. С намеком на восхищение. Талантливая кинодива, да и только! На Бориса ее улыбки должным образом уже не действуют. Муж сразу настораживается и требует покаяния в новых проступках. А непуганый мужичок мигом забыл, куда его несло. Ответная улыбка была нерешительной, застенчивой и умильной. Шаркнув подошвами кроссовок о дорогу, словно вытирал ноги, он скромно потупился, запутавшись в словах и мыслях. Ну а Наташка принялась действовать в ускоренном темпе: со стороны шоссе приближалась еще одна машина. Не исключено, что баба за рулем. Обмениваться искусственными улыбками им совершенно ни к чему, а для скандала нет времени. Это ускорило заезд «Шкоды» на участок. Ворота автоматически закрылись едва ли не перед моим носом. Во всяком

случае, я успела почувствовать себя неподкованной блохой. Вот тут-то и навалилось щемящее чувство тревоги. В смятении я запрыгнула на территорию участка и нырнула в машину именно в тот момент, когда подруга из нее вылезла.

— Тебя доставить к ступенькам крыльца? — решительно настроенная Наташка была сама вежливость.

Я отказалась. Не менее вежливо. Но сразу из машины не вылезла. Сделала вид, что ищу в сумке... ну, допустим, кошелек. Убедившись в его наличии, удовлетворенно кивнула и с бодрым «Оп-паньки!» кинула ее на заднее сиденье. Покидая «Шкоду», обреченно вздохнула, пообещав ей наше скорое свидание — после дождичка в четверг. Машина жалобно пискнула, подчиняясь приказу кнопки блокировки. Подруга сунула ключи мимо кармана и ругнулась. Я не преминула выразить сочувствие, участливо заметив, что у нее руки — крюки, а память вообще никакая. Пока она искала достойный ответ и отсутствующий на брюках карман, я прошла вперед. Туда, куда вела узкая тропинка. Миновав густые заросли сирени и жасмина, увидела, с позволения сказать, садовый домик и сразу подумала, что он правильно прячется за кустами. Как очень дальний и очень бедный родственник шикарного забора. Отслужил свое, бедняга.

— А где же пластиковые окна? — поигрывая ключами, возмутилась подоспевшая подруга.

— Наверное, выпали, — предположила я. — Не ко двору пришлись. Как наши миллионеры основному населению России. По-моему, эта лачуга вот-вот развалится.

В подтверждение моих слов в районе притулившегося к стене крыльца что-то треснуло. Сверху посыпалась мелкая труха. Наташка ойкнула и подалась назад. Об меня и притормозила. А мне и в голову не пришло уступить ей тропинку. Все равно отступать некуда. По обе стороны торчали засохшие кусты неизвестной породы.

— Полтора года назад эта хижина выглядела куда лучше, — пробормотала подруга, отряхиваясь от невидимой пыли. — Готова поспорить, она явно необитаема. Прямо покинутый домик бабы Яги.

— Похоже... А курьи ножки свистнули. В окружавшей тебя прошлый раз обстановке поздней слякотной осени любая дырявая крыша над головой могла показаться нормальной. Не понимаю, где тут может обитать Катерина. Надо же, какой заросший участок. Пластиковые окна ему точно ни к чему. Скорее всего, я права, твоя Гелька получает от фирмы «Австриякон» какой-то процент — за рекламу.

— Держись подальше от развалюхи и поближе ко мне. Ай-й-й! Бли-ин,

сколько здесь крапивы! Совсем молоденькая, а уже огрызается. Ир, по моему это какой-то новый сорт — махровая, повышенной жгучести. Нам бы только крыльцо обойти, не повалив соседский плетень.

— Тогда лучше свернуть налево и обогнуть старушку-избушку с другого бока. Здесь и тропинка есть.

— Да? Какого лешего раньше молчала? Видела же, что прусь туда, где не ступала нога человека. Впрочем, разве Гелька — человек? Ты права, наплела нам барменша с три короба про свои пластиковые окна. Рекламный плакат, двуногий.

На Наташкин выпад я не ответила. В кои-то веки удалось оказаться практичней подруги, пусть даже случайно. Откровение насчет сворачивающей налево тропинки открылось мне внезапно. Как раз в тот момент, когда шагнула следом за подругой и ступила на замаскированный травой рыхлитель. Не иначе, с осени пророс. Решив зашвырнуть орудие для борьбы с сорняками куда подальше, я оглянулась в поисках подходящего места, вот тут-то тропинка и обнаружилась. Чуть ранее я ее просто загоразживала своим телом. Забыв про рыхлитель, я уверенно направилась в обход развалюхи. Наташка чертыхалась где-то сзади.

Проблески иного мира показались сразу за старыми плодовыми деревьями, создававшими на первой половине участка устойчивую тень. Все понятно: в свое время экономился каждый свободный клочок земли. Дачники выполняли личную продовольственную программу. Надо полагать, скоро здесь будет газон. Вторую, дополнительную половину участка задействовали под строительство нового дома. Небольшое количество стройматериалов было накрыто рубероидом и целлофаном. На земле валялось штук пять разлапистых пней. Очевидно останки старых яблонь. Подходить ближе не стоило, такое впечатление, что перекопана вся территория.

— Теперь все понятно, — отчеканила подросевшая подруга. — Гелька приобрела еще один земельный надел и начала возводить новый дом ради выгодных пластиковых окон. Надо же! Простая российская барменша! Неужели зарабатывает безумные деньги на недоливе? С каждого клиента по капле. Скромненько, но достаточно. В какой-то мере это борьба с пьянством и алкоголизмом. Капля, как известно, даже камень точит.

— Скорее всего, твоя Гелька остановила на полном скаку какого-нибудь упакованного «коня». Интересно, откуда нам был глас? Определенно, не свыше. Где-то должно быть переговорное устройство с тетей Катей.

— Вон, за деревьями, видишь? Что-то желтенькое белеется. То ли

изысканный сарай, то ли оригинальная банька. Странно, что старую хибару не снесли. А упакованный «конь», по-видимому, ускакал на волю. Укатали Сивку крутые Гелькины горки. Строительные работы-то свернуты. Ни одного гастарбайтера! Ир, дуй за мной, не пойму, зачем нас вообще сюда понесло? Ах, да... Из человеколюбия. Наша задача поздороваться, оказать тете Кате посильную помощь, убедиться, что с Гелькой все в порядке и заранее открыть ворота для выезда.

Я покорно тащила за Наташкой, неосознанно сжимая в руке когтистую тяпку-рыхлитель и внимательно глядя себе под ноги. Мало ли какой еще рабочий инструмент не на месте валяется. Та к и брела до тех пор, пока не ткнулась темечком в спину внезапно остановившейся подруге. Она непроизвольно сделала еще один шаг вперед и восторженно ахнула. Следом ахнула и я, окончательно расставшись с чувством тревоги. Было от чего. С торцевой части участок Синицыных не огораживался. Естественной границей служило небольшое вытянутое озерцо. Противоположный берег казался обманчиво близким, но метров сто пятьдесят до него, точно, было. Естественным украшением являлись живописные кусты с нежной зеленью. Такое впечатление, что их специально подстригли под гребенку. Я бестолково топталась на месте, подавляя желание скинуть обувь и пройти по бережку. Особенно по небольшой песчаной отмели, клином уходящей в воду.

С боков озерца в воду уходили небольшие (метра по полтора) отрезки рабицы, воинственно торчащие наружу вместе с двумя бетонными столбами: сетка являлась продолжением забора. Землю здесь явно приподнимали, но все же эта часть участка оставалась низинной. Ранней весной наверняка немного подтапливалась. К воде вели плиточные ступеньки, огороженные перилами. Внизу они плавно переходили в мостки. «На рейде» покачивалась черная надувная лодка. Метрах в десяти от воды красовалось небольшое строение на сваях и с резным крылечком. По всей видимости, банька, временно используемая под жильё.

— Прелестно... — пробормотала я, возвращаясь взглядом к воде. Она казалась темно-коричневой. Особенно на фоне белеющего пластикового пакета, возомнившего себя дрейфующим айсбергом...

— Тетя Катя! — крикнула Наташка и поспешила к бане. Стучаться не стала. Распахнув дверь настежь, громко поздоровалась, приветствуя тетушку Екатерину, затем поинтересовалась, где она находится и только потом взвизгнула.

Мои мысли немного отстали от действий. Я ломанулась в дверь следом за подругой, с опозданием догадавшись, что нам обеим следовало

бы нестись в обратном направлении, к машине, громко призывая на помощь местных садоводов и, на всякий случай, местную полицию. Ничего страшного, что до нее не докричишься. Что открылось Наташкиным глазам, я не знала, но ни с того ни с сего подруга визжать не станет. В подтверждение правильности моих рассуждений на меня нахлобучилась какая-то хламида, источающая тонкий запах, похожий на ароматизатор, используемый при стирке белья. Я судорожно вздохнула и... Словом, не помню, удалось ли мне в тот раз выдохнуть. Наверное, удалось, иначе как бы я могла передвигаться? Причем, по Наташкиным заверениям, довольно резво. Если, конечно, ей не показалось.

Очнулась я от резкого запаха аммиака и сразу попыталась дать стихийную отмашку руками. Ничего не получилось, пришлось сопротивляться и ногами, одновременно пытаюсь увернуться от убойного средства, гарантирующего возвращение к жизни всем, кто еще способен дышать. А не было другого выхода. Не врагиня же я самой себе.

Всплеск очередного Наташкиного визга восприняла как должное — продолжение следует. Помнится, под него я, накрытая пыльным мешком, и отключилась. Как показалось, на весьма короткое время — пару секунд, не больше.

— Ч-чума болотная! — радостно приветствовала меня подруга, успевшая предусмотрительно выкатиться из машины и тем самым оставить меня наедине с самой собой.

Первым делом я поняла, что руки у меня хоть и не свободны, но и не связаны. Они свободно барахтались в каком-то тряпье вместе со странным предметом, безжалостно царапающим острыми зубьями. Сразу нахлынули экзотические воспоминания о крокодиловой ферме в Таиланде и предположение, что мне подарили на память челюсть маленького крокодила, а я этот момент заспала. Но разум быстро пресек экзотику. Мы находились на небольшой лесной полянке. Вокруг отчаянно шумели родные березы. Полулежа на заднем сиденье машины, я недоуменно таращила глаза в окно. Озверевший ветер, как сорвавшийся с цепи сторожевой пес, остервенело трепал ветки деревьев. Удары грома были подобны звукам разрывающихся снарядов, только отдаленных. Это «музыкальное сопровождение» несколько отставало от разрядов молний. Тем не менее быстро темнело, гроза стремительно приближалась.

— Будет ливень, — отстраненно подумалось мне. — Что ж так ужасно болит голова? Интересно, в каком мы измерении? Надо же. Прямо из мешка и в лес! Сказать кому, не поверит.

— Скажи мне, я поверю, — раздался отрывистый Натальин голос. Я

сразу и не поняла, что раздумываю вслух.

— Что случилось? — мой вопрос прозвучал на удивление спокойно, тон явно не отвечал усиливавшемуся в душе страху. Попытка принять более удобное положение для активного вживания в окружающую обстановку, причем без помощи рук, удалась плохо. Но главное, я видела подругу. Ветер, этот мощный естественный фен, усиленно лохматил волосы на ее голове, они стояли дыбом, придавая Наталье жутковатый вид.

— Фига себе! — подбоченилась она. — Ты и вправду ничего не помнишь или придуриваешься?

Взгляд подруги метался по сторонам.

— Я придуриваюсь только в свободное от отягчающих обстоятельств время, — стараясь не смотреть на Наташку, проворчала я. — На фоне безделья. А что мне следует помнить?

— Ну, например, как ты неосмотрительно грозила банным злодеям выскочить из пыльного мешка, расцарапать им преступные рожи металлическими когтями, подаренными тебе лично Фредди Крюгером. Конечная цель — предъявить эти рожи на опознание родной матери, которая, вне сомнения, их не узнает.

— Не может быть! Я точно помню, что... ничего не помню. Следовательно, потеряла сознание.

— Так я и не спорю. Кто ж в сознательном состоянии додумается грозить киллерам, решающим сложный вопрос: быть или не быть? Нам с тобой, разумеется. В ответ ты принялась зловеще бубнить считалку: «Вышел месяц из тумана, вынул когти из кармана, будем всех когтями драть, им живыми не удрать». И все бы ничего — бандиты оказались с чувством юмора, да ты ухитрилась прорвать рыхлителем мешок и явить присутствующим четыре реальных коготка. Пришлось мне из-под своей накидушки — для меня чистого, но дырявого пододеяльника не пожалели — посетовать на то, что тебя рановато выписали из психиатрической клиники. Словом, враг бежал. Перед бегством любезно подарили нам открывалку для выезда из ворот. Такой симпатичный брелочек с ключами. Затеяливый пульт, работает на расстоянии. Единственное условие — мы выйдем на волю не ранее, чем через десять минут после их ухода. Я сразу согласилась. Мало того, заверила, что мы вообще не торопимся, так нам на прощанье даже счастливого пути пожелали. Как только они хлопнули дверью, я сразу же выпуталась из постельной принадлежности, убедилась в твоей живучести и угрохала оставшиеся условленные минуты на пробежку по бане.

Наташка слегка замялась, погладила открытую дверь машины,

внимательно изучила следы пыли на ладони и вытерла руки о траву. Распрямившись, передернулась, словно от озноба, и решительно заявила:

— Ни одной живой души в бане кроме тебя не было, ну я и уволокла твое сумасшедшее величество в машину. Прямо в мешке. Та к мне казалось спокойнее. Мало ли что у тебя на уме, когда он у тебя отсутствует. Кстати, ты сама ногами перебирала. Да так шустро! Странно, что ничего не помнишь.

— Наверное, с перепугу. Состояние аффекта. Интересно, почему они позволили нам заехать на участок? Ты чего-то не договариваешь.

— Не сочиняй! Просто... нас приняли за других. Насколько я поняла из-под пододеяльника, у разбойничков имеются какие-то счета с каким-то козлом. Назначенное время встречи давно истекло, ну тут мы и подвернулись. Наверное шестиногие робин гуды посчитали нас парламентарями и рассчитывали получить полезную информацию о хозяевах, но я слезно уверила, что сами их какой день ищем. Как найдем, сразу угрожаем. Они так обрадовались.

— Почему робин гуды, да еще шестиногие?

— Три Гуда умножь на две ноги, сколько получится? А Робины от слова «робеть». Вели себя прилично. Куда лучше, чем ты. Миллионов с нас за знакомство не требовали, сочли соратницами в борьбе за правое дело. Кстати, среди соискателей Синицыных была какая-то баба. Она и вела с нами беседу вместо тети Кати, когда мы напрашивались на въезд. Потом даже посочувствовала. Вас, говорит, кинули? Я из-под пододеяльника сразу согласилась. Лучше быть товарищами по несчастью, чем без вины виноватыми жертвами. Ирка, ты меня уболтала! Гроза уже почти над нами, сейчас такое начнется!

Наталья нырнула в машину, подняла все стекла и удовлетворенно мурлыкнула. Но через полминуты ее осенило, что молния может ударить в любое из окружающих нас деревьев, а ему все равно куда падать. Лучше вернуться на шоссе, только она не помнит, в какой оно стороне. Мы добросовестно прислушались, надеясь уловить характерный гул трассы. Куда там! Участники импровизированного концерта, состоящего из оглушительного треска громовых раскатов, завывания ветра и стенаний листвы, не терпели конкуренции. Да еще эти дикие вспышки молний! Мимо машины пролетела здоровенная ветка. Мы синхронно ахнули. С небес хлынул поток воды. Очумевшая было от страха Наташка, собравшаяся рвануть куда глаза глядят, пришла в себя и выключила зажигание. Глядеть глазам было некуда, со всех сторон сплошная пелена дождя. Окончательно оборзевший ветер нашел новую забаву: рвал мощные

струи воды и швырял тяжелые плухи исключительно в нашу машину. Во всяком случае, мне так казалось. Грохот стоял невероятный.

Наташка навзрыд читала молитву. Я в меру сил занималась аутотренингом — внушала себе, что «у природы нет плохой погоды», но временами сбивалась на повторение Наташкиных просьб к Всевышнему прекратить грозное бесчинство. И все это из мешка, в который на сей раз я сама вполне осознанно влезла с головой. Для надежности еще и глаза закрыла. Если бы только ни духота. И этот приторный запах...

Ливень прекратился внезапно. Словно на небесах перекрыли кран. Немного неисправный, он потихоньку подтекал. Но само грозное облако пронеслось дальше и я, без сожаления расставшись с мешком, разочарованно отметила: небо равномерно серое.

— Еще немного посидим и поедим, — буркнула подруга, барабаня пальцами по рулю.

— В полицию, — намеренно бодро подсказала я.

Наталья не ответила, но барабанную дробь прекратила.

Я похвалила себя за догадливость. Не вслух, разумеется. Зачем мне лишние препирательства?

— Значица так, Натуля. Рано или поздно мне все выложишь. Это не сведения о дырах в семейном бюджете, которые ты регулярно организовываешь и просто обязана утаивать от мужа. Ему лишняя нервозность, а тебе потеря звания эталона идеальной жены ни к чему. Между прочим, мне это выгодно. Хоть на какое-то время Димка перестанет попрекать меня твоей примерной хозяйственностью. Не надейся, что утаивание неприятных фактов пребывания в чужой бане позволит им рассосаться без следа.

— С чего ты взяла, что я что-то утаиваю?

Я довольно уныло выдала «ха-ха-ха» и рекомендовала подруге поискать дуру в другом месте.

— Умная очень? — огрызнулась она.

— Кто? Я?

— Ну не я же.

— Тогда слушай мою версию: нам открыли ворота вовсе не потому, что приняли за парламентариев или коллег по несчастью — четвероногих робин гудов. Все куда проще. Мы привлекли к Гелькиному участку внимание многих людей. Сбагрить нас по-тихому туда, откуда приехали, не получилось. Ссылка на отсутствие Ангелины с дочерью не помогла. Мы проявили решимость перемахнуть через забор. Группа любопытных соседей наверняка топталась бы на месте в ожидании интересных новостей

о немощной бабушке Катерине, которую родные дочь и внучка променяли на личный отдых в другом месте. А в случае нашего долгого отсутствия нашлись бы добровольцы для получения сведений прямо из первых рук. Да тот же мужик из внедорожника. Похоже, ты его обворожила и он на всякий случай запомнил номер «Шкоды». А на фига Гудам гласность, если они прибыли инкогнито на резиновой лодке? Ясное дело, не по суше.

Наташка впала в состояние глубокой задумчивости и, похоже, выходить из нее в ближайшее время не собиралась. Я с досадой шарахнула рыхлителем по своей сумке и с надрывом предсказала наше с подругой печальное будущее:

— Ребята быстро смекнули, как обернуть гласность в свою пользу. Боюсь, что в бане, используемой под ночлежку, оставлен без присмотра чей-то свежий труп. И как бы, не бабушки Синицыной. Мы с тобой прекрасно подходим для роли киллерш. Дачники мгновенно подтвердят: мы были последними, кто с ней разговаривал по домофону. Время ее смерти идеально совпадет со временем нашего визита к ней. А теперь колись, кого ты видела в бане после исчезновения фальшивых Робинов?

Наташка тупо пялилась на руль, я терпеливо ждала правдивого ответа. Но она неожиданно полезла на рожон:

— Для убийства нужен серьезный повод. А какой нам резон убивать старушку?

— Не ломай голову. Повод для убийства нам в два счета найдут. Тем более что по твоим уверениям, я рано выписалась из дурдома. Мало того, ты утверждала, что мы просто горели желанием свести счеты с Синицыными. А если у них был с собою диктофон? Уж очень они поразили тебя вежливостью и обходительностью. На последующее прослушивание в компетентных органах работали. Где ты обнаружила тело тети Кати?

— А где я его обнаружила? — перевела на меня немигающий взгляд Наташка.

— Сие мне неизвестно. У нас с рыхлителем шел творческий процесс: сочиненную в мешке страшилку озвучивали. Что-то про месяц из тумана. Кстати, в отличие от тебя, у месяца был карман. Он в нем холодное оружие держал. А ты в это время носилась по бане. Сама же говорила.

— Носилась. Не знала, куда лишние минуты деть. Везде сплошные матрасы, даже на втором этаже и... Ну точно, я тебе уже говорила — ни одной души! Ни живой, ни мертвой. Не носилась только в маленький отсек на первом. Там, наверное, парная будет. Не люблю жару. И хватит трепать мне нервы! Даже если там кто-то и лежал... бездушный, мы этого не видели, не знаем и знать не хотим. А все твои опасения гроша ломаного не

стоят. Лучше скажи, куда это нас занесло?

Выезд на просеку мы нашли не сразу. В процессе поиска выяснилось, что отдельные моменты поездки Наталья запомнила. А все потому, что время от времени отвлекалась на несущественные детали. Например, мое самочувствие. Приводить меня в нормальное состояние, вынимая из мешка прямо на обочине шоссе, подруге не хотелось. Мало ли что могут подумать наездники проезжающих мимо машин. Вот и решила свернуть в поле. А как оно обернулось лесом — совершенно непонятно.

Подруга замолчала и впала в состояние глубокой задумчивости. Вышла из него довольно быстро, посмотрела на меня в зеркало и посоветовала пригладить волосы. Настроение у нее изменилось кардинальным образом.

— Иришка, видишь разлапистый куст бузины?

На всякий случай я уверенно кивнула. Таких кустов здесь навалом. Имею я право выбрать тот, который мне больше нравится? Имею!

— Твоя задача отогнуть его вправо. Я им нашу временную стоянку замаскировала. За ним дорога. Ты не туда смотришь! Блин! Сиди на месте со своей тяпкой, сама отогну!

Я вздохнула. Зачем только нас понесло на эту дачу Синицыных?

Наташка взялась за дело с таким энтузиазмом, что отогнулась вправо вместе с кустом. Ветки затрещали, подруга, само собой, заглушила треск своим визгом. Пришлось выволакивать ее из бузины, фактически оказавшейся кустом волчьих ягод. Выволакивала не очень профессионально, а потому попутно прихватила пару солидных веток, которыми ухитрилась ободрать не только Наташку, но и себя. За кустом и вправду оказалась чисто условная просека, совершенно не походившая на проезжую часть. Нам пришлось изрядно потрудиться, чтобы проложить колею к месту стоянки. Тревожило то, что после ливня можем где-нибудь застрять. К счастью, обошлось. Только в трех местах, да и то в чистом поле, машина пошла юзом, кокетливо виляя задом, но у Натальи не забалуешь. К моменту выезда на шоссе мы вместе с рыхлителем уже успели перебраться на переднее сиденье. Оттуда я и уговаривала себя и Наташку, что ничего страшного не случилось. Сцену в баньке можно рассматривать исключительно с положительной стороны. А это предполагает полное отсутствие в ней каких-нибудь неодоушевленных трупов. Раз мы их не видели. До недавнего времени в строении проживали гастарбайтеры, с

которыми Синицины, возможно, не рассчитались за строительные работы. А то, что рабочие прибыли к ним на лодке по воде, вполне оправдано. Хотели застать работодателей врасплох. Явись они на машине по дачному «тракту», их могли и не пустить. Нас же с Наташкой не пускали, а чем мы хуже?

Очевидно те же самые мысли бродили и в Наташкиной голове, поскольку она невольно притормозила у поворота в недавно покинутое нами садоводческое товарищество «Темп».

— Даже не думай! — подпрыгнула я на месте. — Без куриного помета нам возвращаться не стоит. Второй раз так легко от сумасшедшей заказчицы не отделаешься. Кончится тем, что придется кур заводить. Если успеем до того, как нас не объявят в розыск. Вдруг моя первая версия с трупом в парной окажется верной?

— Не каркай! — испугалась подруга. — Куда этих кур на зиму девать? Я фыркнула.

— Заботливая ты наша! Все не о себе, о других думаешь. Забудь про кур и вникни в мое предложение: нам больше подходит роль сторонних наблюдателей. Давай доедем до следующего поворота. Там наверняка дорога, которая ведет к озеру. Компания робин гудов приплыла к участку Синициных на надувной лодке. Не на себе же они ее приволокли. Уверена, привезли на машине. А последняя плавать не обучена. Попробуем с того берега определить, есть ли суматоха на дачном берегу.

— Ты бы не очень своей тяткой размахивала! — взвилась Наташка. — Обивку попортишь. Или меня. Не знаю, что хуже. У кого только так орать научилась? Между прочим, я притормозила только для того, чтобы спокойно предложить тебе вариант, который ты мне сейчас проорала с недвусмысленной угрозой силового воздействия. И что у тебя за манера каждый раз прихватывать с собой чужие вещи? То дрель, то чайник, то тятку Крюгера... Ну ничем не брезгуешь, клептоманка несчастная!

Я посмотрела на когтистый рыхлитель. Ничего страшного. Похож на лапку... чеширского кота. При случае верну Ангелине. И разве ж я орала? Орут так, как сейчас надрывается Наташка. Она профессионал, ее не переорешь.

Рассыпаясь замечаниями в мой адрес, подруга покатила вперед. Я ее не слушала. На душу снизошло некое отупение. Далась нам эти пластиковые окна, и понесла же нелегкая в «Темп». Сидели бы сейчас спокойненько на собственных дачах и...

— Поворот на дорогу к деревне Пупыри, — тоном экскурсовода объявила Наташка. — Видишь указатель?

— Значит, от нее будет отвлечение к озеру, — спокойно среагировала я.

— А вот и не будет. У меня бензин кончается. С этими проклятыми заморочками я растеряла всю свою практичность. До озера-то мы доедем, но обратно... Это знак свыше. Следует миновать поворот и попробовать добраться до заправки.

— О! Еще один знак свыше, — насторожилась я. — Слышишь, как весело тарахтит наперекосяк твоему предложению? Прямо оттуда, куда ты решила не сворачивать. Сделаем вид, что не заметили или остановим?

— Ир, трактора работают на солярке! Хотела попросить у тебя прощения за свои нападки, но не буду. Ты и в самом деле «с приветом».

— Да кто бы возражал! Просто трактор может дотащить нас до ближайшей заправки. В копеечку влетит, а что делать?

— Ну извини. Ща развернусь и выскакиваем. Блин! Тяпку оставь! Напугаем мужика до дрожи, от нее трактор рассыплется.

Мельком взглянув на себя в зеркало, Наталья выскочила из машины, я заторопилась следом. С рыхлителем. В спешке забыла наказ подруги. Перегородив трактористу выезд на шоссе, мы приветливо ему улыбались. Рыхлитель пришлось прятать за спиной.

Для начала мужик высунулся из окна и обложил нас матом, отчего мы разулыбались еще приветливее. Специалист озадачился, заглушил свою тарахтелку и ошарашено поинтересовался, какой, скажем так, интимной части мужского тела нам надобно. В то время как я торчала на месте по стойке «смирно», алевшая нежным румянцем Наташка, потупив взгляд и колтыхаясь из стороны в сторону с кошельком в руках, прочирикала суть проблемы. Для полного счастья нам не хватает поллитра бензина. Бензобак иссяк воспользовавшись неисправностью датчика. Не хотелось бы навязываться, но вынуждены...

— Мне в другую сторону! — одарив презрительным взглядом нашу «Шкоду», тракторист профессионально сплюнул в окно.

— Нам тоже! — радостно доложила Наташка. — Я просто нечаянно развернулась.

— Ну все сегодня без бензина! — недовольно пробурчал водитель трактора и, согнувшись пополам, пропал из вида.

Явился он нам меньше чем через минуту, причем во весь рост под метр восемьдесят и с канистрой в руках. Выскочил из кабины так, словно только и делал, что всю сознательную жизнь тренировался в этом направлении. Побултыхав канистрой, на слух определил наличие в ней 0,75 литра горючего девяносто пятой пробы и потребовал за него столярник.

Наташка онемела (не привыкла, чтобы так относились к ее привлекательности), а я невольно опустила сцепленные за спиной руки. Длинные, а потому подвернутые рукава старенькой курточки вернулись в исходное положение. В тот же мгновение онемел тракторист, неправильно истолковав назначение торчащей наружу «кошачьей лапы» и мои намерения. В доказательство безопасности рыхлителя, я миролюбиво водила его когтями по левой ладони.

— Сколько-о-о?! — сменив милость на гнев, спросила подруга.

— Да нисколько, пошутил я, — не очень убедительно соврал мужичок, не отрывая взгляда от моих манипуляций. — Так это... Через полкилометра заправка, доберетесь. Если что, подмогну. Не мои остатки бензина в канистре-то, полицейские. Заглохли ребята на берегу, пока я «Жигуленок» из воды вытягивал.

— Фига себе... — растерянно проронила Наташка. — Ир, а ты говорила, машины плавать не обучены. Неужели техника сама рискнула вплавь махнуть на другой берег? Надеюсь, обошлось без жертв?

— Ага. Машина цела. Только три покойника — два мужика и баба. Все вместе утопи. Хрен знает, чё их в воду понесло, — косясь на торчащие из рукава нержавеющей стали когти, ответил он. — То ли тормоза отказали, то ли по пьяному делу. Если уж спьяну море по колено, то наше озерцо и подавно. Наверное ребята порыбачить приехали. В багажнике сдутая резиновая лодка лежала. Там, где их вытащил, сейчас опера с медичкой работают, труповозку вызвали, а меня вот с канистрой за бензином снарядили. Как будто мне своих забот не хватает.

Мы с Наташкой переглянулись и шагнули друг к другу, сплотившись вдвоем в одну шеренгу. Тракторист оживился и посоветовал нам немедленно катить дальше. А чтобы труповозка во сне не приснилась. Я автоматически пригладила волосы рыхлителем и поморщилась от неудовольствия. Наталья протянула дрожащую руку за канистрой, но наткнулась на вежливое «Сам залью! Еще прольете». Трактористу явно не хотелось тащить нас до заправки на прицепе, а судя по тому как он буквально выжимал в бензобак последние капли из канистры, вообще не хотелось встречаться с нами. Никогда! Не знаю, что плохого мы ему сделали. Этот вопрос мы с Наташкой обсуждали до самой АЗС, перемежая замечаниями на тему неустойчивой погоды. Несмотря на смену небом наряда из серой плесени туч на парадно-голубой, мы упорно предсказывали очередной ливень. И очень торопились побыстрее уехать с заправки. До такой степени, что Наташка, оплатив стоимость пятнадцати литров бензина, забыла его залить и, вспорхнув в машину, рванула вперед.

Бензиновый мальчик с заправочным пистолетом в руках, разинув рот, с интересом наблюдал за нашей круговертью на шоссе. Честно говоря, я и сама рот разинула.

— Все нормально, молодой человек, — легонько покашливая в кулачок и пряча при этом основную часть физиономии, пояснила Наташка. — Лишнюю часть горючего сбрасывали. На дне бензобака один осадок. Занимайтесь своим разливом, мы торопимся. Ир, рот закрой. Вот как ливанет дождик, нахлебаешься.

Через пару километров у меня снова опустилась нижняя челюсть. По максимуму. Наташка, в великом волнении трещащая о мировых катаклизмах, неожиданно заинтересовалась, как фамилия ее родного мужа.

— Так Кузнецов же... — прошамкала я. — А не родной мне неизвестен. По-моему, он в твоей жизни не состоялся.

— Спасибо. Все правильно. Я ведь тоже Кузнецова. Дурак Борис, что на мне женился. Столько со мной глобальных неприятностей... Лучше бы я вышла замуж за не родного. Жаль, вовремя не подвернулся. Пусть ему будет хуже. Ладно. А у меня Боря уж какой есть. Сам виноват. Думать надо было, прежде чем поддаться на мои уговоры о свадьбе.

— А при чем тут бедствия прямо-таки мирового масштаба? Надеюсь, ты в них не замешана?

— Ни в коем разе. Крупномасштабные бедствия — так, к слову. Чтобы было понятно: есть вещи и пострашнее. Просто не выходит из головы эта машинная утопия. Ой, не ведаю, что болтаю. Тебе не кажется?..

— Не кажется! Я уверена, что утопленники — те самые робин гуды из бани. И тракторист не прав. Они не на рыбалку приехали. А тот, кого они надеялись застать на участке Синицыных, скорее всего поджидал их на противоположном берегу.

— Почему «тот», а не «та»? Помнишь, как с дачной дороги вылетела какая-то бешеная фря?

— Человек, отправивший в плавание машину с робин гудами обладал определенными познаниями в технике и соответствующими инструментами. Ты сумеешь сделать так, чтобы, например, руль заклинило или тормоза отказали? Да! Еще и двери застопорило.

— Типун тебе на язык! Хотя один способ выведения тормозов из строя усвоила. Это когда на своей «Ставриде» очень глубокую лужу форсировала. Тормозные колодки подмокли. Я тогда гаишника до полусмерти напугала. Блажила из открытого окна на всю Ивановскую. Хорошо дело на шоссе было. Я только-только на трассу прямо из проселочной лужи вынырнула. Второй день за рулем. Представь, качу в правом крайнем по асфальту, а

гаишник скачет на чужом частнике по обочине. Там, сама понимаешь, то яма, то канава. Главное, я ору, чтобы меня остановили, мы с машиной без тормозов, они с частником тоже что-то орут, но я со страху никого кроме себя не слышу. Непередаваемые ощущения, когда педаль тормоза свободно проваливается под ногой вниз, а скорость не снижается. То, как надо подсушить тормозные колодки, поняла только тогда, когда меня переорало подкрепление — свора озверевших мужиков-водителей. И знаешь что выбило из колеи гаишника? Не ломай голову, не знаешь. Я, в конце концов, остановилась, спокойно вышла из машины и принялась протирать стекла. А когда он подскочил, строго поинтересовалась: «В чем дело?» Он минут пять хватал ртом воздух и в ответ ни «бе» ни «ме». Потом ко мне в клинику приезжал, я ему ЭКГ делала. Весь такой дерганый. В свою лечебную контору обратиться не решился, боялся комиссуют. Представь себе, хорошим человеком оказался, порядочным. Я с его помощью свою «Шкоду» без очереди зарегистрировала... Ир, у меня есть предложение: давай забудем про пластиковые окна и все, что с ними связано.

— Давай, — хмуро согласилась я. И через пару километров поинтересовалась: — Ты забыла?

— Пока нет, — вздохнула Наташка. — Это только хорошее быстро забывается. Например, ежемесячная Борина зарплата.

— Ты не подумай, что я намеренно возвращаюсь к больной теме. Просто меня заинтриговал один момент: почему господин австрияк идет на уступки какой-то Ангелине Синициной?

— Не знаю. Наверное, чем-то ей очень обязан, раз даже поездку в Австрию обеспечил. Причем, с ребенком. Мне кажется, быстроногая соседка Синициных насчет этого вояжа правду сказала. А мы сдуру решили, что она просто надеялась перехватить у них куриный помет. Ничего не понимаю. А знаешь, у Гельки нелегкая профессия.

И тут подруга поведала откровения Ангелины. Однажды какой-то перепивший придурок, направлявшийся к выходу, резко изменил свое решение и, соответственно, курс. Короче, по касательной полетел к барной стойке. Обретя за счет нее относительное равновесие, потребовал накапать ему еще сто граммов водки. Жестами. Членораздельно выговорить не мог, только мычал. Ангелина доброжелательно попыталась наставить его на путь истинный, то есть указать дорогу домой, так он такое сотворил! Со всей своей пьяной дури начал рвать на себя шкафчики с полками, уставленными баснословно красивыми бутылками с дорожными напитками. Целое состояние! Откуда только у Гельки силы взялись отстоять вверенные ей материальные ценности. Не иначе боялась, что

стоимость боя на нее повесят. А ведь бедняжке пришлось куда тяжелее, чем ненасытному лакальщику. Он упрямо рвал шкафы на себя, Гелька, удерживая своим телом полки и бутылки, рвала их в обратную сторону. Добавить к этому вес брутто мужика — далеко за сотню килограммов. Он прямо-таки прикипел к шкафам. Пока охранники подбежали... Были, конечно, в работе и веселые моменты. Как-то раз, возвращаясь домой после пересменки, Ангелина замешкалась с зонтом на ступеньках ресторана и стала свидетельницей, а затем и участницей захватывающей сцены. Виной всему был забившийся мусором сток. Благодаря ему на проезжей части образовалось море разлитое мутной водицы, где не рискнули парковаться водители. И в этом мелком «море» стилем «басс» пытался плавать совершенно невменяемый моряк. Цель — пристать к берегу. Беда в том, что берега-то он и не видел. На пешеходной части рядом со входом в ресторан веселились несколько зевак, в том числе два охранника заведения. Наблюдатели давали пловцу остроумные советы типа: «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». В том плане, что ему следует сменить стиль и плыть по асфальту руками. Но тут пловец окончательно выбился из сил и нырнул физиономией в лужу. Вытащила его озверевшая от людской черствости Гелька, за что и заслужила едкое замечание зрителей: ей бы мужа-алкаша, мигом организовала бы спасенному новый заплыв. Гелька нашла достойный ответ. В результате охранники слиняли вызывать спасенному такси. Остались только «независимые эксперты» чужой личной жизни — Гелькиной. Сам пловец в дебатах не участвовал. Сидя на пешеходной части, отчаянно кашлял и чихал.

Я предположила, что «утопленником» вполне мог быть австрияк Туканов. Наташка возразила — скорее всего, пловец свою спасительницу не запомнил. Мало того, более-менее очухавшись, не понял и причину своей зашкаливающей влажности. В итоге мы очередной раз решили, что все это не нашего ума дело. Если он, конечно, у нас есть. Спрашивается, чем руководствовалась Наташка, когда свернула не туда, куда следовало, да еще встала в длинную очередь на заправку? Зачем нам очередная АЗС? Одно утешение: отсутствие пробок на дороге к столице. Но и это ненадолго. Впереди разворот на нашу оживленную трассу. Три километра, начиная от моста, будем привычно и стойко преодолевать за три часа. Стоило ради этого убежать с работы пораньше?

Я старательно гасила свое раздражение по этому поводу. Ни к чему озвучивать свои мысли, Наташка все-таки за рулем. Поэтому настроилась на другую волну.

— Если ничего не изменится, скоро будем жить почти в центре.

Правительство столицы собирается перенести основные штаб-квартиры то ли в Бутово, то ли во Внуково. Заодно задействуют Рублевку. Интересно, кто больше пострадает — рядовые граждане или депутаты с государственными чиновниками?

— Правительство столицы, вестимо, — отрезала Наташка. — Истинные москвичи ему этого не простят. Я, в частности. Зачем мне квадратное метро и резиновая Москва за кольцевой дорогой? Лучше бы фильтровали претендентов на звание москвича, надстраивали пятиэтажки и достраивали брошенные объекты. Дачники тоже озвереют. На фига им какие-то компенсации? Свежий воздух и витамины с грядки куда дороже. Хоть я и не националистка, о чем ты прекрасно знаешь, но... Блин! Ир, не слышишь писка мобильного? Вытащи аппарат из моей сумки, кто-то прислал сообщение. Надеюсь, не оператор сотовой связи с печальным известием об отсутствии денег на счете.

— Надейся, — пробормотала я, оперативно выполняя команду. — Так. Не поняла... «Большое спасибо!»

— Нема за шо!

— Нет, ты тоже не поняла. Это текст сообщения. От неизвестного автора.

— Который с нашей помощью хотел стать миллионером? Неужели кто-то с ним за нас расплатился? Ир, что-то мне жутковато от этой благодарности.

В первом часу ночи мы с Наташкой ужинали в моей кухне листьями салата, макая их в плоску с натуральным растительным маслом и солью. Заедали зелень черным хлебом. Скромненько, но со вкусом. Вот оно, преимущество свободной жизни. Пусть даже временное. Главное, в заботе о муже не надо стоять у плиты. Попутно спорили по поводу конкретного места ночлега — у Натальи или у меня. Спор привел к печальному выводу: зря радовались отсутствию вторых половин и собаки. Уж лучше стоять ради них у плиты. По крайней мере, с ними не так страшно. А тут еще по телевизору демонстрировали ужасняк. Нашли время! Переключаться на другой канал не стали. Интересно же, чем дело кончится. Как назло, героиня фильма без конца влезала в дом и вылезала из него через пластиковое окно, оживляя неприятные воспоминания. Помешались все на пластике, что ли? Вскоре выяснилось, что красавица, набивавшаяся по ночам к холостому владельцу дома в очень близкие подруги, умерла сто с лишним лет назад. Причем не своей смертью. И теперь пыталась отыграться на всех лицах мужеска полу. В результате мы с Наташкой, абсолютно уверенные в своей исключительной женственности, не решились выйти даже на крыльцо. Дачная темнота не такая, как в Москве, где за счет фонарей достаточно светло и ночью. Правда, это не мешает уголовно наказуемым действиям преступных элементов.

— Выскочим, а перед крыльцом три утопленника, да еще с претензиями, — с опаской проронила Наташка.

— Не сочиняй, — пролепетала я. — Какие у них могут быть к нам претензии?

— Такие! Может, их некому поминать добрым словом, на нас понадеялись. А мы постановили вообще о них забыть. Вдруг они надумали пригласить нас в свою компанию? Боже мой, что за бредятину я несу! А ты с разинутым ртом слушаешь. Скорее бы утро.

— Не волнуйся, через пару часов рассвет. Успеем выспаться. И потом мы же не знаем личностей утопистов. Вполне возможно, что это не робин гуды. Мало ли кто еще возит в машине резиновую лодку. Про запас — вдруг пригодится? А если даже это они, мы их тоже не знаем, потому как не видели ни до, ни после пребывания в воде.

— Я как раз кое-как видела, — потупила взор Наталья. — В варианте «до». Пододеяльник же был с дыркой.

Громкий стук в дверь произвел эффект артиллерийского залпа стоимостью триста тысяч рублей. Сама слышала в какой-то передаче, как сокрушался один армейский военачальник, обучающий солдат палить снарядами в белый свет, как в копеечку. Каждый выстрел по цене отечественного легкового автомобиля.

Наташка сползла со стула на пол и прошептала, что нас нет дома. Я молча с ней согласилась. В состоянии патологического оцепенения жалела об одном: не могу ускакать на стуле в Москву, в родную квартиру. С бешеной скоростью. Уже отмечала спасительные искусственно-белые московские ночи.

Опомнилась на полу. Вместе со стулом. Наташка ухитрилась кувыркнуть нас на пол. Не очень удачно — я ударилась локтем, от болезненных ощущений и пришла в себя. Морщась от боли, тоненько взвыла и прервала Натальину скороговорку о нехороших предчувствиях. Они ее вроде как не обманули. На крыльце скучает без нас команда утопистов робин гудов.

— На фига ж им обязательно дверь? — потирая локоть, возмутилась я. — Не пустишь в нее, они в окна пролезут. Вон как столетняя покойница с телевизора.

— У тебя окна не пластиковые, они им не понравятся.

Вторичный стук в дверь заставил нас судорожно вцепиться друг в друга. Следом за ним прозвенел знакомый голос соседки:

— Ира, вы не спите? У вас на кухне свет горит. Хотела пойти к Наташе, но у нее все окна темные. Если не спите, поделитесь активированным углем, он у вас в аптечке лежит. В прошлый раз Дима его оттуда доставал. Аптечка в большой комнате на верхней полке.

— Сейчас посмотрю! — громко откликнулась я, испытывая огромное облегчение. — Наталья, отцепись!

— Это не я, это стул пытается тебя удержать от глупых поступков. Ритка в минувшие выходные у меня две пластины угля брала. Не иначе как только им и питаются.

— Может, свекор приболел?

— У них все больные на голову. Скорее всего, втихаря самогонку гонят. Племянница замуж выходит. Хоть и в пятый раз, дело привычное, но все же мероприятие праздничное.

— А активированным углем топят потайную плиту в гараже. Интересно, зачем?

— Балда! Вот что значит не отдыхать в нежном пионерском детстве в настоящей деревне! Уголь у профессионалов служит для очистки зелья от

сивушных масел.

— Ира-а-а, — надрывалась за дверью Ритка, — наверное, не там ищешь. Говорю же: аптечка в большой комнате на верхней полке. Открой дверь, я сама тебе покажу.

— Ирка, даже не рыпайся! — голос рассерженной на соседку Наташки окреп. — Ни стыда, ни совести у самогонщицы, всех обобрала. Впрочем иди открывай. Я мигом. Пусть попытается найти меня и аптечку.

— Не выдумывай! При определенных проблемах с желудком потребляют уголь в больших количествах — таблетка на килограмм веса. В частности, при отравлении, — строго сказала я и заторопилась к входной двери. Увы, за ней никого не было. Рите надоело ждать, обиделась и ушла. Она вообще очень обидчивая.

Ну а дальше я присела на крыльце прямо у входа. Уши заложило от отчаянного Наташкиного визга, ей вторила Ритуля. В голову пришла дурацкая мысль: теперь Ритка без зазрения совести может пройтись по всем дачам с протянутой за активированным углем рукой. Люди уже не спят.

Встрепенувшись, я бесстрашно спустилась вниз, догадавшись, что заждавшаяся меня Маргарита направилась к светящемуся кухонному окну. Надеялась форсировать события. Та к оно и оказалось, именно под ним рыдала соседка, а высунувшаяся из открытого окна Наташка сердито формировала у нее комплекс вины за полученный по носу удар аптечкой. Доводы были весомые. Во-первых, Ритке следовало терпеливо стоять на крыльце у порога дома и ждать. Рано или поздно мы бы ей открыли. Во-вторых, даже по ночам не следует шляться к соседям в белых ночнушках. Надо быть скромнее. В-третьих, не стоило Ритке задирать голову вверх. Я сразу поняла, что Наташка решила спрятать аптечку от Ритули на подоконнике за занавеской. А тут под окном некто в белом. Вот рука и дрогнула.

— Ночнушка желтенькая, — прогнусавила соседка, пытаюсь справиться с носовым кровотечением. — И очень даже приличная. Не отличить от вечернего платья.

— Еще не вечер. Сейчас только ночь! — напомнила подруга. — А ночью все кошки серы. К чему это я про кошек? Впрочем, некогда размышлять, зря не скажу. Ир, открой аптечку, там у вас стерильные марлевые салфетки. И скажи этой кукле, чтобы опять задрала нос кверху. Будет потом жаловаться, что все на твоём участке полито её кровью. Надо остановить безобразие. погоди! Салфетку следует смочить чем-нибудь холодным. Я сейчас вам бутылку Ефимовской минералки из холодильника

выкину.

— Не-е-ет!!! — заорали мы обе, отскакивая в цветник. Наташка обозвала нас обалдуйками и, внимательно взглядевшись в полосу света, доложила о потерях: кусту лилейника, гипсофилу и, пожалуй, дельфиниуму хана. Если мы немного отступим в сторонку, она скажет точнее. Я попросила ее до утра не тревожиться и осторожно, скорбно причитая из-за загубленных цветов, выбралась на дорожку. За собой тащила Маргариту с послушно задраным кверху лицом.

— Дамы, что случилось? — освещая дорогу фонариком, к нам на помощь спешил пожилой сосед Илья Семенович. Его неожиданное появление испуга не вызвало. — Народ волнуется, спрашивает, не нужна ли помощь. Здравствуйте. Боже мой, Маргарита Сергеевна, да вы вся в крови!

— Угу, — промычала она и, на всякий случай, уточнила: — В своей!

— Передайте народу, что все в порядке, — вежливо отрапортовала сверху Наталья. — Это дурная кровь. Ничего страшного, просто Ритуля из окна выпала. Носом. Не всем так везет. Некоторые руки-ноги ломают. У нас это профилактика приступа гипертонии. Снижаем артериальное давление. Слышали о таком исторически известном методе как «кровопускание»?

Илья Семенович ответил неопределенно. То есть сначала «да», потом «нет».

— У меня гипотония, — прошамкала Ритуля, шмыгая носом. — Кажется, уже все в порядке. Не помните, зачем я к вам приплелась?

— Вот, держи. — Я торопливо вытащила из аптечки стопку упаковок активированного угля, перехваченную резинкой.

— Спасибо. Наташа, я тебе две пластинки должна, отсчитываю из моей пачки. И Дмитрию Николаевичу одну. Ира, смотри, три штуки возвращаю, семь беру. Мы в расчете. Илья Семенович, если не трудно, посветите мне под ноги. Не пойму, где дорожка.

— Ах, да... Разумеется, — спохватился Илья Семенович, до этого момента тративший энергию батареек на освещение бюста Маргариты Сергеевны. Тонкая ночная сорочка у нее и вправду была нежного цыплячьего цвета, в нескольких местах подпорченного пятнами крови.

Проводив виновницу переполоха и ниспосланного стихийным дачным собранием нам во спасение Илью Семеновича, я по всем правилам навесила на калитку замок. Тр и года бездельничал, пора выполнять свои прямые обязанности, а не болтаться бутафорской висюлькой. Замок с готовностью щелкнул, заставив меня запоздало охнуть. Кажется, мы потеряли ключи к нему. Ну точно! Тр и года назад наша бабуля куда-то их прикопала. Вот замок и висел без дела. Не пришлось бы выламывать его

вместе с калиткой.

— Ир, ну ты скоро? Новый ужасняк начинается. Дуй сюда быстрее, пока идет реклама. — На освещенном крыльце приплясывала от нетерпения Наташка. — Кончится как раз к рассвету. А потом спать! До полудня, не меньше.

Подруга ошиблась. Спать нам вообще не пришлось. С рассветом начался третий по счету ужасняк и, что самое ужасное, основанный на реальных событиях. Мало того, нам с Наташкой были отведены в нем едва ли не главные роли.

Второй кинотриллер подходил к логическому концу. Из развеселой компании молодежи, отдыхающей на опрометчиво выбранном необитаемом острове, осталось в живых только два положительных героя. В ходе борьбы за выживание он и она успели разлюбить партнеров, с которыми прибыли, и с необузданной силой влюбиться друг в друга. Им удалось бежать с острова на самодельном плоту в открытое море, где их в почти бессознательном состоянии подобрал экипаж небольшого туристического судна. Но триллер не был бы щекочущим нервы шедевром своего жанра, если бы сценарист в самом конце не сделал зрителям «козью морду». Придя в себя и немного порадовавшись спасению, влюбленные с ужасом обнаружили, что экипаж спасателей состоит сплошь из погибших на острове друзей. Вся команда в сборе и издевательски ухмыляется. А само судно держит курс прямо на знакомую убийственную часть суши, со всех сторон окруженную водой и безысходностью. Камера отвлекается на безмятежное небо, плавно перетекающее в океан. Граница между ними совсем не заметна. Тайм аут! Иными словами, зрителю предоставляется возможность самому додуматься до жутких деталей неминуемой гибели последних героев и помянуть недобрым словом авторов фильма. За изощренную жестокость. И тут... героиня просыпается. От телефонного звонка своего вроде как бывшего близкого друга. Очень даже живого. Полный ожиданий счастливого путешествия на острова, молодой человек напоминает ей, что пора поторопиться. Катер ждет. Пока девица судорожно собирается, он тайком любуется содержимым маленькой бархатной коробочки нежно-розового цвета. Обручальное кольцо явно предназначено для девицы. Похлопав глазами, мы с Наташкой слегка оторопели, не зная чего ждать дальше.

— Я бы на ее месте взяла кольцо и никуда не поехала, — с досадой заявила подруга.

— Она поедет! — уверенно отчеканила я. — По крайней мере, к причалу. Ей следует убедиться в реальном существовании человека, в

которого она между делом влюбилась. Можно сказать, заочно.

Та к оно и вышло. Они встретились на пирсе. Напряженные взгляды узнавания (обоим приснился один и тот же сон), герои бросаются друг другу в объятия и уходят в обнимку, не слыша возмущенных криков обреченных на гибель друзей и бывших любимых. Эгоистично и безнравственно с нашей точки зрения. Им следовало как-то объяснить свое поведение и отговорить друзей от безвозвратного плавания на тот свет. Но больше всего Наташку волновала судьба обручального кольца с бриллиантом.

— Только бы не выкинул, — лопотала она. — Лучше потерять неверную невесту, чем жизнь. А кольцо ему еще пригодится.

— В качестве реквизита? — наивно спросила я. — Для другого персонажа другого фильма? Все равно этот Джек живым из поездки не вернется. А бриллиант наверняка фальшивый.

Отставной жених, с горечью взиравший в сторонке на кольцо, словно услышал наши рассуждения. Камера медленно увеличивала его изображение. Прищуренными глазами на крупноплановой физиономии он уставился на нас с телеэкрана. Губы кривила ехидная усмешка. Мы смолкли и вжались в спинку дивана. Без слов стало ясно: парень тоже видел вещий сон и решил поспорить с судьбой. Не успели мы обменяться мнениями по всем вопросам, как стало ясно: поездка сама по себе сорвалась. Ночью кто-то умыкнул с катера неподъемный двигатель.

— Ир, я машину закрыла? — сразу же заволновалась Наташка. — Каждый раз забываю! Надо проверить. Если проверю, она окажется закрытой, а если нет — свободный доступ к рулю посторонним обеспечен. Выключай раздражитель, пойдём.

— Не пойдём, — вздохнула я, разведя руками. — Я нечаянно ворота заблокировала. Замком без ключа. Глухая защита, в смысле, закрылись наглухо от всех.

Объяснять ситуацию случайностью пришлось долго. Подруге отчаянно не хотелось верить в нашу вынужденную изоляцию. Ее категорически не устраивал «домашний арест» да еще в чужом доме. У нее, видите ли, своеобразная клаустрофобия. Не помогало даже неоднократное напоминание: «мой дом — твой дом». Несмотря на народную мудрость «утро вечера мудренее», ждать до утра в своем, но фактически моем доме Наталья не собиралась, хотя рассвет, как в песне, становился все заметнее. Я намеренно выключила свет. С ним на улице кажется темнее. С нашего крыльца и из окон прекрасно просматривалась «Шкода», безмятежно спавшая спокойным сном на своем месте, тогда как ее хозяйка без

передыха сыпала в мой адрес обвинения в халатности.

— Тащи матрас! — потребовала она, устав от своих долгих речей. — Лягу у порога как самая бедная родственница. Черта с два на нем засну, но...

Речь подруги внезапно оборвалась. Она буквально приклеилась к оконному стеклу, пытаясь разглядеть что-то на своем участке. а затем медленно и плавно опустилась на пол. Я сразу поняла, что бежать за матрасом не стоит — пустые хлопоты.

— Ложись!

Поступившая от нее команда ввела меня в ступор. Наташке, сноровисто ползающей по полу на коленках, с трудом удалось согнуть меня в три погибели. Стало понятно — она увидела нечто ужасное. Неужели бриллиантовое кольцо из фильма, причем на веревочке? Ловля на живца.

— Ты входную дверь закрыла?

Сидя на коленках, подруга пыталась держать себя в руках. Не получалось! Руки так и ходили ходуном.

— Кажется, закрыла. Сползать проверить?

— Не надо. Вспомнила, я сама ее закрывала. А замок на воротах точно не открыть?

— Ни в коем разе. Только если распилить дужку.

— Замечательно! Теперь осторожноенько подползи к окну и взгляни на мою территорию. Только не высовывайся.

Донельзя напуганная, я попыталась исполнить поручение. Уж как могла, то-есть с закрытыми от страха глазами. Они у меня, как двери в метро или электричках, закрываются автоматически. Для начала уперлась головой в кресло и какое-то время мы с ним ползли вместе. Затем к нам с шипением присоединилась Наташка. Кресло куда-то уехало, а я, направленная верной рукой подруги, долбанулась о стену и с облегчением перевела дух. Дома и стены помогают. Приятно чувствовать себя защищенной.

— Осторожно поднимайся и краем глаза изучи обстановку. Повторяю, не высовывайся.

Исполнив короткую вариацию на тему не учи ученого, я попыталась определиться с местом своего расположения в комнате. Наташка торопила. В результате я суетливо выпрямилась во весь рост, забыв открыть глаза.

— Ты зачем встала? И уж если встала, видишь урода?

— Нет, — честно доложила я.

— Глаза разуй! — простонала подруга, и я послушно уставилась в окно.

Увиденное мне не понравилось. В дверь Натальино дома пыталось проникнуть существо неопределенного пола и возраста. В объемной и длинной, явно с чужого плеча куртке, очень похожее на пугало. Больше всего пугала странная растительность на голове: то ли пучки травы, то ли молодая поросль кустарника с расстояния примерно в полсотни метров определить трудно. Нельзя сказать, что особь нахально ломилась в дом. Скорее наоборот. Действовала потихоньку и с опаской. Время от времени замирала, прислушивалась. Не сумев справиться с закрытой на замок дверью, она принялась изучать окна. В одно из них постучала и тут же сиганула за угол дома. Убедившись в отсутствии результата, выползла из укрытия.

Забыв про осторожность, я заворожено следила за манипуляциями уродца. Казалось, он легонько скребется в очередное окошко.

— Кольцом с бриллиантом тут не пахнет, — выдавила я из себя короткий отчет об увиденном.

— А чем? Чем пахнет? — волновалась на полу Наташка. — Хорошо бы залетным бомжом. Зачем ему моя машина? Не так страшно. Что оно делает?

— Крадется к машине... Пытается открыть... Дохлый номер! Ты все-таки ее закрыла.

Наташка облегченно перевела дух:

— Может, нам его пугануть? Похоже, оно само боится.

— Господи... — простонала я. — «Кошачью лапу» забыла прихватить. Когда из машины выметалась, отвлеклась на сумку. Из нее нечаянно содержимое высыпалось, вот я рыхлитель и откинула в траву, чтобы не мешал комплектации. Решила прихватить его, когда окончательно соберу все, да запамятовала. Мама дорогая, оно его нашло! Гладит. Похоже, нос у безумца собачий. Кажется, радуется. Зачем ему эти железные когти?

— Ясное дело, — расчесываться. Для его поросли на верхней конечности, дурной голове, самая подходящая вещь. И-ир? Ты что, онемела?

— Оно крадется к нашим воротам! Вместе с «кошачьей лапой». Вооружено и очень опасно.

— Ты уверена, что ворота на замке?

— Сколько можно спрашивать одно и то же? Какой в нем толк? Через эти ворота и перелезть можно.

— Умешь ты успокоить. Ну и черт с ним, с замком. Вдруг нам повезет и оно на воротах зависнет? Подкрадемся, треснем ему по башке кочергой, да и сорвем с ворот, как с куста.

— А если не за...

— А если не зависнет, треснем по башке у входа в дом. Так, чтобы не успел порог переступить.

— Ты что, решила дверь открыть?

— Еще чего! Само откроет. По моим уточненным воспоминаниям я ее только собралась закрыть, но отвлеклась. Куда-то ключи подевались. И не делай такие большие глаза. Войдет в привычку, потом ни одни очки не подберем. Чем я хуже тебя? Ну не помню, куда ключ дела. Готовь две кочерги. Куда этой особи с рыхлителем против нас с кочерёгами... с кочергами. С ними у нас будут длинные руки.

Я невольно позавидовала подруге. Надо же, какой приступ бесстрашия.

— Здесь только одна кочерга, вторая в бане. И я за ней не побегу...

Со стороны ворот донесся какой-то сдавленный писк.

— О, есть контакт! — обрадовалась я, высунувшись в окно. — Пока мы общались, оно на куртке зависло, а куртка — на воротах. Мама дорогая, у этого урода полголовы отвалилось... Может, подождем, пока он весь рассыплется? — обернулась я к Наташке.

— Зачем ждать, тащи кочергу, ща ускорим этот процесс.

— Не ускорим... — проямлила я, внимательно вглядываясь в барахтающуюся сущность. — Оно уже из куртки вывалилось.

— Ну-ка... — подруга потеснила меня в сторону. — Фига себе! Это же... Бли-ин! Красавица Динка! Гелькина дочь!

Первые минуты после встречи Динка вела себя сносно. Даже поздоровалась, кивком головы. Вот только на наши вопросы не отвечала. Нормальная реакция. Вопросов было слишком много, да и сыпались они из нас, как горох, вот она в них запуталась и завязла. А после того как мы силком отняли у нее снятую с нашего забора куртку, безмерно большую, точно с чужого плеча, девчушка вообще показалась более-менее нормальным человеком, только очень грязным и голодным. Войдя в дом, принялась и сразу выбрала верное направление. Расстояние до стола она преодолела в несколько прыжков. То, что девица не желала расставаться с забытым мною у машины и прихваченным ею рыхлителем, лично у меня недоумения не вызвало. Я и сама с ним почти сроднилась, причем незаметно. Вот только мне в голову не приходило использовать его в качестве вилки. Правда, из своей тарелки она хватала еду руками, «кошачью лапу» использовала лишь для пополнения запасов и формирования из них новой порции, но то, как подцепляла и подгрребала ею все съедобное, впечатляло.

Мы с Наташкой нервно переглядывались и старались молчать. Предварительно и специально для подруги я подчеркнула — когда я ем, то глух и нем. Наташка ехидно согласилась. Моя глухота и немота — прекрасная отмазка от ее разумных уговоров прекратить обжорство. Я мудро усмехнулась. Успокаивало то, что ей приходилось труднее, чем мне, вот и отыгрывается. Подруга терпеть не может беспорядка, тем более щедро приправленного антисанитарией. Предложение умыться и помыть руки перед едой Динка внимательно выслушала, в знак согласия кивнула и... проигнорировала. Заметив в руках у Натальи Николавны батон, ловко подхватила его рыхлителем и принялась вгрызаться в белую мякоть. Собственные грязные руки ее не смущали. Отнять батон мы не решились. Да Динка бы без боя и не отдала. А посему суетливо принялись метать на стол съестные припасы из холодильника. Я искренне обрадовалась, обнаружив в морозилке помимо упаковки пельменей еще и сардельки. Мы с Димкой искали их дома в Москве, при этом ухитрились рассориться так, что весь вечер не разговаривали. Сводя счеты, слишком далеко зашли — от элементарных сарделек с приятным названием «Докторские» до межгосударственных отношений России со странами СНГ и НАТО. Больше всего меня обидел намек на то, что СССР развалился исключительно из-за

меня.

Отваривать сардельки не пришлось. Какой смысл, если девица хищно вцепилась в них, мороженных, когтистым орудием? Мне удалось ловко их умыкнуть и закинуть назад в морозилку. Пока я под прикрытием подруги занималась нарезкой остатков колбасы и сыра, Наташка умело держала оборону, отбивая тарелкой Динкины атаки на целые куски, Девушка тут же сменила тактику и норовила выхватить нарезанное прямо из-под ножа.

Заснула писаная грязью красавица прямо за столом с куском холодной котлеты в руке и открытыми глазами. Сразу после второй чашки крепкого чая, которому, по нашему мнению, надлежало ее взбодрить. Честно говоря, мы основательно перепугались, отметив безумный взгляд Динки в никуда. Откинувшись на спинку стула, она тупо пялилась на какую-то точку в бездонном небе.

— Падших ангелов увидела. С утра пораньше к нам летят, не иначе как к завтраку, — втянув голову в плечи, предположила Наташка. — Как в рекламном ролике какого-то дезодоранта. Ирка, посчитай, сколько штук боевых единиц зависло над твоим участком. Ка-ак брякнутся!

— Почему я? У меня со счетом плохо, сама знаешь, как мне «везет», обсчитывают все, кому не лень.

— Участок твой, тебе и считать. Замечательная возможность для тренировки.

— Зато ты прирожденный аудитор, — возразила я. Не выдержав напряжения, проследила за направленностью взгляда Динки и облегченно перевела дух. — Нет никакого ангельского десанта. Таращится в никуда.

— А кто есть?

— «Тучки небесные, вечные странники...», да и их толком не разглядеть. Судя по тому что эта Динка на нас буквально с неба свалилась, единственная падшая ангелица только она. И, как мне кажется, наша гостья потеряла сознание. Глаза у нее какие-то стеклянные.

Наташка ругнулась и окончательно ожила. Осторожно приблизившись к Динке, помахала перед ее глазами рукой и скроила недоверчивую физиономию. Я поддержала ее, как могла. Уж очень не хотелось верить в резкое ухудшение самочувствия чумазой красавицы. Не знаю, какое именно выражение получилось на моем лице, Наташка его не видела. Оно и к лучшему. У подруги слишком критичный подход к приемам моего самовыражения. Потоптавшись на месте, она решила на более качественную проверку состояния девицы — попробовала взять у нее котлету. Динка крупно вздрогнула, заскулила и прижала ее к груди. Вместе с «кошачьей лапой». Удовлетворенно почмокав, закрыла глаза и

попыталась прилечь на стуле...

Едва ли бедняжка помнила, как мы перетаскивали ее на диван. «Пушинка», кряхтя от напряжения, отметила Наталья. Основная тяжесть легла на нее. Мои попытки помочь остались нереализованными. Не знала, с какой стороны подступиться, чтобы облегчить ношу подруги, не оттоптав при этом ей ноги или того хуже, не повиснув на ней тяжелым довеском.

— Действительно пушинка, — легко согласилась я и, получив выпавшей котлетой по переносице, ловко поймала ее, спасая от падения на пол. Вторым в порядке очередности из Динкиных рук выпал рыхлитель. Его я тоже тормознула, но темечком. Чертыхнувшись от негодования, подхватывать на лету не стала. Обругав за коварство, легким ударом ноги загнала под стол. Наташка права, пора внимательно отслеживать свои поступки. Конечно, старый рыхлитель не чета ранее неумышленно украденной мною из придорожного магазинчика ручной дрели. И уж тем более электрическому чайнику, машинально прихваченному из чужой квартиры. Но все-таки налицо воровство. Пусть даже вовремя неосознанное. Та к неосознанно и до грабежа банков дойдет.

— Зачем ты чужую антисанитарную котлету слопала? — укоризненно прошипела Наташка, успевшая самостоятельно пристроить Динку на диван. Со всеми удобствами, относительными, конечно. Под головой девушки вместо подушки лежало свернутое одеяло, а вместо него Наталья почему-то задействовала подушку, пристроив ее сбоку.

— Это чтобы у Диночки спина не замерзла, — поглаживая собственную поясницу, заявила она, заметив недоумение на моем лице. — Хватит корчить рожи! Подушку я обнаружила с опозданием, а будить девочку не хочется. Тебя, дурочку, жалею. Проснется, сразу поинтересуется, где ее надкусанная котлета.

— И где? — с интересом спросила я, вытирая салфеткой руки.

— Пусть тебе подскажет твоя совесть. Замечательная советчица!

— Вот как раз в данном случае она у меня антисоветчица, — печально вздохнула я. — Самое обидное — даже вкуса котлеты не помню.

— Тогда слушай, что подсказывает тебе моя совесть. — С мучительным оханьем подруга распрямилась. — Котлету мухи съели. И сразу сдохли. От обжорства. Теперь и спросить не с кого. Поддай сюда стул, надо закрепить подушку. Не подпирать же мне ее коленом, пока Динка не выпится.

— Есть вариант лучше.

Я метнулась в комнату и вернулась с клетчатым пледом. Им и накрыла беспокойно вздрагивающую во сне девочку.

— Интересно, откуда она свалилась на нашу голову? Не с неба же, в самом деле, — тыльной стороной ладони Наташка осторожно коснулась ее лба. Тест на предмет наличия повышенной температуры. Нижняя губа подруги при этом смешно оттопырилась, я невольно прыснула.

— Не вижу ничего смешного! — отрезала Наталья. — Смотри как девчонку корежит. И на наше разговорное шипение ноль внимания. Такое впечатление, что с австрийской границы тайными тропами и без передышки в Москву пробиралась. А ведь в это время они с Гелькой, наслушавшись сказок Венского леса, должны дрыхнуть в лучших условиях. В каком-нибудь частном отеле... Интересно! Температуры вроде бы нет, а девка без конца ногами дрыгает. Такое впечатление, что на ногах сапоги-скороходы. Не до конца разулась. Ничего не понимаю. Может, и во сне все еще бежит? В любом случае, надо дать ей возможность выспаться, а там уж будем выяснять. Блин! А ведь девка и в самом деле не разувалась. Мы забыли с нее кроссовки стянуть. Ладно, диван потом постираем, а то проснется.

Я подумала, что ждать нам от Динки утешительных новостей не придется. Случилось нечто страшное и совсем не хочется знать подробности.

Я дважды поправляла на Динке сползающий плед, при этом отметила дорогие джинсы и модный свитерок. Правда, одежда была в ужасающе грязном состоянии. Неужели, в самом деле, девчонка ползла по бездорожью от самой австрийской границы? Чушь собачья! А почему именно собачья? Можно подумать, человечество освоило собачий язык и понимает его лучше самих псов. А потому отдельные гомо сапиенсы готовы перелаяться с кем угодно. О чем это я?.. Ах, да! О Динке. Ясно одно: венские каникулы не состоялись. И с ними как-то связан ночной звонок — сигнал тревоги, который удалось подать Наталье, только пока неизвестно кем. Судя по номеру телефона звонившего, Тукановым, но не исключено, что кто-то воспользовался его мобильником.

— Не забивай себе голову, — шепнула Наташка, словно уловив мои мысли. — Динка проснется, все выясним. Ты как хочешь, а я малек вздремну. Только в комнате. Глаза сами закрываются, точно вместе с Динкой бежала из Австрии в Россию. Причем наперегонки и вприпрыжку. А ты ничего выглядишь. Свежа, как голландская роза при продаже. Значит, тебе и сидеть на карауле у двери. Через пару часов начнется активная дачная жизнь, получишь возможность бесстрашно выспаться.

Я возразила, не исключено, что засну в карауле. Голландские розы быстро скукоживаются. Есть другие, более приемлемые варианты решения

вопроса нашей безопасности. Во-первых, можно поискать ключ, во-вторых, привязать ручку двери к чему-нибудь основательно шумному.

— К стулу! — обрадовалась подруга, да так, что едва не разбудила Динку. Последняя открыла бессмысленные очи, пробормотала что-то непонятное про конский выгон и перевернулась на другой бок.

— Тс-с-с... — приложила палец к губам Наташка и, адресовав мне приглашающий жест рукой, на цыпочках отправилась в комнату, но перешагнуть порог не дала. — Я притащу стул, а ты наполни водой две самых больших кастрюли и не забудь захватить разделочную доску. Водрузим емкости на сиденье прямо одна на одну. Только кто-нибудь из вражеского племени попробует рыпнуться, грохоту не оберешься. Мало того, еще и задарма искупнется. Не Ниагарский водопад, конечно, но у нас, слава богу, и не Америка с ее дутой валютой.

— А если зайвится кто-нибудь из соседей? Не водоплавающих и не признающих подобного рода шутки.

— Через забор?! Чтобы зависнуть на нем, как Динка? Тогда он еще больший шутник, чем мы. Есть и другое предложение: заменим две кастрюли с водой на что-нибудь равноценное. Например, тебя. Вывалишься на визитера вместе со стулом, он и кувыркнется через перила крыльца. Надолго запомнит. Главное, чтобы ты его сверху не вдавила в землю по уши. Стулом.

Я промолчала, а Наташка нахмурилась и выдала:

— Так и быть, жалостливая ты наша, сей момент напишу объявление. В этом доме чистый лист найдется?

— Только формата А-4 с одной свободной стороной. На другой записки сумасшедшего — хирурга Ефимова. Лет пятнадцать дома хранил, а теперь на дачу привез. Решил по прочтении сжечь. Видишь аккуратную стопку у печки?

— Пойдет. А-4 — самое оно! Я не собираюсь рисовать огромный плакат, копируя Остапа Бендера. Не двигайся! Сама возьму. Та к безопаснее и для тебя, и для печки. А ты дуй на пост и на всякий случай придержи дверь за ручку. Фломастеры, надо думать, в выдвижном ящике серванта, а у меня в сумке есть медицинский клей БФ.

Спустя рекордно короткое время, Наталья подготовила на входную дверь красочное объявление: «Во избежание несчастного случая просьба до вечера не беспокоить. Предварительная запись на посещение у ворот». Под текстом красовалась внушительная фигура ядовито-зеленого цвета. Заметив мое удивление, подруга покаялась: не рассчитала с размещением текста, осталась свободной значительная часть листа. Не отрывать же ее — как-то

несолидно. Вот и скрыла пробел. Хотела разрисовать его цветочками, но этот вариант показался слишком легкомысленным для строгого ультиматума. Вообще-то и фига получилась случайно. Рисовала с натуры загорелую грушу с хвостиком.

На улице окончательно посветлело, только рассвет был безрадостным. Такое впечатление, что, не успев появиться, он сразу поседел. Без выхода на небесный подиум солнца раннее утро выглядело плоховато. Забаррикадив дверь, мы отправились спать. Нельзя сказать, что спокойно: Наташка забыла приклеить на дверь заготовленную листовку, а в процессе сборки защитного сооружения без конца вносила изменения в мои действия. То я стул не так поставила, то кастрюли не полные, то веревка никудышная. А где «кудышную» взять? Не нравилась подруге старая простыня, которую я безжалостно разодрала на полосы. Правда, много лишних получилось.

Отложив листовку в сторону, Наташка принялась сплетать из полос мощную косичку. Этой косичкой мы и обеспечили тесную связь двери со стулом и кастрюлями. Надежную до такой степени, что, обнаружив забытую листовку на полке перед зеркалом, сразу отказались разбирать баррикаду. В конце концов незваный гость может получить информацию из листовки после стулопада, совмещенного с водопадом, и откланятся, не представившись. Причем, весьма оперативно. Еще каких-нибудь три-четыре часа, и начнется массовый подъем дачников.

Улеглись в холле, в походно-полевых условиях. Я на надувном матрасе, Наташка на обыкновенном, но заснуть не успели. Пока обсуждали, кому из нас хуже, Динка свалилась с дивана и при попытке встать уцепилась за ножку стола. Кто ж знал, что она совсем развинтилась. Ножка осталась у Динки в руках, а покалеченный стол вместе с посудой грохнулся на пол.

— Вот к чему приводит бесхозяйственность! — усвоив причину грохота и перестав блажить, проворчала Наташка. — Посуду после еды следует незамедлительно убрать со стола и вымыть. С другой стороны, теперь ее и мыть не надо. В принципе, ничего страшного не случилось. В твоей сушилке еще имеется некий запас тарелок. И они чистые, говорю же ничего мыть не надо.

— Кроме Динки, — уточнила я, безуспешно пытаюсь отвоевать у девушки ножку стола. Сидя на полу, невменяемая Динка вцепилась в деревяшку намертво — как чуть ранее в рыхлитель.

— Хваткая особа, — с одобрением отметила Наташка, — и ей определено везет. Стол не на нее шархнулся. Давай оставим бедняжку в

покое. Тебе именно сейчас приспичило вернуть себе четвертую конечность стола? Пусть у Динки хранится. Чем бы дитя не тешилось... Мне почему-то кажется, что на завтрак эту ножку она не сгрызет. А если и сгрызет, на обед подадим ей колченогий стол. Просто так его пускать на дрова жалко. Да и твой Ефимов не поймет.

Глядя в пол, Динка потерянно молчала. Впрочем, она молчала с момента прибытия в наш гостеприимный дом. Я позволила себе выразить сомнение, не глухонемая ли она.

Не-е-е... — протянула Наташка. — Просто юная дура. Но это лучше, чем старая. Много времени впереди, есть шанс поумнеть. Бедняжка никак не может усвоить, что находится в стане доброжелательниц, Куда, кстати, приплелась по собственному желанию. Ну-ка, красавица, хочешь конфетку в обмен на деревяшку? Ир, у тебя есть конфеты?

— У меня нет, — продемонстрировала я пустые руки. — Они в вазочке на кухне. Только с белой начинкой. Я такие не люблю. А то, что конфеты на виду — мое молчаливое показательное выступление для Димки. Протестанское.

— Так я их тебе и не предлагаю.

Наталья пулей метнулась на кухню и пулей вернулась обратно. С конфетами.

— Они для Диночки. Диночка их лю-у-убит. Держи, лапуля.

Динка выронила деревяшку и цепко ухватила горсть конфет. Одна упала на пол, и девушка сосредоточила на ней все свое внимание, Наташка отфутболила ножку подальше от девицы и, заявив, что все уже выпались, включила чайник. Я занялась ликвидацией беспорядка, уверяя всех, а главное, себя, что нам несказанно повезло. Посуда бьется к счастью.

— Угу, — кивнула Наташка. — Столько счастья сразу привалило, не знаешь, куда и девать. Думаю, тебе не стоит делиться им с Ефимовым. Он мигом превратит его в несчастье. Как только тебе в голову пришло воспользоваться его персональным бокалом! Стоял бы себе в шкафчике, живым бы остался. Надо же! Раскололся ровно на две части. Такой же прямолинейный и правильный, весь в Ефимова. Не трогай осколки руками, порежешься. Сейчас совок с веником принесу, потом для верности пропылесосим. Дина, немедленно поднимись с пола. Или хотя бы отползи к окну, там чисто... Ты что, оглохла?

Наташка повысила голос и слегка потрясла девушку за плечо. Ее голова дернулась, глаза приоткрылись и снова закрылись.

— Фига себе! — тихо прогудела подруга. — Ир, да она опять дрыхнет!

— Ничего удивительного, — перешла я на шепот. — Девчонка

пережила страшную ночь, безумный день и в довесок половину еще одной страшной ночи. И все это время без сна. Потеря способности говорить — не что иное, как результат стресса.

— Поляна... — пробормотала во сне Динка. — Ой, сколько лошадок...

— Интересный результат стресса! Лошадки... Это она про нас с тобой, что ли? — недоверчиво скривилась Наташка.

— Хорошо хоть не овцами обозвала, — бодро отметила я. — Очень уважительный ребенок. Надо бы затащить ее обратно на диван.

— По мне так пусть на полу спит. Оттуда никуда не шлепнется. Диваном можно ее сверху прикрыть — поставить его шалашиком. Все условия для выпаса снящихся ей лошадок. Теперь понятно, от чего девицу корежит — лошадей в стаю сбивает, чтобы не ускакали. Пастушка, блин! Ну и ладно, все при деле. — Наталья напряженно прислушалась. — Кажется, какая-то машина по дороге проехала.

— Все правильно, — отмахнулась я, взглянув на часы. — Седьмой час. Коваленков на работу поехал. Что-то он запаздывает, обычно в половине шестого выезжает. Наверное, из-за ночного переполоха проспал.

— Он же с десяти часов работает, причем место работы рядом с кольцевой. И вообще не понятно, зачем отсюда катает? В Москве ему добираться удобнее. Прямо на лифте. Его магазин в том же доме, где и квартира.

— Герой нашего времени. Ради подмосковных вечеров готов пожертвовать парой часов сна. Как-то жаловался, что в половине шестого выезжает и до девяти обычно в пробках стоит, планы на будущее строит или философствует. Сам себе оппонент. Привык. Может, пойдем и разберем баррикаду? Эх, зря старались.

— Придется разбирать, — вздохнула Наташка. — Надо бы наведаться в интимный уголок. Сразу говорю, из окна выскакивать не буду. Когда вы только септик сделаете! На дворе двадцать первый век, а твой Ефимов всех по старинке в уличный сортир приглашает. Главное, украсил эту забегаловку девичьим виноградом и призывает всех гостей быть ближе к природе.

— Вот ему свои претензии и высказывай! Нельзя ли потише, девочку разбудишь.

— Да ладно! Она лошадей пасет. Бедняжке даже качественно поспать некогда.

Крепкий узел — заключительная часть замысловатой Наташкиной работы по соединению стула с дверной ручкой — не желал развязываться. Подруга все делает основательно. Я разворчалась. Мало того что участок

на замке, так еще и дом стал ловушкой. Это ж надо завязать такой гордиев узел! Наташка тут же встрепенулась и подбоченилась. В великой обиде напомнила: у меня слишком короткая память. Ворота обрели надежный замок исключительно с моей легкой руки, а если завязанный узел гордиев, так с него и спрос. Она-то тут причем.

— С Гордия уже ничего не спросишь, — буркнула я. — Хотя он и родоначальник мудреного «макrame». Та к прикрепил ярмо к дышлу своей телеги, что попал в историю. Простой фригийский царь, не гнушающийся черной работы. Не царское дело делал, вот и соорудил мудреный узел. Уж как сумел. В результате никто его не мог распутать. Один из оракулов подумал, подумал и предсказал: кому это удастся, будет господствовать то ли над Азией, то ли над всем миром.

— «На всякого мудреца довольно простоты», — заявила Наташка. — Ща решим проблему ножом.

— Ну ты прямо Александр Македонский. Он разрубил гордиев узел мечом, а мы распилим ножиком.

Часть вторая
Футляр для бриллиантов

Динка проснулась именно потому, что мы с Наташкой очень старались ее не разбудить. Боясь упустить момент пробуждения странницы (с точки зрения довольно странного появления у нас), сидели за столом и прилагали огромные усилия, чтобы не заснуть. Кофе не помогал. В голове гуляла крамольная мысль: было бы хорошо, если бы этот напиток подали мне в постель. Время от времени я все-таки ухитрялась заснуть. В результате основательно прикладывалась лбом к столу, чем будила слегка похрапывающую с открытым ртом Наташку. В отличие от меня, она берегла свою головушку. Презрев неудобства, сидела, задрав ее вверх. Опорой затылку служила стена.

Пару секунд после моего контакта со столом мы вживались в обстановку и усиленно шикали друг на друга, призывая к тишине. В одно из таких мгновений Динка и проснулась. Наши ласковые уговоры еще немного понежиться на диванчике — всего-то начало одиннадцатого, вызвали у нее страдальческую реакцию. Она болезненно сморщилась, немного повозилась, пытаясь сесть, и вытащила из-под себя... «лапу Чеширского кота» — форменный двойник злополучного рыхлителя. Неужели размножился? Методом клонирования. Я тут же нырнула под стол, куда в свое время лично, своей ногой, загнала орудие борьбы с сорняками. Там было пусто, если не считать оброненной кем-то сушки, ну и меня самой.

Динка тарасилась на «кошачью лапу» с таким видом, словно держала в руках подколодную змею. Моя ласковая просьба передать нам рыхлитель вызвала у нее неадекватную реакцию. Она напряжинилась, глаза потемнели, взгляд в скоростном режиме метался от меня к Наталье. Девушка явно готовилась отбить все наши атаки на рабочий инструмент. Рыхлитель, как хамелеон, мигом сменил свой облик, превратившись в опасное холодное оружие.

— Ос-споди!.. — перекрестилась Наташка. — Кажется, Гелькино дите в одночасье свихнулось. Окончательно. Или это последствия строжайшего режима экономии в семье? Все материальные средства ушли на стройку, члены семьи дорожат каждой мелочью. При хорошо развитом воображении можно глотать ручку рыхлителя, как мозговую кость. Ир, зря ты вылезла из-под стола, там безопаснее. Ну раз вылезла, ответь, у тебя есть приличный вариант объяснения?

— Есть, — не отрывая глаз от ненормальной девчонки, с трудом доложила я. — Когда мы на рассвете Дину на твоём участке увидели, у нее на голове какой-то куст рос. На нем наверняка мозги сушились. Где-то она этот куст потеряла. Обломился под самый корешок. Еще одна версия: Диночка считает нас соучастницами преступления, совершенного на их даче. «Лапа Чеширского кота», в которую она вцепилась, ею опознана и, по ее разумению, является доказательством того, что мы там были. Подозреваю, этой «лапе» следовало лежать не у дорожки, а в другом месте. Там, где ее спрятали.

— А разве мы собирались отнекиваться от экскурсии по Гелькиной земле? Еще чего! Да, были там. Но ведь по доброте душевной. Другими словами, по собственной дури. Искали, деточка, твоих маму и бабушку, волнуясь за их здоровье. Динария, или как тебя там полностью величают? Это что, преступление? В таком случае мы за него свое получили, причем не по заслугам. Знать бы еще, от кого! Все му виной адресованный мне ночной звонок в пятницу. Через Ирину Санну. Мобильник один, а орала по нему в шаговой доступности целая компания придурков. Маленькое расследование — и следы привели к твоей дорогой маме. Если рыхлитель тебе так же дорог, как она, забирай и пользуйся, но согласно инструкции. Зачем нас-то им рыхлить? Ирина Санна его случайно прихватила — под ногами путался. В твои годы пора усвоить, что нужными вещами где попало не разбрасываются.

Динка молчала. Я с тихой радостью отметила, что звериное выражение на ее лице исчезло. Часть грязи тоже. Как известно, ничто на земле не проходит бесследно, просто количество переходит в качество. И качество моего плета в данный момент таково, что можно смело вытирать об него грязную обувь. Но Наташка права: Динка и в самом деле красивый ребенок. Как кашу маслом, так и ее привлекательность грязью не испортишь. Оставалось надеяться на то, что внешние данные соответствуют душевным.

— Мыться и завтракать! — напомнила о себе Наташка. — На втором этаже душевая кабина. И в конце концов всем доброе утро!

Мы синхронно кивнули. Наталью сие послушание обрадовало, меня насторожило. С момента своего странного появления девушка не произнесла ни слова. Жалобный скулеж не считается. Не язык же проглотила. Могла бы и извиниться за свои подозрения. Наверняка рассчитывала найти у нас защиту и спасение, причем действовала по наводке матери. Судя по Натальиным воспоминаниям, Гелька гостила у нее дважды, но без дочери и матери. Один раз даже с ночевкой. Назад подруга

спровадила Ангелину на электричке.

— Тебя действительно зовут Динария? — доброжелательно улыбаясь, поинтересовалась я у девицы, не знающей, куда пристроить рыхлитель. Она отрицательно мотнула головой. — Значит, просто Дина? — не отставала я. В ответ получила утвердительный кивок. — А по батюшке?

Расчет был на то, что Динка непременно заговорит. Не оглашать же мне весь перечень мужских имен, пока не угадаю.

— Ир, ты что, переспала? — как назло вмешалась Наташка. — Ну какое у девчонки в таком возрасте может быть отчество? Динка! Мама дорогая! Ириша, она твое одеяло рыхлителем перепахала! Остается засеять его рукотворными заплатами. Урожай Ефимов подсчитает, а пожинать плоды этой ручной работы тебе. Девушка Дина, ты в своем уме? Дай сюда инструмент!

Как бы не так! Динка явно освоилась. Правой рукой спрятала «кошачью лапу» за спину, левой свернула фигу и продемонстрировала ее сначала Наташке, затем мне.

— Охренеть...

Подруга ухитрилась одним словом выразить всю гамму чувств, которые испытывала. Но нараставшие гроздья гнева сподвигли ее на активные действия. Она свернула Динке две фиги, покрутила ими перед ее носом, а следом и перед моим.

— Свидетелем будешь! — пояснила свою позицию. — Сейчас я выставлю эту нахалку на...

Продолжить Наталья не смогла — Динка беззвучно заплакала, да так горько, что мы окончательно растерялись.

— Динулечка, зайныка, — засюсюкала я, — никто не собирается насильно отнимать у тебя твою когтистую игрушку. У нас своих навалом. Просто не следует идти с ней под душ. Мочалка из нее, поверь, никакая, еще поранишься. Я сейчас принесу тебе коробочку, мы с тобой эту штуку в нее упакуем. Если желаешь, перевяжем с бантиком, и пусть она там балдеет в роскоши. Можешь таскать упаковку с собой или лично прикопать ее куда-нибудь.

— Ага, — вмешалась встревоженная, но не совсем остывшая подруга. — На поле чудес в стране дураков. Я имею в виду твою, Ириша, дачную территорию.

— А я имею в виду свою мебель! — осекла ее я. — Мне довелось столько всего «прикопать» на полках, до сих пор ничего не найду.

Наташка даже не огрызнулась, а я уж было пожалела, что сама предоставила ей возможность отыгаться на моей безалаберности. Мало

того, она ахнула, зажала себе рот руками и, не отрывая глаз от Динки, в ужасе попятилась назад, хотя пятиться, собственно говоря, было некуда. Стены нашего дома не резиновые и достаточно надежные. Вот если бы она взяла левее... Там располагалось окно, одна створка которого была распахнута, о чем я ей оперативно и напомнила. Динка перестала плакать, сжалась в комочек и, забыв про рыхлитель, попыталась прикрыться многострадальным пледом. Ни я, ни она не понимали причины явного сдвига Натальи Николаевны.

Подруга меня словно не слышала, упорно продолжая вжиматься в стену. Пользуясь моментом, я выдала парочку сомнительных комплиментов по поводу ее упертости в достижении намеченной цели. Заодно спрогнозировала конечный результат: либо она протиснется сквозь стену и свободно вывалится на многострадальный цветник, либо вывалится на него с ярмом на шее — частью стены. И намекнула, что оба варианта меня не устраивают. Бедный цветник еще не опомнился от ночного налета.

Не знаю, сколько бы продолжалось сольное выступление Наташки, но Динка неожиданно чихнула. Подруга вздрогнула, на пару секунд замерла и, ткнув указательным пальцем в ее сторону, заявила, что перед нами сумасшедшая убийца своей матери.

— Или бабушки, — недолго думая, добавила она. — Орудие убийства — «лапа Чеширского кота». А труп прикопан на даче прямо в бане.

— Ну и ладушки, — покладисто согласилась я. — Главное, что не в нашей бане. А ты случайно не помнишь место, где белены объелась?

Наташка вытянулась в струнку, пытаясь осмыслить мной сказанное. Динка еще раз чихнула и, откинув плед, что-то вякнула.

— Не поняла, — честно призналась я.

— Я тоже не поняла, — с легкой хрипотцой в голосе промямлила подруга. — Мне, как и вам, позавтракать еще не удалось. Тем более тайком, да еще и вегетарианским — беленой. Все мы на глазах друг у друга. А ты сразу в лоб: «Объелась»! Ляпнула, не подумав. Могу и обидеться.

Далее последовали варианты последствий великой обиды, из которых напрашивался только один вывод: в ближайшем будущем ничего хорошего меня не ждет. Бубнила Наташка долго и надоедливо.

— Ма-ма-ма-ма... — в свою очередь завелась Динка, и у меня возникли нехорошие подозрения, что я нахожусь в компании двух психопаток, наперегонки объевшихся белены. Только одна очень разговорчивая, а вторая по ограниченности словарного запаса обошла Эллочку-людоедку.

— Хватит орать! — неожиданно заорала Наташка и хлопнула ладонью

по столу. Я невольно подпрыгнула вместе с чудом уцелевшей хлебницей. Первым делом захотелось удрать. Но тут подруга совершенно непоследовательно заявила, что у нее от тишины звон в ушах. Я миролюбиво посоветовала их прочистить и в упор уставилась на Динку. Девочка продолжала «мамкать», только беззвучно. Открывала и закрывала рот, но смешно не было. Было страшно. Осторожно приблизившись к Наташке, я утянула ее на кухню под предлогом чистки ушей.

— Вантузом! Он у вас внизу под мойкой, — громко и бодро подыграла мне догадливая подруга и старательно закрыла за собой дверь столовой. — Заодно и мои пельмени пересчитаем. Так, чтобы всем поровну хватило. Только я их, кажется, в Москве оставила.

— Все равно пересчитаем, — деловито заявила я. — Надо же чем-то завтракать. Белена, как я поняла, уже кончилась. — И, примкнув вплотную к условно нечищенному уху подруги, сквозь зубы процедила: — Ребенок пережил сильный стресс. Вспомни свое героическое прошлое, связанное с медициной, и попробуй ласково развязать ей язык. Это не гордиев узел, метод Александра Македонского использовать нельзя. Никого Динка не убивала, а вот свидетельницей убийства вполне могла быть. Не исключено, что орудием убийства является рыхлитель.

Отшатнувшись от меня, Наталья потеряла ладонью ухо, подскочила к сушилке и отчаянно загремела посудой, тихо пояснив, что ей надо подумать. Хоть она и не психиатр, но знает, в психиатрии иной раз клин клином вышибают. Лекарство от стресса — новый стресс, а устроить его — раз плюнуть.

Попросить ее обойтись без крайностей я не успела. Пытаясь почесать кончик носа, подруга грохнула на пол стопку тарелок и дико завопила. Ее вопль, не видя причины, активно поддержала Динка. Надо полагать, цель была достигнута — язык у девушки развязался. Зато я смолкла и замерла. Стояла столбом, уставившись на «лекарство от стресса».

— Ир, я нечаянно! — повинилась подруга, ловко сметая веником осколки с глаз долой. Моих, разумеется. — С другой стороны, с моей помощью тебе еще больше счастья привалило! А если учесть разбитый Димкин бокала и всю посуду со стола, вам обоим можно обзавидоваться. Жаль, что ты все тарелки, торчавшие в сушилке, предварительно перемыла. Знать бы заранее... На моющем средстве могла сэкономить. Динка, заткнись, в конце концов! Ир, тебе не кажется, что нашу девушку переклинило? Лучше бы мамакала, чем так надрывать. Как бы не пришлось устраивать вам с ней новый стресс. Да ладно тебе таращиться на осколки своего счастья! Та к сразу оно на тебя не свалится. Живи

ожиданием. Дина, ты чего там смолкла?

Наташкин тревожный вопрос остался без ответа, зато послышался какой-то странный шорох. Я сразу вспомнила о наполовину открытом окне и многострадальном цветнике. Подруга вопросительно взглянула на меня, я тоже сама на себя взглянула — со стороны. Столбовая вешка! Обругав себя за излишнюю стойкость еще парочкой сходных эпитетов, окончательно пришла в себя и кивком указала на дверь столовой — направление, в котором следует ломиться. Кивнув ответно в знак понимания, подруга привела веник в состояние боевой готовности — занесла над головой. Мне достался пластиковый совок. Хоть что-то. С залихватским «Ха!!!» Наталья пнула дверь столовой ногой, она распахнулась настежь, качественно долбанувшись о стенку, и устремилась назад. Закрыться мы ей не дали, резво рванулись вперед, и... обе застряли в дверном проеме. Не первый раз случается такая неприятность, можно сказать, ученые, только ученье не впрок. Вот и лезем всей своей материальной частью в ловушку, включая сознание лишь во вторую очередь. Да еще этот веник, с помощью которого Наташка пыталась разрулить ситуацию и протиснуться первой. Меня это огорчило. Кому приятно, когда тебе тычут веником в нос? Впрочем, подруге тоже досталось совком. Вот так и получилось, что когда мы с незначительными потерями (один тапок) ввалились в столовую, чья-то неопознанная материальная часть тела, наверняка руководимая заранее включенным сознанием, уже сиганула с подоконника открытого окна на землю и была такова. Следовало бы рвануть за ней, тем более, что ворота на замке, но испугало неподвижное тело Динки. Девочка лежала на диване, на голове подушка, пальцы вытянутых вдоль тела рук скрючены, левая нога безвольно свесилась.

Удивительное дело, но в ступор я не впала. Мы с Наташкой рванулись одновременно и одновременно схватили подушку с намерением откинуть ее в сторону, вот только стороны у нас были разные. Перетягивание длилось недолго. Решив не отстаивать свое право зашвырнуть спальную принадлежность куда подальше, мы разом ее отпустили. Она, плюхнулась между нами. Дальше на ней топталась только я, Наташка без моего участия профессионально приводила Динку в чувство. Метод безотказный, неоднократно использованный на мне. Иными словами, избрав в качестве опоры для вполне живой девицы спинку дивана, подруга кое-как усадила ее, покорную, и принялась лупить по щекам. Я невольно сморщилась.

Динка быстро вникла в ситуацию, осознав: пощечины ей получать не за что и принялась яростно увертываться, отмахиваясь руками, и орать. Это привело нас в неопиcуемый восторг. Орала она вполне внятно — звала маму и требовала прекратить экзекуцию, почему-то ссылаясь на то, что «больше не будет».

— Заговорила!!! — радостно возвестила Наташка с занесенной для очередного шлепка рукой. И чтобы не пропадать затраченному усилию зря, легонько отвесила девушке последнюю пощечину — довесок. Я бы даже сказала, ласково. Затем тыльной стороной ладони провела по своему лбу, словно смахивала пот. — Фф-фу... Ирка, считай, клин я из девки выбила, а ты слезь с подушки, росту она тебе не прибавит.

— Вылетевший «клин» не твоя заслуга, — заявила я, не отдавая себе отчета в том, что пытаюсь поднять подушку, не слезая с нее. — Помнишь, как ты вопила, роняя мою посуду на пол?

— Ну ты, Ирина Санна, и злопамятная! — обиделась подруга. — Да, роняла. А то, что при этом еще и громко переживала, говорит о моем искреннем сожалении.

— Я к тому, что Динка здесь, за закрытой дверью, тоже вопила, но не разделяя твои душевные муки. Она вопила от страха по другому поводу. Если память отшибло, взгляни на окно. Обе створки нараспашку. Напомню, кто-то в безвизовом режиме пытался проникнуть в столовую через окно. Кто это был, Дина?

— Не знаю, — шмыгнула носом Динка и вытерла рукавом слезы. — Я не видела, очень испугалась, когда заметила на подоконнике чьи-то руки. А тут еще звон чего-то стеклянного и вы так страшно закричали на кухне. Я решила, что к вам тоже лезут, вот и завизжала непроизвольно.

— Тебя пытались задушить?

Бросив бессмысленную затею поднять подушку, я шагнула к стулу, намереваясь сесть. Ноги дрожали.

— Не-ет... — удивленно протянула Динка. — Это я сама подушкой прикрылась. Когда была маленькая и ночью просыпалась от страшных снов с огромными мухами, всегда накрывалась с головой одеялом. Ой, Наталья Николаевна, я же думала, вы меня за подушку лупите.

— Так! Все на улицу. Этот законный лазутчик еще может быть на участке, — заволновалась я. — Возьмем верхолаза тепленьким при

форсировании забора. Бояться нам нечего, он сам перетрусил. Настоящие бандиты так не поступают. Где мой совок?

Вскочив со стула, я подалась к двери, но услышала треск под ногами, а следом Наташкин грустный комментарий:

— Твой совок не выдержал тесного общения с тобой. Пластик! Ему бы мое терпение. Как бы нам до возвращения Ефимова не переломать и не перебить все на вашей даче. И мне кажется, бандита мы, точно, не догоним. Как-то не хочется видеть его бандитскую рожу. Но каков нахал, а? Тайком ломиться в дом средь бела дня, не боясь присутствия народа! Да еще через закрытые на замок ворота. Или это кто-то из соседей? Неужели желтая ночная бабочка Маргарита ночью заблудилась? Вместе с провожатым, Ильей Семеновичем. Перекусили активированным углем, да и улеглись под кудрявым кустом черной рябины.

Я с негодованием отшвырнула ногой сломанный совок. Он улетел под стол и пристроился на место, ранее занимаемое «лапой Чеширского кота». — Центр утилизации отходов, — буркнула пояснение, заметив укоризненный взгляд подруги. — Остается присыпать сверху битой посудой, украсить угробленными цветами и будет антиальпийская горка. Или, если угодно, свалка.

— Надо полагать, главный упрек мне? — высокомерно задала вопрос подруга.

— Все хороши! Дина, ты в состоянии объяснить, какая нелегкая тебя принесла к нам, можно сказать, в бессознательном состоянии? — сухо поинтересовалась я, покосившись на Наталью. — Есть уже не подозрение, а уверенность, что случившееся с нами, начиная с ночного звонка, следствие одной причины. Не мешало бы ее знать.

Наталья, обдумывавшая вопрос, обижена она мною или нет, сразу же забыла про сведение счетов. Но наперекор мне все-таки заявила:

— Девчонке надо хотя бы умыть личико, а тебе протереть глаза. Я пока займусь черной работой мусорщика.

— Моя цапка!

Вытаращив глаза, мы с Наташкой с удивлением наблюдали за поведением Динки. Ума-разума она в какой-то мере лишилась. Вскочив с дивана, молниеносно нагнулась, вытащила из-под него осточертевший нам рыхлитель и принялась его целовать.

— Не переживай, — неуверенно утешила я подругу. — Мусорная горка мигом уменьшится. Вот сейчас я еще и сломанный совок вытащу, останется только убрать разбитую посуду. Наверное, этот рыхлитель или цапка, как сказала Динка, ее любимый садово-огородный инвентарь.

— Или любимое холодное оружие, хотя обожаемые до безумия вещи где попало не бросают. К тебе, Ириша, это правило не относится. Ты сама исключение из правил. Не только свои, но и чужие забытые предметы удивительным образом тебе под ноги попадают.

— Вы помните место, где наша цапка валялась?! — фальшиво-безразличным тоном спросила Динка, ласково поглаживая острые зубья. — А сможете его описать?

— Охренеть можно! — восторженно среагировала Наташка. — У меня тоже есть любимая лопата, но мне и в голову не придет с ней целоваться.

Я согласилась. Целоваться с лопатой — это уж слишком. И осторожно попробовала разъяснить девчужке, что «лапы Чеширского кота» семенами и черенками не размножаются. Тем более что цапку никто даже не прикапывал. Валялась себе вольготно у дорожки. Конкретное место ее залегания обрисовать не могу, а вот показать... Нет. Показать тоже не могу. Еще не хватало ради этого тащиться назад в злополучное садовое товарищество, где мы уже хлебнули злоключений. По моему мнению, Динкино желание отдает настоящим сумасшествием. И хватит пустой болтовни. Давно пора разобраться с кое-какими серьезными вопросами. На этом важном моменте я запнулась, удивляясь самой себе. Как же раньше не догадалась!

Хорошо, что девица не видела выражение моего лица. Тупее не бывает. Динка немного сникла и, не расставаясь с инструментом, позволила проводить себя в душевую. Ждать ее пришлось долго. Я успела обдумать свою догадку, подобрать девочке одежду дочери и от безделья примерить свой контрольный старенький халатик. Не мал, не велик, следовательно держусь в заданном формате.

Динка никак не желала выходить, уверяя, что только в душевой кабине почувствовала себя со всех сторон защищенной. Пришлось сослаться на Наталью Николавну, которой вот-вот надоест одиночество. Она обладает удивительной способностью преодолевать любые препятствия. Куда крепче пластиковых стенок душа. И вообще, бояться Дине некого. Мой дом — наша общая крепость. Просто ночью мы неосмотрительно оставили брешь — открытое окно, чем и воспользовался какой-нибудь бомж. Утром ему воровать удобнее, нежели ночью, потому как светло. Без фонарика все видно, а соседям некогда стоять в карауле.

Динка тут же попросила меня спуститься вниз. Совсем не обязательно сопровождать ее при спуске, дорогу она хорошо запомнила — восемнадцать ступенек лестницы. В порыве отчаянной вежливости я пожелала ей счастливого пути и посоветовала не сокращать его бегством.

Спрыгнуть со второго этажа на мою многострадальную рабатку с цветами — плохая задумка. Если и приземлится, на свой взгляд, удачно, радоваться придется недолго. Я непременно впаду в состояние сильного душевного волнения и автоматически компенсирую ей отсутствие переломов. И тогда возникнут большие проблемы с ее участием в поисках мамы и бабушки.

Сказала, как отрезала. Натальина школа. С каждым годом зверею все больше и больше. Хотя, по мнению подруги, просто набираюсь ума. С другой стороны, куда мне его столько? Погрязнув в печальных рассуждениях, я медленно отправилась вниз. Ждать реакции Динки на свои кощунственные слова, не стоило. Девочка в смятении.

— Только не говори, что Динку водой вместе с грязью в сток смыло, — приветствуя мое появление на кухне остатками сомнительного трехслойного бутерброда, прошамкала жующая Наташка.

— Не скажу, — пообещала я, старательно приносиваясь и приглядываясь к компонентам. Угадаю или нет?

Увы, не успела. Наташка забеспокоилась, быстро сунула остатки в рот, потрянула руками, сбрасывая тактильную память, и невнятно промычала:

— У нас хлеба нет. Хочешь чизбезброд? Только что прошел апробацию. Очень даже ничего. Основа — сыр, в середине три пельменины, моя доля, сверху опять сыр, твоя доля. Надо бы в магазин скатать, только вот ваш «железный занавес»...

— Мне сейчас не до брода с чизом, вернее, не до шопинга. Динка была негласным свидетелем сцены похищения мамы и бабушки. Негласным, поскольку спряталась и пикнуть не могла.

— Удивила! Признаться, чего-то неправдоподобного я и ожидала. Гелька доигралась.

Подруга выглянула в холл, удовлетворенно кивнула и настороженно прошелестела:

— Не фигу было соблазнять австрийского Якова, дважды женатого. На Райнхильде и пластиковых окнах. Да еще гражданине российского разлива. У подобных типов страсть к махинациям в крови. Наверняка он втянул Гельку в какую-нибудь финансовую аферу. Откуда у нее деньги на расширение земельного надела? А на строительство нового дома?

— Так, может, Австрияков — Динкин отец?

— А где она сама? — забеспокоилась подруга.

— Все еще наверху. Ищет надежное место, чтобы спрятать там свою драгоценную цапку. По-видимому, ручка у нее полая и в ней что-то запрятано.

— Светлое будущее! — предположила подруга.

— Или темное прошлое, — торопливо возразила я. Шлепая Аленкиными тапками, Динка спускалась по лестнице.

Я шепотом отсчитывала ступеньки. Получилось на одну меньше, чем у девочки — семнадцать. Не велика разница. Хотя как сказать. Примерно месяц назад мы с Натальей вешали в спальне новые шторы. Честно говоря, вешала она, я была «на подтанцовке» — буквально приплясывала вокруг колченогой стремянки, накануне позаимствованной мужем у одного из дачников. Следовало обеспечить подруге равновесие, и я старалась изо всех сил. До сих пор удивляюсь, как обе выстояли. Сам Димка, объявив себя «снабженцем», категорически отказался участвовать в мероприятии. Как назло, хозяин стремянки появился в самый ответственный момент и, мягко говоря, в не очень трезвом состоянии. Человеку срочно понадобилась стремянка. Для чего, мы точно не поняли, вроде он по ней просто соскучился. Каждый день спотыкался об эту полезную вещь в разных местах. Куда зашвырнет, там, глядишь, и споткнется. Без нее тоска зеленая. Брали на полчаса, а прошло трое суток.

Опоздавший на разбирательство Димка мигом сориентировался и предложил Николаю Трофимычу спуститься и отведать холодненького пивка. Я порадовалась — наконец-то избавимся от надоевшей бутылки, только зря место в холодильнике занимает.

Арендодатель тут же поспешил вниз. И надо же было Наташке сопроводить его уход словесным комментарием! В том плане, что Трофимыч на ногах плохо стоит, лично ей не понятно, как он в таком состоянии ухитрится не загреметь с лестницы. Он и загремел, да так, что мы с Наташкой от страха втянули головы в плечи, с ужасом ожидая конечного результата. Был такой дикий грохот, сопровождаемый не менее диким матом, что я не чаяла увидеть соседа, в лучшем случае, не очень здоровым. Что касается лестницы, то от нее и подавно должна была остаться светлая, в тон лаку, память. Ан нет! Трофимыч свалился с последней ступеньки целым и невредимым прямо к ногам ошалевшего Димки и расторопно схватил из его рук открытую бутылку хмельного напитка, едва не пролитого на пол. Эта история к тому, что Трофимычу не было безразлично количество пересчитанных им ступенек. Одна дополнительная — и хирург Ефимов бездарно оросил бы пивом значительную территорию пола.

Динка предстала перед нами со смущенной улыбкой. Я с трудом узнала в юной красавице недавнюю замарашку. Природа явно кого-то обделила прелестью, любовно одарив ею девочку. Наверное, такой дар и называют совершенством. Изыщную головку с точеными чертами лица

украшали густые темные волосы. Еще немного влажные после душа, они спускались крупными волнами чуть ниже плеч. Безукоризненную кожу лица оживлял нежный румянец. А глаза!.. Огромные, лучистые и синие-синие.

— Вот оно, наше грядущее отмщение всем козлам, — пробормотала Наташка. — Пусть любят, разинув рот. Причем издали и исключительно по талонам. Бедная Гелька! Обзавелась «бриллиантом», страшно оставлять без охраны. Сейчас такое время... Спокойнее быть дурнушкой.

Вопреки моему ожиданию Диночка сильнее прижала к груди свою цапку. А я-то надеялась, что она ее спрячет наверху.

— Динария, что ты таскаешься с этой зубастой хреновиной, как с писаной торбой? — не выдержала Наташка. При этом украдкой одарила меня насмешливым взглядом. Провидица, мол, из меня никакая. И чтобы я не вступила в перепалку, занялась Динкой. — Знаешь, девушка, возникают нехорошие предположения...

Чудесные глаза девицы смотрели на нас, лучась искренностью.

— Я не Динария, меня Дина зовут, а цапка — бабушкина любимица. Она уверяет, что таких теперь не делают. Вот и гуляет с ней на даче по огороду, не зная, где ее применить. Наверное, поэтому без конца и теряет, а мы с мамой вынуждены искать. В прошлые выходные опять потеряла. И как всегда расстроилась. Слезно просила ее найти. А тут такая фигня — я нашу цапку рядом с вашей машиной увидела. Обалдеть! Даже не поверила, хотя узнала сразу. Не могла понять, как она у вас очутилась. И таскаюсь с ней потому, что сама боюсь потерять. Хотелось бы сделать бабуле приятный сюрприз. Положить цапку туда, где вы ее обнаружили, и устроить так, чтобы наша баба Катя сама на нее набрела. Вечно заверяет, что у нее отличная память. Она прекрасно помнит, как укладывала цапку... в ящик с инструментами.

Наташка прыснула хоть и в свой кулачок, но, без сомнения, в мой адрес. Такое простое объяснение трепетному отношению Динки к рыхлителю мне в голову не приходило. А чтобы я не сомневалась в своем проколе, подруга, переключив внимание на окно, любовно поглаживала раму и елейным голоском журила «некоторых» за поразительную способность раздуть из мухи слона.

Я не преминула заметить, что в ее власти вернуть моего «слона» в первоначальное состояние мухи. Достаточно ответить на вопрос, почему Гелькина дочь променяла поездку в Австрию на ночную пешеходную экскурсию к нам, да еще в костюме ряженой. То, что она при этом онемела,

удивления не вызывает — слишком много впечатлений.

— Я-а-а... — проблеяла юная красавица и смолкла.

Легкое замешательство девицы, в результате которого она потеряла бдительность, позволило мне выхватить из ее рук рыхлитель и отскочить с ним на безопасное расстояние. Прямо за надежную спину подруги, пресекавшую все Динкины попытки вернуть «кошачью лапу» себе.

Чтобы отвинтить деревянную ручку от железных «когтей», особых усилий не понадобилось. Пожалуй, не стоило демонстрировать пустую, как мне думалось, полость ручки. Была уверена, что Динка спрятала ее содержимое на втором этаже. Не зря же так долго торчала там. Ну, уж как получилось... С торжеством в голосе я объявила «Вуаля!» и, не глядя, перевернула ручку отверстием вниз. Хотела даже встряхнуть, после чего предложить Динке добровольную выдачу заначки. Таких больших сейфов, как мой второй этаж, не бывает. Да и не стоит он драгоценностей.

Встряхивать не пришлось. Под отчаянный Динкин крик «Не надо!» на пол посыпались прозрачные граненые камушки. Сама ручка выпала из моих рук последней.

— Ос-споди! Ч-что эт-то за ф-фигня?! — от волнения начала заикаться Наташка.

— Ф-фигня, — достаточно вятно ответила я. — Во какая...

Наверное, со стороны это зрелище выглядело забавным. В поисках утраченного две солидные взрослые тетки на коленях бороздили доступное пространство пола кухни. И без конца сталкивались отдельными частями тела. Между тетками, как шнурок, ловко лавировала девица самой приятной наружности, ругавшаяся весьма неприятными словами.

— Ирка, да что ж это такое? — при каждом столкновении вопрошала Наташка, и каждый раз я не угадывала с ответом.

— Что такое, что такое... Мне кажется, мы собираем сплошные углероды в лучшую пору их жизни, после огранки. Теперь они зовутся бриллиантами. Знаешь сказку про гадкого утенка?

— Ты мне сказки не сказывай. Я про коленки. Болят нещадно, словно всю жизнь на них елозила. Ну что ж это такое?

— Артрит или артроз с приветом, других диагнозов я не знаю. Выбирай сама.

— Блин, а то я из дикого леса! Мне непонятно, зачем бывшим углеродам скрывать свою красоту в таком занюханном футляре? Да что ж это такое?!

— Ну что ты заладила одно и то же? Не знаю! Могу только догадываться, что их в нем насильно прятали.

— Мне и без подсказок понятно. Я про твои тактические маневры. Потихе нельзя? Прямо хоть радар устанавливай. Та к боднула головой, что у меня в боку образовалась пробоина.

— Зря паникуешь, это твоя талия, вид сбоку.

— В районе левого бедра? Вторая по счету!

— Успокойся. Ты у нее одна, словно в ночи луна.

— О, боже! Я не про талию, а про углеродины! Один камешек беру, на второй смотрю, третий примечаю, и бац! Все они мерещатся. Только два отыскала. Может, не там ползала? Динка, какой у тебя общий счет?

Динка не ответила, продолжала шипеть, плевать и ругаться черными словами. Я предложила подруге ей не мешать. Прислушавшись, поняла — на себя ругается. Пусть ребенок выскажется. Столько времени молчала. Наташка досадливо отмахнулась и заявила, что ее терпение иссякло. Надо брать веник и выметать бриллианты из укромных мест, как обычный мусор. Может, они искусственно выращенные. Прямо в ручке цапки. Динка, если желает, пусть потом ползет по линолеуму с контрольной

проверкой. Лично она не рождена для того, чтоб «сказку сделать былью», всю бриллиантовую мелочь не углядишь.

В этот момент Динка ткнулась мне в спину и смолкла.

— Сколько всего должно быть камушков? — оперативно развернувшись, поинтересовалась я.

Она присела и задумалась:

— То ли сто десять, то ли сто двенадцать. Или все сто пятнадцать. Я точно не знаю. Была такая ма-а-аленькая горстка.

Динка сложила ладошку лодочкой, демонстрируя объем кучки.

— Живут же люди... — проворчала Наташка. — Быстро складываем углероды на стол и считаем. После подведения итогов беремся за веник.

Подсчет показал более-менее утешительный результат. На столе красовалась кучка из ста десяти «углеродов» разного размера и расцветки. Наташка еще раз усомнилась в их подлинности и взялась за веник. Мы с Динкой были репатриированы в столовую. Оттуда я и предложила использовать после веника электрический фонарик. При прямом попадании луча избежавшие встречи с веником бриллианты наверняка засветятся. Тут-то мы их и соберем.

— Ага. Лопатой, — огрызнулась подруга. — Днем с огнем. Не понимаю, зачем Гелька постоянно приbedнялась?

— Чтобы не засветиться, — уверенно доложила я. — Ярче самих бриллиантов.

— Да мама вообще о них не знала! — возмутилась Динка. — Это бабулины камушки. Недавно я их у нее в старых вещах нашла. Примерно месяц назад. Бабушка очень испугалась, а я просто не поверила, что они драгоценные. Думала, стразы, вот и решила их на жилетку приклеить, но бабуля мешочек отняла.

— И ты даже не пересчитала общее количество? — недоверчиво спросила Наталья, поигрывая веником.

— Мне-то зачем? Раз нельзя приляпать к одежде... Бабуля сразу ссыпала горстку назад в мешочек и посоветовала о них забыть. Мол, они заговоренные. Как пришли, так и ушли. Я и забыла.

— А почему вспомнила? — водрузив веник на плечо, как ружье, воинственно поинтересовалась Наташка. Уловив недоуменный взгляд Динки, удивилась, но посоветовала не бояться. Веник не заряженный. Кроме того, он почти лысый. На веерные грабли похож. Или бандитскую распальцовку.

— Кушать хочется... — не отрывая глаз от веника, тихо пожаловалась девочка. — Давайте я подмету, а вы пока хлеб достанете.

Подруга умилилась.

— Дерзай, ребенок. Сначала обеспечиваешь мне стабильность — подметаешь пол у холодильника, плиты и стола. Дальше я, если очень надо, могу и перепрыгнуть. Иришка, сюда не суйся, твое дело чайное. Словом, безделье. Все вопросы потом. Кажется, мы в большой... — Наташка мельком взглянула на Динку и заканчивать фразу не стала.

Вопреки указанию Натальи, подметать и говорить Динка начала от печки — памятника первичному отоплению дома, разрушить который у Дмитрия Николаевича не поднимается рука. Вроде как и не нужна, пару лет назад ее сменил отопительный котел с разными там пластиковыми трубами и конвекторами, а расставаться жалко. Наставить девушку с веником на правильный путь, то-бишь турнуть ее к холодильнику, плите и столу Наташка не рискнула. Слова сыпались из Динки как горох, причем не размеренно — по горошине, а сразу пригоршнями. С трудом удавалось осмыслить сказанное. Некоторые слова «проглатывались» целиком, некоторые нещадно сокращались, темы менялись, как картинки в калейдоскопе. Если разложить все «по полочкам», получалась следующее.

Короткое вступление. Бабушка в людях никогда не ошибается. Яков Алланович Туканов косит под доброго человека, а еще тот котяра. Фрау Райнхильда — заносчивая дура. Основная часть. Котяра Яков Алланович пригласил семейное трио Синицыных — Ангелину, бабу Катю и Диночку на майские каникулы в Австрию и даже оплатил им стоимость перелета. Дура фрау, по его словам, закатила ему скандал и улетела в Вену на три дня раньше. Вчера в пять сорок пять утра Синицыны вместе с «котяркой» должны были лететь следом. Проживать за чужой счет можно и в отеле. Но Ангелина, с запозданием (в четверг вечером) узнавшая о скандале в семье «котяры», заупрямилась. — Не хотела быть яблоком раздора, поскольку и в мыслях не держала соперничество с фрау-дурой. Козел Туканов рассвирепел, поскольку не привык менять свои решения и терпеть не мог, когда ему перечат. В первом часу ночи он приехал к Синицыным и заставил их спешно загрузиться в машину. Билеты и загранпаспорта ждали их у него дома. Матушка и баба Катя почти не сопротивлялись — боялись шумной разборки, которая непременно скажется на взаимоотношениях с соседями. Но с решением отказаться от поездки заколебались, тем более, что собранные в дорогу вещи разобрать еще не успели, оставили это дело на утро.

Добрейший Яков Алланович привез непокорную троицу в свой коттедж, заявив, что на половину четвертого утра заказано такси в аэропорт. Та к или иначе, но женщины смирились с отлетом. Роль

решающего фактора сыграли доводы о невозможности пересечения их познавательных путей-дорожек с давно протоптанными тропами фрау Райнхильды. А тут еще гарантированное проживание в трехместном номере четырехзвездочного отеля, воистину голубой Дунай и Венский лес. Но выяснилось, что часть необходимых вещей Синицыных остались дома. Бабушка наотрез отказалась улетать без них. Туканов с досады даже зубами закрипел, крякнул, дважды звонко шлепнул себя по лысине, но в итоге пообещал моментально доставить им два спортивных баула до прибытия заказанного такси. Бабулю не переспоришь. Она поехала с ним. Туканов так спешил, что забыл на столе свой мобильник, в память которого под диктовку Ангелины только что внес номер телефона какой-то Натальи Николаевны.

В отсутствие Туканова и старшей Синицыной Ангелина и Динка, подавляя желание заснуть, коротали время за просмотром ночного голубого экрана. Пройти с экскурсией по дому не решились — как-то неудобно. Минуты, отпущенные на рекламу, были заполнены воспоминаниями Ангелины о своем детстве, тревожной юности и друзьях, со временем исчезнувших из ее жизни. «Иных уж нет, а те далече...» Дошел черед и до Натальи Николаевны, с которой в силу ее железобетонной добродетельности обязательно надо поддерживать хорошие отношения. С помощью этой бессребреницы бабушка Катя на глазах ожила и чувствует себя вполне прилично. А все потому, что Наталья Николаевна — единственный человек, всегда готовый оказать бескорыстную помощь. С ней было надежно даже в песочнице. Попутно Гелька поведала дочери об оригинальном земельном участке Натальи. Подруге лень заниматься копанием разных там грядок и рабатов для цветов. Она сделала проще: по всей территории коротко стриженного надела «раскидала» одиночные посадки роз, дельфиниумов и прочих цветов, а также декоративных кустарников. Смотрится великолепно. Больше всего Ангелине понравилось прекрасное расположение садового товарищества — на лесной поляне и в то же время недалеко от станции.

Эти сведения, наполненные подробностями, оказались весьма кстати. В начале третьего в дверь позвонили. Гелька, уверенная в возвращении с вещами матушки и Туканова, понеслась открывать, даже не заглянув в глазок. Динка просто вскочила, нечаянно смахнув со стола навороченный мобильник Якова Аллановича. И, не мешкая, полезла за ним под диванчик, именуемый хозяином «канапе». Пронзительный крик матери и грубые мужские голоса, советующие Ангелине ради ее же блага немедленно заткнуться, заставили девочку плотнее вжаться в стенку. Мать не

слушалась, истерично рыдала и уверяла «гостей», что дома никого нет, все уехали в аэропорт, а она ни в чем не виновата. Со всей очевидностью, старалась для Динки, надеялась, дочь додумается спрятаться. Динка додумалась и до большего. Нажала кнопку соединения с первым высветившимся номером. Рассчитывала на сообразительность абонента. Услышит разноголосые дикие вопли по знакомому номеру, поймет, что стал заочным участником сцены разбоя и грабежа, соответственно вызовет полицию. Увы, будучи насильно разбуженной среди ночи, я, можно сказать, вообще не соображала. А между тем пара визитеров ввалилась в холл и принялась методично крушить все подряд. Первым делом прошлись по мобильному телефону Ангелины и раздавили его. Следом пришел черед мебели. Эта операция почему-то называлась поиском выездных документов. Один из бандитских соискателей побежал на второй этаж. Ангелина, несмотря на приказ успокоиться, открывать рот только по требованию, протяжно стонала и выла где-то у выхода. Судя по глухим ударам и шлепкам, она пыталась сопротивляться. Бандиты разнообразили угрозы угрозами применить меры физического воздействия. Вскоре вопль матери оборвался на самой высокой ноте. Безмолвно захлебывающаяся слезами Динка от всей души надеялась, что мама просто потеряла сознание.

Безумная мелодия мобильного вызова заставила Динку испуганно дернуться, аппарат стремительно вылетел наружу и припарковался рядом с перевернутым креслом. На короткий миг стало тихо. Чьи-то ноги в черных ботинках медленно и неслышно приблизились к мобильнику. От страха Динка закрыла глаза и буквально перестала дышать.

— Мобила Тукана, — нарушил тишину глухой мужской голос. — Только что был исходящий звонок какой-то Наталье Ник. Через минуту — входящий с ее номера, — жутким тоном доложил ревизор и с размаху плюхнулся на «канapé». Изыщный диванчик возмущенно треснул. — Бандит вскочил и, матюгнувшись, пнул его ногой. Одна из гнутых ножек отвалилась, осиротевший угол диванчика тюкнулся в палас. Динка от всей души надеялась, что крушитель этим и ограничится. Надежда оправдалась. — Кто звонил? — зловеще поинтересовался он неизвестно у кого.

— Привидение Тукана! — хохотнул его напарник. — Да ты же сам и звонил, придурок! Чудес не бывает. Мобила наверняка на кресле валялся, а ты кресло конкретно долбил, вот и задействовал телефон.

Динка немного приоткрыла глаза. Рядом с ногами в черных ботинках встала еще одна пара, в черно-белых кроссовках. Казалось, некоторое

время парочка бездействовала. Затем обладатель кроссовок хмыкнул.

— Смотри сюда. Номер внесен в телефонную книжку недавно, связи по нему раньше не было. Единственный звонок пару минут назад отсюда. Перезвонили Тукану почти сразу. Наверняка очередная телка. Не дождавшись приветов, сама навязалась. Следовательно, вызов ее номерочка был случайным. Надо смотреть, чего крушишь ногами. Все, хорош! Утром со звонарихой разберемся. Позвонишь ей и потребуешь миллион зеленых — должок Тукана. Она его сразу из памяти выкинет. А сейчас быстро на выход. Кто его знает, вдруг эта телка в полицию позвонила. Хоть там и свои люди, но лучше не нарываться. Синяк! — крикнул он в прихожую. И дождавшись ответного «чево», рявкнул: — Да «ничево!» Бабу в машину, вовремя отрубилась, не придется рот заклеивать. И осторожней с ней там. Головой отвечаете. Она должна остаться целой и невредимой. Дочь, как и бабка, наверняка укатила с Туканом.

Группа отморозков стремительно исчезла. Динка с трудом покинула свое убежище: у «канапетины» неожиданно сломалась и вторая ножка. Трясущимися руками девочка набрала номер своего домашнего телефона, не рассчитывая на ответ. Бабушка с котярой Яковом наверняка уже едут обратно. С минуту на минуту придут. И очень удивилась, услышав тихое бабулино «Алё?»

Истерика помешала Динке кратко и вразумительно поведать о случившемся, бабушка ее прервала:

— Ты взяла у меня цапку и забыла. Я ее у тебя под общей яблоней видела. Лучше не трогай, сама приеду и возьму. Помнишь старенький мешочек? Он весь в дырках, я его выкинула. Нашла ему замену. За меня не волнуйтесь, все будет хорошо. До встречи.

Звук сирены машины «скорой помощи» или полиции — последнее, что услышала Динка. Связь оборвалась. Она предприняла еще две попытки прозвониться, но безуспешно — в ответ бесконечные длинные гудки.

До полудня измученная девочка надеялась, что кто-нибудь из взрослых все же вернется в коттедж. Домашний телефон по-прежнему отзывался только гудками. Несколько раз она порывалась позвонить в полицию, но так и не решилась. Пугало откровение бандита в кроссовках о наличии там «своих людей». К вечеру после некоторых колебаний, Дина решила разыскать добродетельную Наталью Николаевну. Денег у девушки не было, и она взяла займы у Тукановых пятьсот рублей, служивших кому-то из супругов закладкой в книге с непонятным названием (язык был не русский). Книга эта буквально сама выпала на нее с полки, заставив испуганно отскочить.

С большой осторожностью выйдя из дома, Динка не заметила ничего подозрительного, но обругала себя за то, что не переоделась в шмотки фрау Райнхильды. Хотя едва ли переодевание помогло бы, если за коттеджем следили. Через некоторое время подозрительными казались все. Даже добродушная пожилая женщина с коляской, в которой сидел краснощекий малыш, с аппетитом жуящий ухо игрушечного зайца. Динка обратилась к ней с просьбой подсказать, как добраться до Москвы. Получив рекомендации, быстро направилась в другую сторону. Пару раз оглянувшись, заметила, что женщина неотрывно смотрит ей вслед. Мало того, какая-то доисторическая машина, прихрамывая на одно колесо, медленно проводила ее почти до железнодорожной станции, куда она добиралась круглым путем. Девушка пыталась запутать следы и едва не заблудилась. Ей и самой не ведомо, как она добралась до места. В пристанционном скверике Динка решила на кражу. Стащила у развалившегося на лавке бомжа старую куртку, убедив себя, что она ему не нужна, иначе не валялась бы на урне. Преодолев брезгливость, напялила шмотку на себя, не сообразив, что именно в ней приковывает к себе внимание.

Купив билет до Москвы, притаилась за углом книжного киоска, где и дождалась сигнала прибывающей электрички. Желających отправиться в столицу на платформе было немного. Зато из Москвы шли переполненные поезда. В ее вагоне ехало всего три человека. Девушка слегка успокоилась, расслабилась и позволила себе пожалеть себя и тихонько поплакать. На смену слезам пришла злость. Динка мысленно расправлялась с уродами, столь нагло и страшно ворвавшимися в ее жизнь, смаковала сцены их страдания, перемежаемые жалкими криками о пощаде.

До Натальиной дачи Динка добралась без осложнений, с благодарностью вспоминая дотошные разъяснения мамы, но на этом везение кончилось. По участку Натальи Николаовны с приветливо улыбающимся у ворот пугалом слонялись какие-то подозрительные типы. На дороге стоял их «черный стервятник» — похожая на катафалк машина. Услышав про визитеров, Наталья охнула, прослезилась и дала себе слово, не наведываясь в дачный домик и квартиру в Москве, срочно попросить политического убежища в одной из солидных стран Евросоюза. С устойчивой экономикой. А пока суд да дело, слинять в Болгарию. Там куча знакомых, купивших недвижимость, кто-нибудь приютит на время. И тут же принялась переживать за предстоящую разлуку с мужем и собакой. А заодно и с сыном, который давным давно жил вдали от родителей.

Не вникая в ее слова, Динка кивнула и продолжила подробный рассказ. Деваться ей было некуда, и она, старательно глядя себе под ноги, сразу ставшие непослушными, попыталась проследовать мимо, делая вид, что странные личности на чужом участке ее совершенно не интересуют. Уйти далеко ей не удалось. К несчастью, личности заинтересовались ею. Из «катафалка» выскочил мужик и, размахивая руками, заорал ей вслед: «Э-э-э! Э-э-э!». Динка послушно замерла, поняв, что помощи ждать неоткуда. Ближайшие дачи казались необитаемыми.

Мужик поманил ее пальцем, но она не двинулась с места. Он выругался, сплюнул и направился к ней. Динка сосредоточила взгляд на его коротких дугообразных ножках, забавно загребавших придорожную пыль.

— Ты че, глухая? — недовольно спросил мужик, и Динка, склонив голову, пожала плечами. — Откуда здесь взялась? Бомжуешь? — Новое пожатие плечами его развеселило. — Не местная, значит. Цыганка или таджичка? Чего рожу-то прячешь? Ну хрен с тобой. Держи стольник, мороженого купишь.

Динка отчаянно замотала головой, хотя понимала, что не стоит злить мужика, лучше взять деньги. Однако продемонстрировать идеальный маникюр на грязных, но холеных руках было опаснее. Мужик еще раз сплюнул и, швырнув сотенную купюру ей под ноги, порысил назад. Навстречу ему катили сразу две машины — явный признак начавшегося оттока москвичей из столицы.

— Сматываемся! — крикнул он своим соратникам. — Надо искать в

другом месте. Этой мартышки самой нет дома.

Продолжения Динка не видела — ускорив шаг, вскоре свернула на пустой, заросший травой участок и, преодолев повалившуюся металлическую сетку, вышла в лес, где, наконец, почувствовала себя в безопасности. Обосновавшись в кустах орешника, решила хорошенько обдумать свое положение. Тащиться назад на станцию было опасно, да и сил не хватало.

Увы, мамочка оказалась неправа. Найти безопасный приют у Натальи Николавны не удалось. Похоже, женщина тоже под колпаком. И этот «колпак», сотканный из явных убийц, наверняка караулит ее где-нибудь неподалеку. Не мешало бы предупредить мамину приятельницу об опасности, но как это сделать? Динка решила перебраться поближе к ее даче, благо окружающий лес позволял.

Ее засада несколько раз была под угрозой срыва. Неоднократно девушку обнаруживали собаки и добросовестно облаивали, доказывая хозяевам, что не даром объедаются собачьим кормом. К счастью, собаководов не интересовал сам предмет облаивания. В заботе о недопустимости междусобойчика с элементами боев без правил они криками и свистом призывали питомцев «к ноге». Тем не менее Динка приняла меры к дополнительной маскировке, украсив свою голову ветками кустов. На сопутствующий этому действию легкий треск никто не реагировал.

Время шло, начало темнеть. Девочке очень хотелось пить. О еде как-то не думалось. Она упрямо решила ждать Наталью Николавну. И, наконец, дождалась. С радостью отметив наше прибытие, девчушка едва не вылетела из укрытия. Помешало онемение всего тела. А потом слышались чьи-то осторожные шаги. Наталья Николавна с какой-то женщиной, невнятно ворча друг на друга, выгружались из машины, человеческая фигура с лопатой в руках, буквально сросшись с решетчатой секцией забора, внимательно наблюдала за развитием событий. Наталья Николавна подводила итог изгрызенным клубням семенной картошки.

— Бли-ин! Похоже, мыши открыли на меня сезон охоты, — простонала она. — Всего-то десять штук, и те понадкусывали.

К Динкиному изумлению и удовольствию стороннего наблюдателя, довольно прошипевшего «Yes!» и подкрепившего это глухим стуком лопаты о землю, женщины отправились к даче, расположенной через дорогу. Подозрительная личность с лопатой активизировалась и попыталась проникнуть на участок. Как ей это удалось — непонятно, но на какое-то время она скрылась среди деревьев. Прошло несколько часов,

назад она так и не вернулась. Возможно, Динка прозевала этот момент — на соседнем через дорогу дачном участке, куда ранее направились женщины, развернулись шумные события. Она невольно отвлеклась, пытаясь понять происходящее, и только когда все улеглось, выбралась из укрытия. Действовала по-прежнему осторожно — не было уверенности, что фигура с лопатой не поджидает ее в укромном месте. С серым рассветом забрезжила надежда на спасение.

Это приятно волнующее чувство рухнуло в тот миг, когда она наткнулась у машины на хорошо знакомую цапку. Вне сомнения, бабулину. Очевидно женщины вырвали ее в темноте. Память услужливо продублировала последний бабушкин наказ в отношении этого раритета, сделанный по телефону, и тут смысл его открылся Динке. В мешочке были не простые, а драгоценные камушки. И бабушка каким-то образом переложила их в цапку. Скорее всего, задействовала деревянную ручку. Вот только почему просила не трогать цапку? Вернее сказать — ее содержимое. Как бы не так! Бабушка ничего не знает о нападении на них. Камушки следует использовать для выкупа у бандитов родных людей.

Динкины выводы были купированы очередным приступом страха. Каким образом драгоценное орудие ручного рыхлительного труда оказалось у маминой приятельницы? Ответ напрашивался сам собой. Тетки — разбойницы и ведут собственную охоту за драгоценностями. Не зря же бабуля говорила по телефону загадками. Они оказались свидетельницами переговоров с внучкой и далеко не дурами, раз пришли к такому же результату, что и Динка. Вот и опередили ее в поисках заветного инструмента. А вытащив брюлики, бросили его у машины. Надо проникнуть к ним и попытаться вернуть украденное. Камушки для сохранности можно снова ссыпать в цапку. Главное, быстро слинять. Люди из «катафалка» тоже жаждут встретиться с дачницами. Цапка им не нужна, скорее всего, они о ней, как о сейфе, не догадываются. Вот только Всевышний оказался на ее стороне. Динка истово перекрестилась и пожалела, что слишком редко сопровождала бабулю в церковь.

Визит к нам тайным не получился. Ворота участка были закрыты наглухо, а при их форсировании она зависла на куртке. Немного побарахтавшись, вывалилась из нее, а тут и мы подоспели.

Наше поведение Динка посчитала странным. Проявленное гостеприимство казалось искренним, она не доверяла нам, так как мы проявляли повышенное внимание к цапке. Но тут на нее навалилось чувство голода, на смену ему пришла усталость и полный пофигизм. Она и не заметила, как заснула.

Проверить нашу непричастность к умышленному хищению бриллиантов можно было только одним способом — исследовав содержание ручки. Это удалось сделать в душевой кабине. Камушки оказались на месте, и наш с Наташкой рейтинг сразу повысился. Либо мы оказались редкостными бестолковками, либо случайными похитительницами чужой собственности, ибо не ведали, что сотворили. В последнее обстоятельство Динка окончательно уверовала, видя наше искреннее изумление при виде рассыпавшихся по полу драгоценностей.

Внимательно выслушав рассказ, Наталья приступила к руководству.

— Пройдись по полу мокрой тряпочкой, Дина. Ир, закрой рот. Можно той самой тряпочкой, в которую ты вцепилась. Но лучше передай ее ребеночку.

— Это моя новая футболка! — возмутилась я.

— Вечно ты на рожон лезешь. О чем это я говорила? Ах, да... Надо порыться в мусоре, который сгребла Диночка. Где он, кстати?

Подруга внимательно взгляделась в указанную венником жалкую кучку из двух конфетных фантиков и одной упитанной, но дохлой мухи. Надо полагать, она хорошо пожила и пала жертвой переедания. Недовольно поморщившись, Наталья заметила, что когда не надо, у меня царит идеальная чистота. Но в конце концов одним бриллиантом больше, одним меньше...

— Нет, пожалуй, «больше», — обрадовалась я, заметив за ножкой стола заискрившуюся капельку — результат прямой наводки солнечного луча.

— Замечательно! — восхитилась подруга. — Прекращаем вылизывать пол. Время от времени в порядке очередности будем ходить кругами за солнцем. А в общем-то, если углероды куда и закатились, это к счастью. Там им надежнее. Меня волнует другое. Где прятать собранные, предназначенные для выкупа Ангелины и тетушки Кати.

— Не вижу проблемы, — блеснула я знанием. — В банку с водой. Там их при всем желании не разглядишь. Можно не прятать. Поставим на самое видное место.

Наташка вздохнула.

— Да ты первая забудешь про содержимое банки и выплеснешь драгоценную воду коту под хвост.

— Возьмем маленькую баночку из-под хрена, наклеим на нее пояснительную записку: «Хрен!». Прежде чем выплеснуть, наверняка обращу внимание на несоответствие надписи содержимому и задумаюсь.

— Со своими «задумками» тем более выплеснешь! Дина, подними с

пола «их сиятельство» и присоедини к общему количеству «сиятельств»... Фига себе! Ир, а ребенок всю колбасу съел. Без хлеба.

— Я нечаянно. Просила же хлеба, мне не дали. А колбаса у вас невкусная. Наверное, муха ею и отравилась.

Мы дружно уставились на конфетные фантики и погибшее насекомое, валявшееся кверху лапами.

— Надо бы проводить ее в последний путь, — пробормотала я. — Куда-то совок подевался. Ах, да... Внеплановая потеря.

— Пусть компостная куча будет ей пухом, — решила Наташка. — Обойдемся без совка. — И, быстро упаковав муху в фантики, отправила в мусорное ведро. — Колбаса кончилась, поминок не будет. Просто попьем чайку-кофейку и за дело.

Я поддакнула, завершая операцию сокрытия бриллиантов в пустую баночку из-под хрена. Пояснительная надпись на клочке бумаги несколько перекосилась, но в этом был виноват поспешно наложенный поверх нее скотч.

— Дайте слово, что не обратитесь в полицию, — заволновалась Динка. — Нас сразу прикончат, а мне еще маму с бабулей спасать.

Наташка насупилась.

— Нужен четкий и реальный план действий. А мы даже не знаем, с чего начать.

Динка помрачнела, но промолчала. Я позволила себе заметить, что ее участие в спасательной операции должно быть сведено к минимуму. «Воронье» вполне может знать ее в лицо. Последствия предсказуемы. Нас поймут, Динку используют, как самое эффективное средство шантажа и матери, и бабушки. Родные люди мигом «расколятся» и сообщат, где бриллианты, нас же с Натальей Николавной за ненадобностью... Здесь я замялась, обдумывая более-менее приличные последствия.

— Не каркай! — взвилась Наташка. От неожиданности я выронила из рук банку. Ценой невероятных усилий, столкнувшись лбами, ее подхватили соратницы.

— Во как!.. — потирая лоб, заметила подруга. — В дополнение к брюликам еще два сиятельных «фонаря». Ирка, ты лихо одноглазое! Прижмись к печке и не двигайся. А то и нас уронишь.

— Офонарели, — обреченно отметила я, но к печке отодвинулась. — Незачем было так надрываться, и без того нервы на пределе.

— А к чему бандитам шантажировать мамулю и бабулю? — задумчиво спросила Динка, прервав зарождающуюся перепалку. Проявляющаяся на лбу красная с синевой шишка придавала ей суровый вид. — Я же сама

отдам им все камушки.

— Так они тебе и поверят про «все»! Недобры молодцы решат, что ты наверняка утаила для себя какую-то записку. Лично я точно утаила бы, все равно веры не будет, — проворчала подруга. — И хватит болтать, посмотрите на часы. Надо что-то делать. Для начала спрячем драгоценную баночку в холодильник.

Забыв про чаек-кофеек, мы принялись активно обсуждать план действий. Первым делом позвонили знакомому детективу Чернову и убедились в его недостижимости. Наверняка укатил с семьей в Виноградное и отключил мобильник. Имеет право на отдых. Затем решили навеститься на дачный участок Синицыных. Вдруг появились какие-нибудь новости, кроме вчерашней утопической? Вот только как бы соблюсти конспирацию?

Сборы были недолги, Наташка дольше спиливала с ворот замок. Я села в машину в последнюю очередь, а все потому, что не давала покоя ненадежность тары для бриллиантов. Пока их перепрятывала...

По дороге без всякой надежды на успех позвонила в офис «Австриякона». Так, от нечего делать. Выходные дни, плавно перетекающие в праздники, — прекрасный повод отдохнуть от работы. Но мне приветливо ответил женский голос, скороговоркой представившись и пожелав доброго дня. От неожиданности я извинилась, сообщила, что ошиблась номером, попросила соединить с господином Тукановым, после чего сразу отключилась. Дурацкая выходка!

— Ты что задумала? — поинтересовалась подруга, не допуская мысли о моей дурной и внеплановой инициативе.

— Явки проверяю, — нашлась я. — А вдруг?..

— Правильно, — согласилась Наташка. — Твой мобильный номер не засвечен, так что звонить можешь смело. Дина, дай позывные городских телефонов своего и Тукановского. Ир, если ответят, действуй по обстоятельствам. Попросишь пригласить к телефону Таймыра или какого-нибудь Карагандара. Вот будет весело, если Тукан и Динкины мамуля с бабулей по домам сидят и за Динку переживают!

— Если и сидят, то под домашним арестом, — вздохнула я и посмотрела на Динку.

Она тоже вздохнула:

— Тукановский я не знаю, а наш вам сейчас наберу...

Бесконечно длинные гудки, сменившие вчерашние бесконечно короткие, имели простое объяснение: либо никого нет дома, либо оператор МГТС отключил номер.

— Явка провалена, — печально доложила я и перевела разговор на

другую тему. — Дина, когда ты в последний раз была на своей даче?

— Где-то в конце августа прошлого года. А что там делать? Не знаю, как бабуля два месяца выдержала. Сплошная дымовая завеса, ничуть не лучше, чем в Москве. Даже хуже. Весь участок изрыт, везде кучи глины, рабочие с фундаментом под новый дом возьтятся, причем работают «спустя рукава», а уж ругаются!.. А тут еще наша старая сборно-щелевая избенка неожиданно сыпаться начала. Зря бабуля говорила, что она еще сто лет простоит. Первым крыльцо провалилось. Прямо под мамой. Не надо было с тяжелыми сумками подниматься. Мне пришлось в дом через кухонное окно карабкаться, потом рабочие лестницу приставили. Крыльцо починили, но кое-как. Сами они в бане обосновались. За несколько дней ее сколотили. Мы с мамой только два дня и выдержали. А еще через три дня бабуля рабочих прогнала. Сказала, что алкаши и руки у них невладелые.

— Их было трое? Двое мужиков и одна женщина?

Динка кивнула.

— Ага. Злющие-е-е. Тетка, правда, добрая, она им какую-то бурду готовила.

— А на фига вы второй участок приобрели? — не выдержала Наташка. — Лишние рубли завелись? Девать некуда?

Девушка замялась и прилипла к боковому стеклу. Пейзаж за окном не заслуживал столь пристального внимания. «Степь да степь кругом» — бывшие колхозные поля и ничем не примечательные придорожные кусты. Повисло напряженное молчание. Пришлось прийти Динке на помощь и заявить подруге, что мнения девочки никто не спрашивал. Но Наталья пропустила мое заявление мимо ушей, поскольку слышала только себя. И разошлась не на шутку, клеймя позором Ангелину, связавшуюся с уголовником Тукановым. Не иначе как он и снабжает ее наворованными деньгами и неприятностями.

— Неправда! — подпрыгнула на месте Динка и сжала кулачки. — Моя мама никогда у посторонних денег не брала! На землю и строительство бабуля свои накопления выдавала.

— А Тукан вам посторонний? — не сдавалась Наташка. — Уверена, он сбежал от российского правосудия, нелегально пересек границу и попросил политического убежища в Австрии. А все незаконно упакованные по макушку россияне просят политического убежища в чужеземии! Там им несказанно рады, они ведь Россию разворовывают. Вот как распадемся на отдельные княжества! А там и до междоусобицы дело дойдет. Мордобой у россиян в крови. Нас и завоевывать не надо... Динка-а-а... А вдруг Тукан — твой непутевый отец?

— Чего-о-о?! — очередной раз подпрыгнула Динка. — Он же сальный и противный.

— Наталья, уймись, нам нет до этого дела! — переорала я обеих.

— Я безотцовщина! — гордо заявила девица. — Дитя пробирки. Ой, вы не туда свернули.

— Туда! — отрезала подруга. — Надеюсь, пробирка была стерильной. Меня этими пробирками с толку не собьешь. Сначала посмотрим на обстановку с противоположного берега озера. Вдруг там... Ир, сказать ребенку о вчерашнем утопизме?

— Да ты уже сказала, — недовольно заметила я.

— Ну, значит, судьба. Возьми себя в руки, Динария...

— Что вы все время обзываетесь?! Я — Дина!

— Я думала, так тебе будет легче усвоить очередную жуткую новость. Пока злишься по одному поводу, на другой отрицательных эмоций не хватит. Значица так: вчера днем ваших бывших рабочих в составе трех человек отправили в круиз по дну озера прямо в машине марки старые «Жигули».

— Зачем? — оторопела Динка и с подозрением уставилась на меня.

— Сие нам не известно. — Я постаралась принять независимый вид. — Если уж полиция не знает, то мы и подавно. Нам местный тракторист рассказал. Он затонувшие «Жигули» вместе с утопленниками из воды выволакивал.

— Приехали! — резко притормозив, объявила Наташка. — Дальше пойдем пешком. Ребенок, тебе лучше остаться в машине. Вдруг удирать придется?

— Еще чего! Вы что, лучше меня бегаете?

Динка первой выскочила на дорогу.

— Назад! Быстро! — заорала Наталья. Динка фыркнула и, сложив руки на груди, демонстративно отвернулась.

Основание для строгой команды было весомым. Не знаю, сколько тонн весит похожий на катафалк джип, на огромной скорости несшийся нам навстречу, и знать не хочу. Лишние знания — лишний мусор в голове. Но при лобовой атаке да при пособничестве световой бетонной опоры, торчащей сзади, наша изящная «Шкода» приняла бы форму русского народного инструмента — гармошка называется. А содержание... Вот его-то мне было жалко больше всего.

Я метнулась из машины, рванула заартачившуюся девицу за волосы (а больше не за что, одежда моей дочери сидела на ней в обтяжку) и, несмотря на ее отчаянный вопль, пинком отправила на заднее сиденье.

Динка рухнула плашмя, заняв все свободное место. Ноги красавицы торчали из машины, и я пообещала прищемить их дверью. Угроза подействовала, Динка ноги подтянула. Наташка начала маневр с разворотом, и я не собиралась медлить. Просто запрыгнула внутрь прямо на девицу и хлопнула дверью. Динка очередной раз взвыла, я строго ее осекла: «В тесноте да не в обиде!».

— Левую дверь закройте! — крикнула подруга, и я накренилась влево. Естественно, с упором на Динку, развопившуюся о своих сломанных ребрах.

— Потом их пересчитаем, надеюсь, недостатки не будет, — утешила я страдальицу. — Если нас не догонят на «катафалке».

Наташка лихо развернулась. Машина громко взвизгнула. Дуэтом с Динкой вышло довольно противно. Проскакав на большой скорости десяток метров по кочкам, мы вылетели на шоссе и помчались, куда Натальины глаза глядят. Я свои закрыла.

Знакомая полянка показалась родной, а главное, необитаемой.

— «Приветствую тебя, пустынный уголок! Приют спокойствия, трудов и вдохновенья», — дрожащим голосом пролепетала Наталья, собиравшаяся с силами, чтобы выгрузится из машины.

— Какое счастье, что сюда нас приволок твой навигатор памяти, ты просто гений! — мысленно обеспечила я, да простит меня Александр Сергеевич, собственное скороспелое продолжение его шедевра. Чистой воды комплимент подруге.

В машине мне было крайне неудобно, но я поостереглась выходить. Полной уверенности в отсутствии опасности не было. Я вертела головой, пытаюсь уловить признаки преследования. Вот только глаза забыла открыть — результат частичной парализации ума-разума.

Динка, устроившаяся половиной тела на полу, ничего не говорила, только болезненно кряхтела, пытаюсь освободиться от моего «верховенства». Хотя бы частично. Можно подумать, мне очень удобно полулежать в обнимку с ее левой ногой. Правая пристроилась на моем плече и упиралась в шею. Меня тянуло выпрямиться, но было страшно. Вдруг девушка взбрыкнет, и я тюкнусь носом в дверь. Она от этого все равно не откроется, а мне резко похужеет.

Наташка первой решилась на десантирование. Я наконец-то «прозрела» и отследила все стадии превращения Натальи Николаевны в человека. Выкатилась она мячиком в максимально согнутом состоянии. И замерла. Дверцу за собой не закрыла, оставив путь к отступлению. Пахнуло ароматом разнотравья, и я учащенно задыхалась. Тишину на поляне нарушало только бойкое стрекотание сороки. Беспокойная болтушка то и дело меняла посадочные места. Но явно не по тревоге. Улетать не собиралась, просто скакала с ветки на ветку одной и той же березы. Своеобразный сеанс аэробики под собственное пение.

Подруга постепенно адаптировалась к окружающей среде, трансформируясь из мячика в условно четвероногое млекопитающее, а далее — в подобие кочерги. Не выпуская из-под контроля окружающий лес, она окончательно расхрабрилась и позволила себе распрямиться. Беззлобно ругнув сороку, сосредоточилась на небесной выси, зевнула и потянулась. Я протрубила Динке отбой тревоги и принялась распутывать очередной «гордиев узел». В первую очередь попыталась отделаться от

Динкиных ног. Пора обрести прежнюю индивидуальность. Не мешало бы заодно пересчитать девице ребра, как обещала. Хотя, на мой взгляд, недостача исключена.

— Фига себе! — озадачилась подруга, открыв дверь с моей стороны. — Цирк с конями. Эк вас перелопатило. Ир, ты помнишь свои ноги?

— Разумеется, помню.

— Тебе их мало? Зачем Динкины прихватила?

— Глупый вопрос. Она сама мне их подкинула. Ох-х-х... Помогите вытащиться, в спину вступило.

Динка замычала и начала дрыгать ногами, пытаясь подтащить их к себе, что мне совсем не понравилось. Модная баретка пару раз чувствительно заехала по моему правому уху. Наташка прищурилась, оценивая размер возможного вреда для меня и Динки при оказании нам посильной помощи. В результате решила зайти с другой стороны. Я тут же заверещала, предостерегая подругу от опрометчивого решения выгрузить Динку головой вниз. Сомнительно, что она, встав на голову, сразу освоит новый для себя способ существования. Мало того, предварительно оттопчет мне все правое ухо. Опыт есть.

Но переубедить Наташку, на ходу засучившую рукава, трудно, да и времени спорить не было. Превозмогая резкую боль в спине и потихоньку подвывая, я попыталась вытащить собственные ноги на свободу. Правая на уговоры поддавалась, а вот левая застряла где-то под передним пассажирским креслом, тормозя весь процесс освобождения. Дальнейшее я плохо помню. В памяти осталось только чувство полета и болевые ощущения во всем теле. Кроме спины.

Не сразу дошло, что лежу на травке под голубым бездонным небом и Наташка активно призывает меня радоваться. А когда дошло, я никак не могла понять — чему радоваться-то. Вот если бы я была дома... А тут еще Динка, ползающая вокруг меня на коленках, орошала траву обильными слезами. Неожиданно возникла острая жалость к Аленкиным джинсам. Девица их основательно зазеленила. Но я подавила в себе это чувство, догадавшись, что каким-то образом Наташке удалось вытащить Динку из машины, поставив ее не на голову, а на коленки. Это более удобный способ передвижения, который девушка сразу же начала осваивать.

— Плелешно... — шепеляво отметила я. Помимо чувства горечи что-то явно мешало во рту, язык плохо слушался.

— Иришка, у тебя все в порядке с зубами? — участливо перекосившись, спросила подруга. И я очень удивилась. Глупый вопрос.

Вместе с ней недавно были у стоматолога, а я ему верю. Он велел приходить через год, а прошла всего неделя.

Пожевав губами, я выплюнула изо рта что-то желтенькое и горькое. Как выяснилось, половину одуванчика. Вторую, скорее всего, съела.

— Прелестно... — прислушиваясь к себе, обеспечила я контрольную проверку способности нормально поддерживать разговор. И провела языком по зубам. Пробелов не было, и это доставило удовольствие. Все не так плохо.

Наташка с явным облегчением перевела дух и заявила, что теперь точно знает технику работы ракеты-носителя. Очередным «Прелестно» я выразила искреннюю за нее радость. Но в душе засомневалась — и на фига ей эти знания?

— Ка-ак рванет меня на сиденье! Ка-ак двинет меня на вас! Ка-ак вы полетите!.. — объяснила присевшая рядом со мной Динка.

— А ты? — лаконично поинтересовалась я.

— Она, как первая ступень, сразу отошла. Прямо в машине, — опередив Динку с ответом, торопливо вмешалась Наташка.

— А у меня, значит, был беспосадочный перелет на пять метров от машины, — расстроилась я, подозревая наличие многочисленных переломов.

— Ну почему беспосадочный? Да еще на пять метров, — скромно потупилась подруга. — Ты успела тормознуть. Исключительно по собственной инициативе долбанулась чем-то о приоткрытую дверь, распахнула ее до отказа и выпала. Это мы с Динкой оттащили тебя подальше, а то дверь не закрывалась.

— Не помню, — облизнув пересохшие губы, пожаловалась я, завидуя сороке — вольная птица, стрекочет, что хочет. Вот она, истинная демократия и гласность.

— Ну и замечательно! — обрадовалась Наташка. — А насчет провала в памяти не переживай. Было бы что хорошее... Например, Нобелевская премия. И вообще, не думаю, что я плохо рассчитала свои силы. Просто ваш состав оказался слишком подвижным. И лично от тебя я такой прыти не ожидала. Рассчитывала немного выпрямить, а ты... Кстати, тебе не надоело бездельничать?

— Мне кажется, при подъеме я рассыплюсь на мелкие частицы.

— Это у тебя с головой не все в порядке. Наслушалась информации о всяких достижениях нанотехнологии. Наверное, головой и тормозила. А ты, Дина, в следующий раз не форсируй события. Валялась бы спокойно под сиденьем, не дрыгаясь, все бы и обошлось. И не спорь со мной! Лучше

помоги Ирине Санне сесть. Пусть сидит и осознает свою причастность к мировому сообществу людей. Можешь подпереть ее сзади.

— А вы?

— А я поищу вторую туфлю нашего «летательного аппарата».

— Она под креслом, — заволновалась я. — Посмотри, у меня все нормально с ногами?

— Как было две штуки, так и осталось. — Проворчала подруга. — А зачем тебе больше? Ну-ка, попробуй подтянуть их к себе.

— Боюсь...

— Чего ж тут бояться, они же тебе родные. Это мне бояться надо. Как влягнешь! Чувствуешь, как я массирую ступню?

— Нет...

— Правильно, это я свою чешу, какая-то тля укусила. Мама дорогая, да здесь же муравейник!

Забыв про свои опасения, я моментально откатилась в сторону, вскочила и принялась остервенело отряхиваться под довольное Наташкино ржание.

— Во как тебе сразу полегчало! Про муравейник я пошутила.

Обижаться на подругу не имело смысла. В конечном итоге она безболезненно поставила меня на ноги. Я неуверенно хихикнула, меня уверенно поддержала Динка, за ней весело затрещала сорока. Наташка резко оборвала наш смех, напомнив, что положение у нас хуже некуда. Только что мы упустили возможность поторговаться с преследователями по поводу бартерного обмена камушков на Ангелину и мать ее Екатерину. Зря драпанули.

Продолжая отряхиваться (а на всякий случай!) я заметила, что еще не поздно встретиться с криминальными бойцами на территории садового товарищества. Вдруг они покатили туда? Восторга мое предложение не вызвало, хотя Наталья высказала убеждение, что именно туда они и покатили. Следом за нами. Только она, не надеясь на заступничество дачников, свернула в ближайший проулок и по параллельной дороге сразу же выскочила назад на шоссе. Боковым зрением, которое хорошо развито у опытных водителей, успела заметить «корму катафалка», свернувшего на участки и, ведомая инстинктом самосохранения, понеслась в противоположную от Москвы сторону. Как и в прошлый раз. Подруга всерьез уверяла, что знакомую поляну машина отыскала сама.

В следующие полчаса мы активно обсуждали наше положение. Все жутко нервничали. Неожиданно Наташка смолкла на полуслове, уставившись на мою туфлю. Я так и держала ее в руках, не удосужившись

натянуть. Лицо подруги медленно наливалось гневом, глаза метали молнии, способные испепелить мою тужельку. Пришлось обуться. Демонстрируя Наталье полную экипировку, я задрала брючины и притопнула ногами.

— Это я мартышка!!! — неожиданно выкрикнула она, пнув ногой травяную кочку. — Я!!!

— В таком состоянии с ней лучше не спорить, — шепнула я Динке и покладисто согласилась с подругой. — Мартышки такие забавные, совсем не то что гориллы. — И осеклась под испепеляющим взглядом подруги. Я тоже пошла пятнами. Не поймешь, что ей надо, но за руль в таком диком состоянии Наташке нельзя. Проверено практикой.

— Ну какая ж из тебя мартышка? — застрекотала я. — Ты даже по габаритам не проходишь, а с твоим лицом кинозвезды...

— Этот козел с «катафалка» меня мартышкой обозвал! Когда велел своему стаду убираться с участка, — всхлипнула Наташка. — Диночка сама слышала.

Я облегченно перевела дух. Гнев подруги явно пошел на убыль, у нее наступала фаза отчаянной жалости к себе.

— Так он же тебя в упор не видел, — погладила я ее по плечу. — Ни одна нормальная женщина на такого не польстит. Только мартышки. Мы еще хорошо отделались, если он счел тебя непричастной к каким-то делам. Догадываюсь, к каким. Бойцы наверняка поинтересовались у Ангелины твоей личностью, ну она и объяснила, что ты простая наводчица на высококлассных врачей-специалистов. Тукана ты ни разу не видела. Случайный ночной звонок к тебе вызвал естественную негативную реакцию, ты и перезвонила неизвестному абоненту. Хотела напомнить, что ночь на дворе. Мне кажется, эту «мартышку» можно и проглотить, если мы не при деле. Зато в безопасности.

— Ты уверена?

— Более-менее. Если, конечно, преследователи не успели разглядеть наши номера.

— Не успели. Для этого им следовало подъехать ближе и как следует помыть их тряпочкой. Вчерашний дождь, грязная дорога... Я и сама-то номера не разгляжу, а гаишники сонные. Ненастная погода на всех действует. Иногда неряшливость идет на пользу и означает не что иное, как предусмотрительность. Получается, что у нас только одно слабое звено — Динка. Ее трудно не узнать, если однажды видели. — Наташка сцепила руки в замок и задушевно поведала девушке: — Ребенок, у тебя два варианта: опять завалиться со всеми удобствами... относительными, разумеется, под сиденьями или попасть в лапы к бармалеям. Вместе с нами,

но это слабое утешение. Мой совет — выбирай первый вариант.

— А тетя Ира прикроет меня всем телом сверху?

— Всем задом! Язвительность тебе не идет. Знаешь, перед лицом опасности...

— Перед мордой! — внесла я поправку. — У нашей опасности не лицо, а звериная морда, вернее, морды.

— Протест принят, — без возражений заявила Наталья и пнула ногой «террикон» шахтера-крота. Аккуратная кучка легко рассыпалась. Наташка укоризненно покачала головой. — Мало того, мне уже как-то не хочется рисковать... Знаете, давайте поразмышляем, за каким лешим нас опять несет на криминальный участок?

— За новостями. Из первых, соседских, рук, — с готовностью ответила я.

— За бабулей и мамой, — сердито поправила меня Динка. — Вдруг они там у первых соседских рук и прячутся. Могли, например, сбежать от звериных морд или же их просто отпустили. Они же никогда никому ничего плохого не делали.

— Все может быть, — поспешно согласилась я, многозначительно взглянув на Наташку, собиравшуюся возразить. Ох, не нравилось мне выражение ее физиономии. Впрочем, она быстро сменила маску.

— Ну-у-у... Если... Да. Конечно. Дуры мы, дуры! Но все может быть. Тот же Тукан. Почему бы ему тоже не спастись. Посидим в баньке, чайку попьем... Да.

— Не попьем. Потому что Тукан — покойник, — пробормотала я себе под нос. Смотреть в глаза подруге и Динке, издавшим на вздохе испуганное «А-а-а», не хотелось. Я тут же вывернулась, сославшись исключительно на предположение. Просто из Динкиного откровения хорошо запомнилась вроде как шутливая фраза одного из захватчиков Ангелины. Выдать таинственный звонок на Натальин мобильный номер могло только привидение Тукана. А привидение живым не бывает.

— Дина, как он, вообще, появился в вашей жизни? Живым. — Наташка покосилась еще на один холмик крота, правая нога дрогнула, и она шлепнула по бедру ладонью, скомандовав: «Стоять!»

— Не знаю, — слишком поспешно ответила девица и отправилась к машине.

— Да все ты знаешь, — попеняла ей вслед Наталья, но Динка даже не обернулась. — Иришка, у тебя нет плохого предчувствия по результатам предстоящей краткосрочной поездки на дачу к Синицыным?

— Плохое предчувствие появилось еще в ночь с четверга на пятницу и

явно загостились. Но ехать придется.

— Блин, была бы рядышком птицеферма, я бы бесстрашно ее ограбила. Мешок птичьего помета — вот прекрасное прикрытие для предстоящего вояжа, да где ж его взять. Ладно, — обреченно махнула рукой подруга, что-нибудь придумаем.

— Придется, — выписывая туфлей на траве кренделя, уныло согласилась я. — Тем более что Гелькиным соседям наверняка надоели частые визиты незнакомцев к Сеницыным. От любопытства все глаза проглядели, работать некогда. Предлагаю оставить машину в надежном месте и до участка прогуляться пешком. Заметим что-либо подозрительное — продемонстрируем независимость, пройдя мимо.

— Динку с собой не возьмем!

— Даже не знаю... Опасно оставлять ее одну в машине, а с собой брать — тем более. Девочка всем соседям знакома. Начнутся расспросы, то да се.

— Притормози с болтовней. Далее уже некуда. Страшно становится. Вот что. В багажнике пакет с мусором, в том числе бомжовская куртка нашей красотки. Как хорошо, что мы забыли выкинуть на помойку!

Я оторопела. Чего ж тут хорошего? Яснее ясного, в этой куртке Динка непременно засветится. Тем более что один из бригады преследователей видел ее довольно близко. Куртку я имею в виду.

Наталья попробовала спорить, но хватило ее не надолго — ровно на пять шагов до машины.

Динка сидела на заднем сиденье и, прикусив нижнюю губу, сосредоточенно плела косичку из узких разноцветных ленточек. В свое время они были приобретены Натальей благодаря очередной ажиотажной вспышке — освоить рукоделие. Пара ленточных цветочков украсила часть наволочки для декоративной подушки, на этом подруга и остановилась, объявив увлечение муторным. При этом не менее одного раза в два дня мне предлагалось завершить надоевшую ей работу и утверждалось, что мне она непременно понравится. Я смогу продолжить занятие над новым проектом. Еще не распакованная заготовка третий месяц валялась в машине. Наташка надеялась, что мне, в конце концов, надоест отнекиваться. Можно сказать, брала измором.

— Фига себе... — проронила она, глядя на Динку. — Ир, мой подарок тебе накрылся. По интернету заказывала, на доставке разорилась.

— Не фига, — привычно отозвалась я. — Помнится, доставка была бесплатной. Пособие отличалось дороговизной, ты его в покупательскую корзину добавила, чтобы на доставке сэкономить. Не мешай ребенку, пусть

развлекается. Одной проблемой с помощью рукоделия будет меньше. Только надолго ли. Новых нахватаем. Ну, что? Диночку в «подполье»?

— Пусть пока так сидит. Там ей трудно заниматься творчеством. Будем подъезжать к товариществу, спрячется. Правильно, Динуля?

Девочка согласно кивнула, заявив, что она хочет домой, к маме и бабушке. Заняв свое место, Наталья с тяжким вздохом отметила, что лично она к маме, царствие ей небесное, не хочет. То ли призывала брать с себя пример, то ли маму жалела.

В тот момент мне казалось, что Динкино желание исполнится не скоро. Дай бог, чтобы вообще исполнилось. От тяжких раздумий меня отвлек громкий голос подруги, предлагавшей немедленно проснуться. Я встрепенулась и уставилась в окно. Мы стояли на обочине, почти рядом с поворотом на дачные участки. Набежавшая непонятно откуда и казавшаяся легкомысленной тучка неожиданно разразилась основательным дождиком. Сердитая Наталья возмущалась тем, что я выбрала слишком неподходящее для сна время.

— К дождю, — автоматически оправдалась я. — Зато теперь нам не надо прятать машину и Диночку. Дачники по домам разбежались. Участкам сто лет в обед, за тесно посаженной растительностью дороги не видно. Въедем к Синицыным прямо на машине, Динка просто пригнется. А там посмотрим по обстоятельствам.

— Правильно! — обрадовалась девчушка. — Надоело валяться. И у меня на джинсах молния окончательно разошлась.

— Одобряю! — после короткой паузы согласилась Наталья.

Динка не сразу поняла, что одобрение относится не к коварной застеечке. Искренне возмущаясь, посоветовала Наталье Николавне самой погулять без штанов. Я попробовала вмешаться, заявив, что делу время, потехе час. В результате подруга окончательно рассердилась. С легкостью развернувшись к нам всем корпусом (чему я невольно позавидовала), чеканя слова, напомнила, кто она такая. Из характеристики следовало, что мы редкостные нахалки и беспринципные особы. Никогда в жизни она не будет развлекать публику гулянием без штанов, даже если эта потеха на час и за немислимо большие деньги. В свою очередь Динка надрывалась, пытаясь выяснить у Натальи Николавны, кто дал ей право считать ее потаскушкой, способной на подобное развлечение. Обе вошли в раж, конца и краю перепалке не предвиделось. Время от времени и я получала по рукам от обеих, потому как пыталась врукопашную прекратить «перестрелку». Докричаться до разума соратниц не удавалось. У них были словесно непробиваемые бронжилеты.

И все-таки я справилась. Зажав ладонями уши, проорала:

— Ложись!!!

Послушалась только Динка. В один момент оказалась внизу в весьма незавидном положении — почти под прямым углом. Тишина показалась оглушительной и, чтобы хоть как-то ее разбавить, я вполне мирно добавила:

— Дождь кончается, план тайного заезда под угрозой срыва.

— Чего? — недоверчиво переспросила втянувшая голову в плечи Наташка, посмотрела по сторонам и развернулась прямо по курсу.

Разъяснений не потребовалось, ибо она сразу озадачилась другим вопросом: куда сунула электронный ключ от ворот Синицыных. Пока подруга рылась в своей сумке, Динка шарила руками по напольным коврикам, а я инспектировала бардачок. Именно в нем брелок и нашелся. Укоризненно попеняв погоде на непослушание синоптиков и мнимую краткосрочность осадков, Наталья покатила к цели. Дождь, восприняв ее упрек как личное оскорбление, разразился с новой силой.

Ворота открылись беспрепятственно. Ключ не понадобился, поскольку автоматика с электроникой не работали. Въезжая на участок, Наталья не выдержала и с издевкой, но вроде как в никуда, заметила:

— Полный идиотизм! Как только Гельке в голову пришло установить автоматическую заборную систему для охраны древней рассыпающейся халупы и курятника, именуемого баней. Навороченная система «затворничества» не иначе как со стыда сгорела.

Динка промолчала, и я догадывалась, почему. Вскарабкавшись на сиденье, она тихо попросила меня показать место, где я наткнулась на цапку, и быстро выскочила из машины. Я немного замешкалась, уж очень не хотелось торчать под дождем. Нахохлившаяся Наташка демонстративно осталась на месте, барабаня пальцами по рулю. Ждала особого приглашения.

— Выметайся! — приветливо предложила ей я и подала пример. Не очень удачный. Поросшая кое-где мелкой травой мокрая земля, больше похожая на глину, оказалась слишком скользкой для моей обуви. Поругивая на лету свою невнимательность, благодаря которой едва не обломала лбом засохшую ветку яблони, я чудесным образом притормозила рядом с облезлым пугалом. Та к и замерла в обнимку с ним. Впрочем, не уверена, кто из нас выглядел лучше, но вместе мы смотрелись восхитительно.

Моя короткая «поездка» на ногах с дикими выкрутасами в целях сохранения равновесия имела колоссальный успех. Противоборствующие стороны разом примирились и, стоя в обнимку, пытались сдерживать гомерический хохот. Богини из них никакие, а такого рода смех был присущ только божественным обитателям древнего Олимпа. Не я — Гомер это придумал. В «Илиаде» и «Одиссее». Его именем громopodobный смех и называли.

Место, где обнаружила «лапу Чеширского кота», я нашла сразу, но из упрямства заявила, что запамятовала. Может, вспомню на обратном пути, как-никак другой ракурс. А пока желательно проверить баньку. В старую хибару, обитую вагонкой с облупившейся зеленой краской, точно не пойду. После баньки решим, к кому из соседей наведаться за информацией.

Выпалив все скороговоркой, я даже не взглянула на попутчиц. Была охота смотреть, как Наташка с девицей продолжают трястись от хохота. Причем одна другую попеременно подзаряжают. Фыркнув от негодования,

я скинула скользящие туфли и отправилась к баньке босиком. Несмотря на это, ноги опасно разъезжались. Ну весь участок в глине! Соратницы опомнились и двинулись следом. Точно таким же «макаром», что несколько примирило меня с их обидным смехом. Правда, смеялись они уже над собой. Я была выше этого — благополучно достигнув верхней ступеньки крыльца, с легкой улыбкой наблюдала, как под проливным дождем, цепляясь друг за друга, они то и дело подскользываются и шлепаются в грязь.

— Гелька с тетей-Катей умные! — объявила Наташка, цепляясь руками за перила лестницы. — Только самоубийца может проживать на таком участке. Легче добраться вплавь до другого берега водоема.

— Ты не умеешь плавать, — напомнила я подруге.

— Уже научилась. Прямо по грязи. Как видишь, не утонула. Больше никуда плыть не собираюсь. Дина, желательно не хватать меня за свитер, растянется отсюда до завтра и прощай почти новая шмотка. Давай руку. Сейчас мы обретем твердую почву под ногами. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. На Ирину Санну надеяться нечего. У нее слишком высокое положение, не стоит ей спускаться с верхней ступеньки. Да и тащить ее обратно не хочется.

Я еще раз фыркнула и вошла в баньку. Чувство тревоги заставило замереть на месте. Пожалуй, это было на уровне интуиции. Никаких посторонних звуков, запахов или того хуже — присутствия живых людей... Ничего.

Наталья с Динкой ввалились следом. Динка громко позвала маму, затем бабулю. Ответом была тишина, нарушаемая только шумом дождя.

— Здесь есть кухня, — напомнила Динке Наталья. — Надо согреть воды и привести себя в порядок. Не могу же я заявиться к соседке в таком виде.

— Пока доберешься до машины, опять изваляешься в грязи, — предсказала я. — Вы сейчас похожи на куриную грудку в кляре.

— Замечательно! — ласково улыбнулась подруга. — В таком случае курьером будешь ты. И помолчи. Я не могу пререкаться с тобой, у меня тяжелая весовая категория. Все твои возражения массой задавлю. Ба-а-а... А что это с нашим ребенком?

Забившись в уголок, Динка бесшумно плакала. Слезы проложили две светлые дорожки на замурзанных щеках. Переход от бывшего веселья до теперешнего состояния был столь стремителен, что Наталья откровенно поразилась. Открыла рот для каких-то высказываний, да так и притормозила.

— Бедный зайчонок, — прошептала я. — Ты надеялась застать здесь маму и бабушку. Но это же хорошо, что их нет. Считай, что одно место из общего списка тайников мы исключили.

— А мы сейчас на всякий случай облазим все помещения, — ожила Наташка. — Искать так искать! Кто ищет, тот всегда найдет... Нет, продолжения не будет, займемся делом.

Динка слабо улыбнулась и кивнула.

Проверку начали со второго этажа, бездумно интересуясь друг у друга, нет ли каких изменений с прежних времен. Молчать было тягостно, а говорить нечего.

Народная мудрость, высказанная Натальей, и на сей раз не утратила своей актуальности. Правда, то, что мы обнаружили в кухне, не могло присниться и в плохом сне. С другой стороны, если вдуматься, пословица не уточняла, что именно найдет искатель. А как повезет. Вот так приключилось и с нами. Первой переступила порог кухни я и по праву первооткрывателя двери сразу увидела лежащее на полу у окна безжизненное тело женщины. Верхняя половина тела с широко раскинутыми руками и скрюченными пальцами лежала лицом вверх. Другая была вывернута на бок. Запрокинутое вверх синюшное лицо было жутким. Эту жуть придавали ему не полностью закрытые глаза и приоткрытый рот с видневшимися крупными передними зубами. Казалось, она готова вцепиться ими в каждого, кто осмелится подойти ближе. Мало того, с головы покойницы частично слетел скальп. Полуотвалившиеся лохмы залихватски нахлобучились на лоб. А самым ужасным было то, что кто-то возложил рядом с ней большой букет белых хризантем в целлофане. Они, казалось, нисколько не утратили свежести.

Сделав по инерции несколько шагов вперед, я невольно попятилась, мельком обрадовавшись, что не впала в ступор. Очень сильно было желание закрыть дверь. Я человек ответственный, не хотела, чтобы Динка увидела родную маму в таком виде. Не знаю, как выглядела Ангелина при жизни, но девушка определенно пошла не в нее. «Дитя пробирки» удалась в пробирку, вернее, в ее содержимое. Стало понятно, почему Гелька избрала именно такой способ обзавестись ребенком, и совершенно непонятно, почему Наталья считала ее красивой бабой. Из чувства противоречия самой себе?

Закрывать дверь перед Наташкиным носом мне не удалось. Вечно она сует его, куда не надо. Да еще с ехидной песенкой: «Три шага налево, три шага направо, шаг вперед и два назад!» Бесцеремонно оттеснив меня в сторону — на «три шага налево», она всмотрелась в покойницу и не своим

голосом сказала: «Мама!» Именно сказала, а не проорала, я ошиблась в своем предположении. Зато громко заверещала Динка, нырнувшая Наташке, пытавшейся изобразить шлагбаум, под руку и вынырнувшая прямо на меня. Я успела сделать «три шага направо», но удержать натиск девчушки не смогла. Наталья рванулась за ней, и обе они как вкопанные встали у тела женщины.

— Шаг вперед, — дала я себе установку, но ошиблась направлением. Сбило с толку обоюдное восклицание соратниц.

— Это не мама... — безрадостно исполнили они дуэтом. Просто констатировали факт, еще не осознав благосклонность судьбы.

— Какое счастье! Это просто фрау Райнхильда, — трагическим шепотом возвестила Динка. — А что она здесь делает?

— Лежит, наверное, — подсказала я, решив подойти ближе, но с ограничением: не вылезать на передний план. — Где уложили, там и слегла.

— Прямой рейс «Вена — Баня 54–55»? — хлопая ресницами, внесла свою лепту Наталья. Вытянув шею, она пыталась разглядеть наличие кровавых следов. — Тощая какая... И малокровная. Ни одной капельки не проронила. Разве только под телом. Иностранцы все такие. Слишком расчетливые. Так. Близо не подходим, ничего не трогаем.

— Бедняжка... С нее пытались снять скальп, — подсказала я, — а это чревато обильным кровотечением.

— Это не скальп, а парик, — пояснила Динка, прижимаясь к Наташке. — У фраулихи очень короткая стрижка — под мальчика, ей не очень идет... шла...

— Ирка, держи меня!!! — в полную мощь прорезался у подруги голос. — Милый ребенок задумал упасть в обморок, я его не удержу, ей-богу уроню на фрау.

Я мигом подсуежилась и приняла Динку на себя. Вместе с ней и припечаталась к стенке.

— Уф-ф-ф... — с облегчением трянула руками Наташка. — Вот так и стойте. Фрау, возможно, все равно, зато мне — нет. Не хочу видеть ее в страшных снах. Господи, как бы рядышком не залечь. Ей одной на полу свободнее. Ир, похоже, крови вообще нет. Странгуляционной борозды тоже. Надо же, какой у нее красивый кулон. Кажется, изумруд. М-да... Следовательно, ее не удушили и не ограбили. Может, фрау угостили цианистым калием? Да те же щедрые ребята, которые преследовали нас на «катафалке»! Может, и не они, а те, вчерашние водоплавающие. Вчера мы с тобой в этот закуток не заглядывали.

Я усадила трясущуюся Динку в угол. По крайней мере опора с двух

сторон, надежней, чем мои руки. А мне не давал покоя парик, и я решила посмотреть на него поближе. В голове роились какие-то смутные догадки. Жаль, что парик нахлобучился только на половину головы фрау, а не закрыл ее полностью. Совершенно не хотелось лицезреть синее лицо. И тут меня осенило: если приблизиться к трупу вместе с Наташкой, будет не так жутко. Надо только остановить ее хождение кругами вокруг фрау на почтительном от ее тела расстоянии.

— Следует убедиться, что женщина и в самом деле мертва. — Я постаралась быть убедительной. — Для очистки совести.

— А я что делаю? — беззлобно огрызнулась Наташка. — Хожу вот и убеждаюсь, убеждаюсь...

— Ты же медик, в глаза бы ей посмотрела. Если зрачки расширены...

— Ир, не учи ученую... немного, недоученную. Сама посмотри. А вдруг она вскочит и ка-ак...

— ...спросит: «Который час?» Та к мы ей ответим. Что касается продолжительности ее спячки, то это может определить только патологоанатом. Если тебе страшно, я постою рядом.

— Спасибо, — растрогалась подруга. — Ясное дело, тебе не менее страшно. Я тоже постою рядом.

Пока Наталья, согнувшись пополам и держась за меня руками, разглядывала лицо фрау, я мыском туплю пыталась поправить на ее голове парик, чувствуя себя при этом далеко не лучшим образом. Своего рода кощунство поступать так с недавно живым человеком. Разбудив совесть и граничащее с ней чувство жалости, я все же заставила себя внимательно приглядеться к покойнице. В принципе, ничего страшного. Главное, глаза хоть и не совсем, но закрыты. Черты лица резкие, но правильные. Помнится, знакомый стоматолог, большой мастер «заговаривать зубы» в процессе их лечения, уверял, что расстояние от подбородка до носа должно соответствовать расстоянию от кончика носа до переносицы. Третья равная каждой из них часть — расстояние от переносицы до точки начала роста волос на лбу. У Райнхильды, на мой взгляд, эти пропорции были в норме, только синева ей совсем не шла. Впрочем, фрау теперь все равно.

Забыв про вцепившуюся в меня Наташку, я шагнула вперед, намереваясь сбоку всмотреться в лицо женщины. Подруга издала какой-то непонятный звук, и мы обе едва не присели. Наше поведение окончательно привело в чувство Динку, в свою очередь она взвыла. Наташка взвыла следом, но так, что я едва не оглохла. Фрау Райнхильда тоже не осталась безучастной. Веки медленно открылись, мертвые губы сомкнулись почти до конца. Мне показалось, что она улыбается...

До машины мы долетели в наикратчайший срок, а главное, без падений. Лидировала Динка, за ней неслась я, замыкала цепочку Наташка, заверявшая на бегу, что ни в коем случае нас не бросит. Пока она с нами, бояться нам нечего.

Щедро поливаемые «краткосрочными осадками», сменившими калибр на более мелкий, мы ввалились в машину и без промедления покинули участок. На выезде из садового товарищества Наташка опять дала маху — рванула в другую сторону. По привычке решила спрятаться на лесной поляне. С трудом удалось упротить ее развернуться. До поляны все равно не добраться, лесную дорогу наверняка развезло. И на сей раз спрятаться нам не от кого. А фрау, и в самом деле, мертва. Мертвее не бывает. Тот факт, что она сама закрыла рот обоснован. Появилась надежда быть похороненной по всем правилам. Покойнице хотелось выглядеть прилично.

Наташка восприняла мое выступление адекватно. Просто стучала зубами. Игнорируя зеркало бокового вида, постоянно оглядывалась назад и пыталась читать молитву. Не уверена, что Господь ее понял, но мы все равно надеялись на его защиту. Зато с Динкой я намучилась. Она упорно пыталась заползти между мной и спинкой сиденья, как в норку. Не единожды я сваливалась вниз и всерьез подумывала там и остаться. Как бы не так! Оставшись без прикрытия, девица хватала меня за что придется, пыталась притянуть к себе, сделав из меня хотя бы ширму. В первую очередь Динке попадались мои волосы. Вместе с возмущением во мне росла уверенность, что к концу пути я обязательно облысею. Пришлось с визгом лупить ее по рукам. Девица оказалась с понятием и оставила волосы в покое, а вместо них принялась терзать воротник моей ветровки. Нависла реальная угроза удушения и зачем, спрашивается, тогда мне волосы? Пора было прекращать это безобразие, и я потребовала внеплановой остановки. Только момент выбрала не подходящий. Наташка прибавила газу, и мы, игнорируя знак об ограничении скорости, пульей промчались мимо поворота в злополучное товарищество.

Именно тут меня и осенила очередная догадка. Небольшой провал в памяти ликвидирован. Машинально расстегнув на ветровке молнию, я позволила Динке с меня ее стащить. Устроившись на сиденье, я буквально замуровала девицу в состоянии недвижимости. Не прошло и минуты, как она пришла в себя и попыталась от меня отделаться. И только я решила обеспечить себе неприкосновенность, выдавив из Динки клятву впредь сидеть смирно, как Наташка резко притормозила, очередной раз напугав девочку. Я опять съехала на край сиденья. И невольно вспомнила о Наташкиной боксерихе, которой уподобилась. Благодаря нервной системе

подруги, оказывающей влияние на тормозную систему машины, бедная псина не единожды ныряла вниз, но (золотой характер!) никогда не обижалась.

— Остановка по требованию, — объявила подруга. — В лес не повезу, здесь кустов навалом, только особо не задерживайтесь, одной страшно. Жаль, что в легковушках подобного класса нет встроенных биотуалетов.

— Я больше никогда не поеду на дачу, — тоскливо выводила Динка каждый раз, когда мы пытались до нее «достучаться». Это серьезно беспокоило. Детская и юношеская психика так неустойчивы. Я корила себя за то, что взяли Динку в поездку, Наташка корила меня за то же самое, плюс за саму поездку вообще. И если в первом случае я выглядела редкостной душой, то во втором — самой умной из троицы. А потому мне следовало отговорить Наталью и девочку от этой опасной аферы.

— Вот еду я по свободной дороге, без «хвоста», а перед глазами лежащая фрау Рая. Да ладно бы одна. За ней трое утопленников стоят, хорошо хоть лиц их не видели, — всхлипывая, жаловалась Наташка. — И под левой лопаткой у меня болит, сердце ноет.

— Это фантомные боли, — попробовала я успокоить подругу. — Люди с ампутированными конечностями продолжают ощущать в них физическую боль. У тебя тоже боль фантомная, только душевная. Без вины виноватая душа мается.

— Я больше никогда не поеду на свою дачу! — строго напомнила о себе Динка.

— И правильно, — начиная злиться, согласилась я. — Нечего тебе там делать. Не дача, а проходной двор. Твоя задача — стеречь бабушкин алмазный фонд. Господи, хоть какой бы населенный пункт попался с телефоном-автоматом. Надо о трупе в полицию сообщить. Вдруг он и вправду живой.

— О чем ты говоришь? — отвлеклась от своей темы Наташка. — Какой таксофон? Сейчас у всех мобильники. Но информировать органы стоит.

— Я больше никогда... — затянула было старую «песню» Динка и неожиданно окунулась в реальность. — Не надо полицию, я же вам говорила, там все свои, в смысле свои, но не наши, хотя вроде как наши. Вдруг маме и бабуле хуже будет?

— Хуже будет нам! — отрезала я, окончательно теряя терпение. — Пойми ты, глупенькая, фрау Райнхильда — гражданка другой страны, и она мертва... Если, конечно, не жива... чуть жива. Международный скандал! Ее труп и вечная о ней память поселились у вас в бане. Мы же, как могли, отметились многочисленными следами в этой постройке. Вчера нас на территорию вашего надела все ближайшие соседи провожали. А мокрая

глина с нашими сегодняшними отпечатками — самое оно для оперативной бригады. Я очень надеюсь, что дачники не додумались запомнить номера «Шкоды». Если нас вычислят, по крайней мере, будет одно смягчающее обстоятельство: мы сами сообщили о покойнице в полицию. Между прочим, Наталья Николавна, к вам обращаюсь! Зря вы вчера не наведались на кухню. Фрау могла быть еще живее. Значит так! На всякий случай слушайте и запоминайте: во время вчерашнего наезда на чертову Гелькину дачу мы имели «счастье» видеть фрау Райнхильду очень даже живой и здоровой! И расстались с ней вполне мирно. А что нам с ней делить?

— Да? — мягко переспросила Наташка, и я ошибочно расценила эту мягкость как короткое вступление к мощному взрыву отрицательных эмоций.

Мгновенно пожалев о своей горячности (не время и не место!), я во избежание травматизма кувыркнула Динку на сиденье, припечатавшись сверху. Девушка даже не пискнула — не успела. Может, привыкла?

— Сбрендили, — миролюбиво подытожила подруга. — Девушки, нам надо быть терпимей друг к другу. Вполне понятно — все на нервах. Иришка, вот приедем, смоем все следы и ты как следует выпишься. А я с тобой рядышком посижу. Дина, не бойся, все нормально. У Ирины Санны тоже фантомные душевные боли. У меня свои глюки, у Ирины свои. Это лечится, со временем пройдет. Лично я уже перед собой ничего не вижу. Сейчас заедем в магазин и ты выберешь все, чего хочется. Нам всем. Жизнь продолжается.

Я медленно выпрямилась, подняла обалдевшую Динку и немного поерзала, устраиваясь удобнее. Не стоило лезть на рожон и отстаивать свою полную вменяемость. Вполне возможно, что вчера именно фрау с недопустимой скоростью неслась на машине нам навстречу. Память четко зафиксировала «стог» волос на ее голове, как выяснилось недавно, искусственных, бледное лицо и сосредоточенный взгляд вперед. Вот только цвет парика был не таким, как сегодня. А может, он у нее не один. Куда фрау несло? Ах, да... В конечном итоге на тот свет. Сама ли она вернулась на Гелькин участок или ее привезли? Жаль, что вчера мы не заглянули в помещение, ставшее ее последним пристанищем. И почему она не улетела в свою Австрию? Помешали? Или намеренно отказалась от полета, решив предупредить Тукана о грозящей опасности? Тогда с какой стати искать его на Гелькином садовом участке?

Машина основательно подпрыгнула, что отвлекло меня от всех мыслей вообще.

— На «лежачего полицейского» наехала, — доложила Наташка. — Та

к ему и надо. Пусть не нарывается. Еще один поворот, и мы у супермаркета. Иришка, ты посидишь в машине. Хвоста за нами не было, но все равно оставлять ее без присмотра нельзя. Тпру-у-у, приехали. Так! Кошелек взяла, пакет... Пакет в магазине куплю. Дина, готовься к высадке. Ириша, ключи оставляю здесь, на сиденье, если что, ори.

— А что орать-то?

— Ир, приди в себя. Да что угодно ори, хоть таблицу умножения. Лишь бы громко. А я между делом попробую изыскать возможность сообщить о покойной фрау в полицию.

Соратницы выбрались из машины и встали как вкопанные, с изумлением «любуются» друг на друга. На каждой сплошное «ковровое» покрытие грязью, украшенное проблесками одежды через менее интенсивный слой. «Красота» необыкновенная. Я была вынуждена признать: в данный момент Динка выглядит более экзотично, нежели минувшей ночью. Наташка беспомощно оглянулась на меня и попросила подтвердить, что в таком состоянии она вела машину и не спровоцировала ни одного ДТП. Я подтвердила. Но есть шанс отличиться в универсаме. Скорее всего, их с Динкой не пропустят в торговый зал. Прекрасный повод для скандала. А если пустят, то в кассу они пройдут без очереди. Лишь бы кассирша обладала крепкой нервной системой.

Вместо того чтобы расстроиться, Наташка обрела решимость.

— Ну хватит фантазий! Думаешь, ты у нас чистенькая? С «фасада» еще ничего, а вот спина... Динка с тобой щедро поделилась. Да тебя саму ни одно домашнее животное не узнает. Кроме Ефимова. Он уже по привычке к твоему обличью за время совместной жизни, никаких изменений не заметит. Как и мой суженый. Теперь они больше смотрят на себя и содержимое тарелки. Блин, прямо хоть на автомойку заезжай. Только где потом сушиться? Так, так, та-ак...

Наташка устала на асфальт и с силой взъерошила волосы. Загляни она в таком усовершенствованном виде в магазин, не только кассирша, весь персонал, включая охрану, поляжет. Хорошо, что сама себя не видела. Точно бы снизила самооценку. А это рождает неуверенность в своих силах.

— Ну что вы на меня уставились? Динка, живо в машину, видишь, мы привлекаем к себе внимание, — активизировалась подруга, — На фиг нам универсам? Как-нибудь доберемся до дачи, по пути есть отличный деревенский магазинчик. Там нас знают как облупленных. Имеется в виду, очищенных от грязи, незапятнанных значит. Некоторые представители местного населения иной раз туда и в худшем виде заползают. Ир, будешь нашей посланницей. Только постарайся втиснуться в туфли. Босиком не

ходи, нам будет стыдно за тебя. Бедная фрау Рая! Куда только смотрит полиция! Скорее всего, оглядывается на свое недавнее прошлое — милицейское. Сама с себя берет пример. Блин, дождик не ко времени кончился, сейчас бы и ополоснулись...

Наташка трещала не хуже приснопамятной сороки — явный признак отчаянной нервозности. Кому-кому, а уж мне-то это хорошо известно. Лепит в кучу все подряд и озвучивает. А в голове тем временем зреет какое-либо решение.

Мы с Динкой давно уже сидели в машине, причем я живенько перебралась вперед. Мало ли что. Девушка, если и надумает спрятаться за мою спину, в любом случае под креслом не пролезет. А верхом ей Наташка не разрешит. Нет альпинистского снаряжения.

Несколько раз я приглашала подругу в салон, но она так разговорилась сама с собой, что ей было не до нас. И не до любопытных зевак с тележками, набитыми покупками. А дальше удивила еще больше. Активно размахивая руками, направилась напрямик к складскому помещению магазина, где разгружалась машина с молочными продуктами. Я было решила бежать за ней, но вовремя опомнилась. Наталья наверняка двинулась к администрации — звонить по поводу безвыходного положения фрау Райнхильды. Экспромт — ее конек. Мое внеплановое присутствие рядышком с подружкой может все испортить. Установить номер телефона, с которого звонили в полицию, — пара пустяков. А у работников магазина останутся незабываемые впечатления, очень полезные для составления фотороботов. Налет грязи — универсальный «грим», очень удачная маскировка. Лучше нам вместе не светиться. Да и одной Наташке в случае чего психиатрическую помощь не вызовут. Много чести. Выставят силами охраны на улицу и дело с концом. А вот для двоих «адинакавах с лица»...

Казалось, время застыло на месте. Вместе с ним застыла и я, напряженно вглядываясь в сторону складских ворот. Машина с изображением распрекрасной кокетки коровы и логотипом фирмы давно уже уехала, и я, нетерпеливо дергалась, все больше склоняясь к тому, чтобы бежать Наталье на выручку.

— Теть Ира-а-а... — жалобно проблеяла Динка.

— Все нормально, Диночка, Наталья знает, что делает, — глухо проронила я, в душе совершенно не веря своим словам.

— Вы не туда смотрите. Взгляните на выход из магазина. Там Наталья Николавна дерется, У какого-то парня затаренные пакеты из тележки отбирает и на нас оглядывается. Может, просит помочь? Похоже, это ограбление.

Я немедленно сменила «точку зрения». Боюсь, видок у меня был основательно дебильный. Подруга радикально преобразилась. Ушла в магазин Золушкой, а вышла... Вышла подсобной работницей универсама. Облаченная в спецовку рабочих магазина Наташка и в самом деле пыталась выхватить из тележки два полных пакета, а одетый в такую же форму мужчина, похожий на мальчонку, ей мешал, за что и подвергался насилию — Наталья его отпихивала. Будучи ниже ее на голову, да и весом поменьше, он неуклонно отступал назад. Вместе с тележкой и пакетами. Оба активно что-то лопотали. При этом подруга ухитрялась бросать тревожные взгляды в нашу сторону. Еще пара минут, и они вломятся в открытые двери универсама.

В отличие от Динки, я быстро опомнилась и все поняла правильно. Наташке удалось не только сообщить о фрау, но и отовариться. Неужели представилась женой руководителя налоговой службы? Вне сомнения, ей не хотелось продемонстрировать провожатому (постороннему человеку) марку и номера своей машины. Ну и, само собой, нас. Стремительно выскочив, я перебежала на водительское место, похвалив себя за то, что не села на ключи. Мой водительский стаж после получения прав составляет пару часов. За это время я сумела виртуозно уйти от преследования профессионала^[1]. Чего с перепугу не сделаешь. Вот и сейчас машина завелась безропотно. Бубня себе под нос порядок действий, я включила зажигание и выжала сцепление. Потихоньку его отпуская, вдавила правую ногу в педаль скорости. Машина сноровисто взбрыкнула и заглохла. Пришлось повторить комбинацию движений, уговаривая себя не психовать, а машину — не маяться дурью. Пару скачков «Шкода» все-таки сделала, но смирилась. На первой скорости я покатила на выезд с парковочной площадки. Тем временем у Наташки, имевшей возможность исподтишка полюбоваться, как гробят ее иномарку, открылось второе дыхание. Она окончательно отвоевала свое право на переноску тяжестей. Чуть больше усилия с ее стороны, и мужчина улетел в помещение магазина. С двумя пакетами наперевес и истошным криком «Такси!!!» подруга понеслась за темно-синим «Жигуленком», выезжавшим следом за «Шкодой» и пока еще находившимся в зоне доступа возможных кинокамер.

Водитель оказался джентльменом, а может, просто решил подзаработать. Остановившись, наклонился вправо и приоткрыл дверь, пытаясь выяснить, куда несет странную женщину. Наташка с пакетами загрузилась на переднее сидение в тот момент, когда я выгрузилась из «Шкоды» и, разинув рот, в десятке метров от нее слушала ответную речь подруги:

— Вот спасибо, молодой человек, вам все равно по пути, я знаю. Мне тут совсем рядышком, буквально, рукой подать. Вам, дама, вообще не стоит беспокоиться, — крикнула она мне, — моя проблема перевозки решена.

Переключиться на вторую скорость водитель не успел, его остановила Наташкина команда «Стоп!»

— Еще раз спасибо, я уже приехала. Вернее, за мной приехали. Или выехали? Не помню. Сколько я вам должна за пять метров?

Бедный джентльмен выдал нечто неджентльменское, из чего я сделала заключение: проходит второй вариант. Он обыкновенный человек, решивший подзаработать.

«Жигули» давно скрылись из вида, а Наташка, пристроив один из пакетов к ноге, все еще махала ему вслед рукой. Мы с Динкой нетерпеливо наблюдали за ней из машины, коротая время за предположениями о содержании пакетов. В итоге чувство голода затмило все другие чувства. Динка открыла дверь, собираясь загрузить хотя бы один из них. Глухой звук открываемой двери заставил Наташку оглянуться.

— И тебе спасибо, — удовлетворенно промурлыкала она. — Держи! — Подруга сунула на колени Динке оба пакета. — Пристрой в ноги, только осторожно. Где-то там кошелек. И есть угроза протечки. Грязную одежду не вынимай, она в отдельном пакетике. Видели бессребреника? — кивнула она в сторону скрывшихся «Жигулей». Ни за что бы за такого замуж не вышла.

Вцепившись в пакеты, Динка сноровисто обеспечивала раздел покупок на съедобное и несъедобное. А во мне зрела уверенность, что стиральный порошок и кошелек, пусть даже из натуральной кожи, я ни в коем случае есть не буду. Тем более что этот кошелек в свое время сама подарила Наталье.

— О как! — воскликнула подруга, заняв свое законное место.

Я отметила исходящее от нее благоухание. Вне сомнения, душ приняла. Сервис!

— Ну ничего нельзя поручить! Зачем ты «разложил товар, купец»? Ведь специально предупредила, что может быть протечка.

— Так я вытащила ваш кошелек, он совсем не протек. Это что, жареная курица?! Мама лучше делает.

По салону поплыл восхитительный аромат, сразу перебивший Наташкино благоухание. От него у меня голова кругом не шла.

— При чем тут мой кошелек? — надрывалась подруга. — Утечка из него закономерна и посторонних лиц не касается. За своими следите. Дай

его сюда. — Наташка требовательно протянула за кошельком руку. — Мама дорогая! Осторожней с курицей! Вот она-то как раз и протекает! Блин, ну говорю же, ничего поручить нельзя!

— А Динка слушает да ест! — не обращая внимания на требование Натальи Николавны, хоть и не очень внятно, но радостно возвестила девица.

— Не расстраивайся, она потом твой кошелек оближет. На десерт, — прыснула я. — Считай, что курица условно-досрочно освободила пакет от лишней тяжести. Жалко, конечно...

— Не о чем жалеть, — все еще хмурясь, отрезала подруга. — Я две купила.

Всю дорогу Наталья обиженно молчала, а я делала вид, что мне не интересны ее приключения в универсаме. Динка пыталась разговаривать с водителем, даже предлагала остатки курицы, но Наташка даже не поблагодарила за предложение. Глядя на меня, девица смирилась. Правда, всеобщее молчание уложилось всего в полчаса. Мы приехали.

У ворот Натальино участка ее караулила Поленова — подслеповатая владелица самого крайнего участка. Прошлым летом купила его у Букатиных, в свою очередь отхвативших особнячок где-то в районе Чехии. Почему-то дачники никогда не называли Поленову по имени и откровенно недолюбливали. Мы с Натальей вообще не знали, как ее зовут.

— Наконец-то! Пятый раз прибегаю. Ты мне обещала декоративную землянику, так я ее минувшей ночью украла. По-другому нельзя — не приживется. Но, как человек порядочный...

— Явка с повинной, — подытожила я, всерьез опасаясь длинных речей. Поленова этим славилась. — Наталья, у нас времени в обрез.

— Я, собственно, по делу, — заторопилась гостя. — Чаю даже не предлагай, тороплюсь. Кстати, знаешь, какой чай самый полезный?

— Так по какому делу вы заглянули? — выжимая из себя дружелюбие, вернула разговор в деловое русло Наталья.

— Да-да. Извините. — перешла на «вы» Поленова. — Прошу разрешения на повторную кражу. — Она замялась. — Беда в том, что в темноте положила кустики в тазик с водичкой. Ну чтобы они, значит, не загнулись. Утром проспала, а потом, решила высадить их к вечеру. Но они уже загнулись...

— Всю воду выпили и засохли, — подсказала я, решив ускорить развязку трагедии.

— Нет. То-есть да. Но воду не выпили. Я их, как оказалось, нечаянно корнями вверх пристроила. Говорю же, темно было.

Поленова расстроено потирала руки и никак не могла понять внезапной вспышки нашего веселья. А мы просто расслабились. Никому не давал покоя запеленгованный Динкой ночной визит человека с лопатой. Ну не вписывался он в общую картину наших злоключений. То ли псих одиночка, то ли наемный киллер, маскирующийся под дачника. И зачем ему маскировка ночью? Надо же! Такое простое объяснение.

— Так это вы ночью у меня с лопатой шастали?! — хохотала Наташка,

а мы-то думали...

— Значит, вы за мной следили, — окончательно расстроилась Поленова. — Вот вам и объяснение гибели рассады. Кража как таковая не удалась. Кстати, лопата мне не понадобилась.

— Ясен месяц.

Наташкины плечи продолжали трястись от смеха, говорила она с трудом. Каждое слово сопровождалось небольшой паузой.

— Отбиваться-то лопатой было не от кого.

— Я предлагаю беспроегрешный вариант, — мне удалось подавить собственный смех. Испугалась. Еще пара минут и он станет истерическим. — Вы «забудете» у Натальи свой тазик с водой, — тоном заговорщицы подсказала я, — Наталья поместит в него свежие усики, вроде как для себя, а вы их прямо с тазиком и украдете. В любое удобное для вас время. Нас, скорее всего, не будет дома.

Поленова сосредоточилась на бутонах тюльпанов, обдумывая мое предложение. Я дернула Наталью за спецовочную блузу, и подруга, сразу посерьезнев, доложила, что ей надо на работу — первый день как устроилась. В ночную смену.

— Во! — потрясла она себя за грудки. — Сразу спецодежду выдали. Ирина Санна со мной уедет.

— Тогда не буду вас задерживать, — засуетилась Поленова, топчась на одном месте и беспокойно оглядываясь по сторонам. — Тазик прямо здесь, у входа оставлю. Ой, какая здоровущая собака у вас на заднем сиденье разлеглась.

— Это не просто собака, это друг человека, только очень голодный, — хмуро пояснила Наташка. — Курицу слопала меньше, чем за полминуты. Такой треск стоял! Ириша, открой ворота, пока она не выбила дверь.

— Зачем же вам такой друг? — потихоньку отступая, попеняла ей Поленова.

— А псина не спрашивала у нас согласия. Приблудная. Выгнать боимся, голодная же. У вас, случайно, нет жареной курицы?

Можно было и не спрашивать. Поленова уже сверкала пятками в значительном от нас удалении. Неужели шуток не понимает? Тем более дурацких. Я попыталась разбудить свою совесть, чтобы она следом разбудила Наташкину, —дохлый номер. Мешало серьезное обстоятельство — мы с подругой были голодны, как завалившаяся на заднем плане «собака — друг человека».

— Надо было поинтересоваться у бабы, не она ли пыталась проникнуть к нам через окно, — посетовала подруга.

— У меня дома земляника не растет, — напомнила я. — На ночь закроем все окна и будем по очереди дежурить.

Наташка дала задний ход, сообщив, что машину поставим в наш гараж. Получится, что она и вправду на работе.

А почему нас «скорее всего, не будет дома»? — с надеждой глядя на Наташку, спросила Динка, снова выползая на сиденье. — Вы что-то придумали?

— Это для отмазки, — любезно пояснила подруга. — Завуалированное «до свиданья» госпоже Поленовой. Разве можно что-то придумать, когда думать нечем? Вот сейчас вы приведете себя в порядок, пообедаем, поужинаем, тогда и решим, что делать дальше...

Наташка с прогнозом погорячилась. Пришлось даже приоткрыть окно в столовой. После обеда, совмещенного с ужином, мы еще больше поглупели. Меня отчаянно тянуло в сон. Подперев голову рукой, я изо всех сил таращила глаза на вазочку с сухариками. Делала вид, что внимательно слушаю Динку, монотонно бубнившую сказ про свою счастливую жизнь в недалеком «еще три дня назад». Мой верный товарищ Наташка лениво придвинула вазочку вплотную ко мне, сонно предложив не стесняться. Ну я и вписалась в нее лбом без всякого стеснения. Не сразу поняла, что все-таки ухитрилась задремать. Всего-то секунды, а ведь какая замечательная картина привиделась. Главное, необычайно красочная и живая. Раннее теплое утро. Табун холеных коней, мирно пасущихся на изумрудной поляне, ласковое ржание кобылиц, почему-то напоминающее хихиканье Наташки. Смешные длинноногие жеребята, переполненные радостью жизни, носятся, взбрыкивают от восторга. Серебряные блики солнца, искрящиеся на траве, чистая вода в деревянных колодах, почему-то отдающая ванилью. Я наклонилась, чтобы зачерпнуть полную пригоршню... Ну, дальше не интересно. Не люблю повторяться.

Потирая ушибленный лоб, я с неудовольствием отметила: реальность куда хуже сонного наваждения. Громкое «ржание» подруги и Динки было весьма обидным. Нет бы посочувствовать.

— Голова гудит? — весело поинтересовалась подруга.

— Вечерний звон, — сухо ответила я. — Вполне нормальное последствие для ненормальной ночи и еще более ненормального дня, проведенных в обществе ненормальных людей.

— Сочувствую, — не осталась в долгу Наташка. — Одна нормальная, считающая всех вокруг себя ненормальными? Похоже на паранойю. Так! Динка, держи салфетку, у тебя смех сквозь слезы прорывается. Это пахнет истерией. Ир, а тебе нечего обижаться на наши положительные

эмоции. Почему бы не похихотать, если есть повод? А он имеется. Просто ты тюкнулась головой в вазу секунд на пять позже того, как я приложилась лбом к столу. Без шума и пыли — предварительно сама себе ладони подстелила. Как видишь, привычка к порядку доведена у меня до автоматизма.

— Порядочная ты наша, — проворчала я, стараясь подавить улыбку. — Когда-нибудь твоя привычка к порядку сослужит тебе, а заодно и нам, плохую службу.

Высказавшись, я и не задумалась, что выступила в роли оракула. А через пару минут мое предсказание совершенно вылетело из головы. Не до того стало. Наташка делилась впечатлениями о посещении универсама с другой, не парадной стороны. Подруга на полном серьезе уверяла, что волею судьбы побывала в социалистическом прошлом. Ничего, ей понравилось...

Наташке повезло. Если грузчики и приемщица товара не обратили на нее внимания, то в коридоре она едва не наткнулась на руководящую даму, одетую в сногшибательный костюм сногшибательной стоимости. У подружки глаз наметан. Стоя к нашей Золушке спиной, дама бряцала связкой ключей, закрывая свой кабинет, и сладкоголосо уговаривала стоящую рядышком и скромную в одежде «Татьяночку Сергеевну» не забывать верных друзей, заходить почаще. Гостья благосклонно благодарила за приглашение и сетовала на дикую загруженность в работе, лишаящую ее свободного времени. Наталью удивило, что при гостье не было хорошо упакованных сумок. С таким доброжелательным отношением к себе и налегке?.. Впрочем, недоумение тут же рассеялось. Командным голосом директриса потребовала от некой Надежды лично проследить за доставкой товара «милейшей Татьяночки Сергеевны» в машину. Посетительница бесстрастно напомнила директрисе Лидуше о предстоящем визите посланницы «самой Антонины Васильевны» (через часок — полтора) и рекомендовала отнестись к ней, как к любимой маме. Провожая посетительницу к выходу через торговый зал, директриса сыпала клятвенными обещаниями лично проследить за формированием заказа «милейшей Антонины Васильевны».

Наташка тут же поменяла «легенду». Бить на жалость директрисы, рассказывая полуправду, не стоило. Работа в сфере торговли закаляет, а Лидуша в ней явно ветеран. Не заметишь, как срастешься с бронежилетом. К моменту возвращения хмурой директрисы подруга приготовилась к роли посланницы от милейшей Антонины Васильевны. Сердитый вопрос руководительницы, что делает в подсобном помещении вывалянная в грязи

покупательница, был с ходу отражен встречным Наташкиным вопросом: где шляется директор, которому положено сидеть на месте? Распустила персонал, никто ничего не знает, работать не хочет, а вот хамить!.. И тут же приказала немедленно доложить о прибытии клиентки от Антонины Васильевны. Еще через минуту Наташка Лиду простила и со слезами на глазах поведала жуткую историю о застрявшей в грязи машине, которую ей пришлось буквально тащить на себе. В результате у нее осталось только одно желание: привести себя в порядок. С морем сочувствия в глазах Лидочка предложила «милейшей Наталье Николаевне» принять душ и переодеться в приличный костюмчик. Наташка от костюмчика отказалась, смекнув, что за него можно и поплатиться. Мошенничество очень похоже на воровство. Только воровство — дело тайное, а мошенничество — захватывающий спектакль, организованный талантливым режиссером-постановщиком да еще с участием зрителей. В результате Наталья снизошла до спецодежды, которую, по словам вроде как огорченной директрисы, «и выкинуть не жалко».

К моменту выхода из душа Наташку ожидали два полных продовольственных пакета и еще один, утрамбованный грязными шмотками она захватила из душевой. Тут же встал вопрос о стоимости товара. Директриса сделала вид, что обиделась, Наташка просто обиделась, благо повод имелся — за подарочный набор уголовная ответственность по той же статье, как и за «приличный костюмчик». Я не стала напоминать о сходной ситуации со мной. Все равно подруга сразу нашла бы десять отличий. А потому спокойно выслушала «страсти» от Натальи. В любой момент могла подкатить настоящая посланница от всемогущей Антонины Васильевны. Наташка вынужденно смирилась с положением узницы совести, решив прекратить сопротивление. В глазах привыкшей к таким сценам директрисы мелькнула издевка, мгновенно сглаженная приветливой улыбкой. Наталья в ответ от всей души разулыбалась, поскольку придумала план коварной мести Лидии. Для начала попросила ее не сопровождать до выхода. Мало ли кто обратит внимание. Не каждый день директор магазина лично провожает подсобную рабочую в спецодежде с товаром прямо к машине. Лида поспешно согласилась и, вызвав какую-то Надю, поручила ей лично проследить за достойными проводами «милой Натальи Николаевны» из магазина.

— Не люблю подхалимства! — пресекла подруга усилия приветливой Надежды, как только она вывезла тележку в торговый зал.

Женщина не растерялась, понятиливо кивнула. Покупатель из подсобки воистину всегда прав. Далее тележку покатила временный эмигрант из

солнечного Таджикистана. Ему больше всех и досталось. Прямо у выхода Наталья торопливо переворошила пакеты, прикинула примерную стоимость продуктов, порадовалась выполнению спецзаказа на две жареные курицы и огорчилась, обнаружив конвертик с пяти тысячными купюрами. Ничтоже сумняшеся, сунула в него собственные пять банкнот по тысяче (а чтобы не путались с пяти тысячными) и передала таджику с наказом вручить директору Лиде лично в руки. И пусть курьер не вздумает присвоить хоть один рубль — позвонит и проверит. В случае недостачи он мигом лишится экономического убежища в России. Наталью немного смутила явно завышенная ею сумма покупок, но так и быть: пусть директрисе будет хуже. Кроме того, до дна пакета Динка так и не добралась — торопилась разделаться с жареной курицей.

Все бы ничего, но загорелый от природы паренек никак не мог понять, почему его лишили возможности погрузить пакеты в багажник машины клиентки. Боялся увольнения за невыполнение приказа директора. Ну не могла же Наталья допустить засвечивания номеров «Шкоды». И не допустила. Благодаря моей исключительной догадливости, с которой, честно говоря, можно было бы и поторопиться.

Душевные муки по поводу бездарно утраченных тысячных купюр начались у подружки сразу после того, как она заняла в машине свое место рулевого. Именно ими объяснялось ее убийственное настроение. В иных обстоятельствах ни за что не стала бы тратиться на семужку, осетрину горячего копчения, икру и прочие деликатно навязанные ей деликатесы. Утешало одно: выражение лица директрисы при получении назад приснопамятного конверта. Ему по всем правилам надлежало быть более идиотским, чем у самой Наташки, мельком взглянувшей на себя в зеркало.

Волна морального удовлетворения нахлынула на нее после плотного ужина, смыв все страсти по выброшенным на ветер деньгам. Рационалистка нашла способ примириться с потерей. Взяла да разделила общую сумму на троих: себя, меня и Гельку, юным представителем которой является Динка. Я сразу поняла, что теперь подружка удесятрит усилия по поиску Ангелины. Все деликатесы, кроме баночек икры, она пихнула в заморозку, пообещав украсить ими праздничный Гелькин стол. Предполагалось, что Гелька сервирует его в нашу честь после благополучного возвращения из плена. Вместе с тетей Катей, разумеется.

Динка оглушительно чихнула, заставив обратить на себя внимание. Наше «Будь здорова!» девица отметила очередным «Ап-чхи!» Наташка не преминула порадоваться своевременности чихов. Убедительное подтверждение ее словам о предстоящем банкете. И зачем-то добавила:

«Устами младенца глаголет истина». Я было решила внести уточнения, но остановил ее предупредительный жест — стоп сигнал поднятой вверх чайной ложкой. Ну прямо инспектор ГИБДД. По старой укоренившейся привычке подруга загрузила ложку крошками и увлеченно возила по столу — собиралась воедино с мыслями. Не знаю, как ей удалось набрать полную, а вот высыпалась она легко.

— Не надо! — громко и твердо заявила подруга и, убавив громкость вещания, мирно добавила: — Не надо «ля-ля». Сама знаю. Не устами, так носом, не младенец, так ребенок. Ты будешь возражать, что дитя пробирки — тоже ребенок? Надо же, Гелька в полном смысле родила его в девках.

— Не говори глупостей. Я вообще-то другое имела в виду. Не является ли чих младенца признаком простуды?

Динка еще раз чихнула, мы с Наташкой напряглись. Если следовать логике подруги... Но она тут же внесла ясность: похоже, Динке вообще чихать на все.

— Не на все! — возразила девица, шмыгая носом. — Вы мне зачем-то перченую салфетку презентовали.

Легким броском Динка отправила салфетку на стол. Увы, она не долетела. Я проводила ее глазами до падения на пол.

— Перечницу опрокинули, а высыпавшийся перец салфеткой в ложку сгребли.

— Не пропадать же добру, — не задумываясь, пояснила Наташка.

В сотый раз мы «пережевывали» события последних дней. И в сотый раз заходили в тупик. Свет намеренно не зажигали. Во-первых, лень было вставать, во-вторых, в кои-то веки сумерки казались уютными. Нас с Наташкой мучил вопрос: откуда у тетя Кати бриллианты? Не из чувства зависти, нет. Просто из любопытства, ибо они были камешками преткновения. Все время о них спотыкались. И где же пожилая женщина могла их «нарыть»? Допустим, копаясь на грядках, нашла в капусте. Аист случайно выронил. Рождаемость россиян растет, но в основном за счет представителей других национальностей, уверенно осваивающих российские просторы. И посланцы теплого региона прекрасно обходятся без услуг этой прекрасной птицы. Вот она и подрабатывает оказанием услуг по переноске иных ценностей.

Устав от различных предположений о происхождении драгкамешков, мы решили, что история их появления у Синицыных нас не касается. Та к нам было легче. По крайней мере ясно, откуда у Гельки деньги на приобретение второго участка земли и строительство нового дома. Сюда же можно притянуть за уши ответ на вопрос, каким образом была раскрыта бриллиантовая тайна семьи. Утечка информации вполне могла образоваться при продаже бриллиантов. Одного или больше — не важно. Немного смущали Динкины заверения в том, что мама о них не знала. Во всяком случае, так, якобы, утверждала бабуля. Смахивает на историю с наследством Милки Дашковской-Келлер^[2].

Более-менее определились с причиной гибели рабочих, занимавшихся строительством. Не зря Синицыны отказались от их услуг. Возможно, они что-то пронюхали и предприняли кое-какие попытки завладеть камешками. За что и поплатились. Кто в таком случае их устранил? У Гельки с тетей Катей алиби — их еще ночью похитили. Туканов? Но у него тоже алиби. С того света путевки в жизнь не выдают. «Привидения» живыми не бывают. Остается фрау Райнхильда. Что если она намеренно не улетела в Австрию? Но тогда кто посодействовал ей в смерти? И этот странный букет... «Свой уголок я убрала цветами...» Ужас какой.

Все еще больше осложнялось вопросом о причинах столь усердного внимания австрияка к семье простой барменши. Помнится, Гелька хвасталась, что Туканов для нее все что угодно сделает. С чего бы такая опека? Может быть, Динка просто не знает об интимной связи своей

матушки с господином Туканом? Не те сведения, которыми Гельке захочется делиться с родными людьми. А фрау, оставшись «за бортом», наняла убойную силу и отомстила обоим. До кучи еще и строителям. Тогда причем тут бриллианты? Чушь собачья!

— Ты с Гелькой часто общалась? — спросила я у Наташки, проявившей стойкое желание прикорнуть на диване.

Подруга уставилась на меня, осмысливая вопрос и, осмыслив, ответила:

— А то ты не знаешь. Если бы часто общалась, все уши бы тебе прожужжала. Так, перезванивались время от времени. У Гельки полно добропорядочных недостатков. Пару раз в год, когда назревала необходимость кого-нибудь пристроить в больницу, она напоминала о себе. Слава богу, в последнее время здоровья у ее знакомых прибавилось.

Зевая, Наталья попыталась сказать что-то еще, но получилось невнятно.

— Вот почему Гелька рекомендовала дочери «в случае чего» обращаться к Наталье Николаевне, — заметила я. — Была уверена, что у тебя ее не найдут. Дина!

Мое обращение осталось без ответа. Свернувшись клубком, девица спала на другой стороне дивана.

— Оставь ее в покое, — сквозь очередной зевок попросила Наташка. — Пусть хотя бы дите выспится. Что ты хотела у нее узнать? Возможно, я отвечу.

— Попробуй уточнить, почему она поехала спасаться именно сюда, на дачу? Мы же могли находиться в Москве. В конце концов, могли уехать куда-нибудь на все каникулы.

— Что-то холодно стало. — зябко передернулась подруга. — Может, окно закрыть? Нет, пожалуй, не надо — душно будет. Ты же сама сказала, что бояться нам нечего. Слушай, принеси, пожалуйста, плед, я Динку накрою. И не бухти. Раздражает. Не стоит забивать себе голову всякой мутью. Место нашего нынешнего пребывания я лично рассекретила Гельке по телефону. Не могла же она начать разговор сразу по теме: устрой, мол, жену моего хорошего знакомого к хорошему кардиологу. Это не комильфо. Совершенно правильно зашла издалека: как живешь, как здоровье, где будешь на праздники... А где же мне быть, как не на даче. Слушай, заодно захвати и мне что-нибудь тепленькое. И... — подруга внимательно прислушалась к Динкиному сопению и шепотом добавила: — У меня есть план!

Потянувшись, я встала и с тяжелым вздохом отправилась в комнату,

мимоходом отметив звездное небо. Наконец-то оно прояснилось. Огромный диск луны обеспечивал достаточную освещенность, не хотелось посягать на его магическую прелесть, включив свет. Не удержавшись, с пледом и кофтой в руках подошла к окну. Надо же, какое чудо! Не перестаю удивляться. Вокруг все то же самое, что и днем, но совершенно другое.

Как назло, где-то залаяли собаки. Взгляд метнулся через дорогу, к Наташкиному участку, и я тихо присела на корточки. Почему-то подумалось, что так меня не увидят. А тут и Наташка подросла с невысказанными претензиями за задержку теплого покрытия. Вместе нам веселей не стало. К Наташкиным воротам подъехал темный «катафалк». Из него шустро выскочили три человека. Легко преодолев ворота, бесшумно рассыпались по участку. Замерев от страха, севшими голосами мы отмечали этапы бандитского пути. Дверь дома сопротивления ребятам не оказала. Каким-то образом они ее ловко открыли. Наташка тоненько заблажила, обругав себя за то, что заставила Бориса смазать петли. Эта «открывалка» долгое время нещадно скрипела — обстоятельство, ужасно раздражавшее слабую нервную систему подруги. Она мне на мужа полторы недели жаловалась.

— Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет, — в отчаянии шептала она.

— А кто из вас дурак-то?

— Не ехидничай. Конечно не я. Умный муж послушает женщину и сделает наоборот. Например, снимет дверь с петель и выкинет к чертовой матери. Какой в ней толк, если любой бандит может ее открыть? Ир, что они там, в моем доме, с фонариками ищут?

— Наверное, бриллианты. Или тебя.

— А тебя?

— Я в домике. Своем. Мама дорогая, смотри, «катафалк» отъехал. Без пассажиров. Все ясно. Не хотят привлекать к себе внимание. Закончат исследовательские работы и лесом до машины дочапают. Мне бы побольше смелости, я бы их снаружи закрыла и колом подперла.

— Ну да. А они другую лазейку найдут. Давай-ка звякнем в полицию. Только ты сама объясняй дорогу, я не туда пошлю. Гос-споди... А это еще что за виденье? — Наташка внимательно всмотрелась в человеческую фигуру, открывающую калитку. — Бли-ин! Это госпожа Поленова со своим тазом заявилась. Мужскую зимнюю шапку зачем-то нацепила. И хламиду какую-то безумную. Куда она прется? Бестолковка! Договорились же посудину у ворот оставить, так нет! Лезет с ней прямо к крыльцу. Боится, таз украдут. Где мобильник? Ах, да. У меня в кармане. Скорее всего, наряд

быстро не приедет. Бежим, надо самим выручать дурынду. По крайней мере, поднимем криком общественность. Поленова точно испу...

Ночную тишину словно ножом прорезал дикий женский визг. Деревья протестующе зашелестели листьями. С утроенной силой залаяли собаки. Кое-где в домах стал зажигаться свет.

Визг не умолкал. Причем, на такой высокой ноте, что уши закладывало, а по телу бежали мурашки. Удивительно, но Динка не проснулась. Только завозилась и что-то пробормотала во сне. Тем временем Наташкино крыльцо, плавно переходящее в открытую веранду, превратилось в поле брани. В смысле, матерной. Она удачно вписалась биодобавкой к визгу. Жуткая какофония сопровождалась звуками ударных инструментов. Разглядеть, кто, кого и обо что колошматит, было невозможно. Участники драки беспрестанно перемещались. Время от времени в лунном сиянии сверкал алюминиевый тазик Поленовой.

У забора Наташкиного участка сформировалась кучка дачников. В предводители стихийного митинга выбился Илья Семенович — по праву единственного мужчины. Наглядный пример правильности статистических данных. Еще во времена нашей юности народ знал: «на десять девчонок по статистике девять ребят». С той поры демографическая обстановка в стране еще больше ухудшилась. Чем только мужская часть населения себя не изводит, чтобы первыми проложить дорогу на тот свет.

Возмущенный разум соседа кипел и исходил паром. Бедняга громко жаловался на наше с Натальей недостойное поведение, в результате которого он вторую ночь не спит.

— И это благодарность за вчерашнюю организацию ему бесплатного эротического шоу?! — опечалилась подруга. — Видела, какими глазами он смотрел на Риткины прелести? Его женушка наверняка скрывает свои под самым плотным байковым халатом. А не спал он из-за того, что бес в ребро толкал и требовал продолжения. Ир, я думаю, действительно не стоит нам вмешиваться. Все равно нас здесь как бы и нет. Заодно и правду о себе узнаем. Смотри как пенсионер-ударник развыступался.

Взволнованный коллектив садоводов числом в шесть боевых единиц, с трудом разобравшись, в какую сторону открывается Наташкина калитка, с воплем ринулся к дому. И тут произошло невероятное: нарушители спокойствия в составе трех бандитов и одной Поленовой, срочно побратались. Недавние противники мгновенно слиняли в противоположный конец участка, граничащий с лесом. Поленова со своим тазиком обеспечивала им прикрытие. Кто-то из преследовательниц оказался слишком шустрым. Безопасность и репутация Поленовой, не

желавшей быть задержанной в качестве соучастницы попытки ограбления Кузнецовых, оказались под угрозой. Попробуй, объясни честным дачникам, какого черта она среди ночи бузит на чужом участке, с чужими мужиками да еще с такой тарой. Вне сомнения, люди решат, что металлическая «шляпа» предназначалась для шабаша. Расхлебывать хмельные напитки. В крайнем случае, для маскировки. Присядет Поленова в укромном уголке, накроется медным... вернее, алюминиевым тазом и порядок — невидимка. А драка между всеми бандитами с ее участием вполне объяснима — междусобойчик. Не поделили награбленное. Нет, не в интересах атаманши засвечиваться.

Умелым рукам Поленовой можно было позавидовать. Она так ловко запустила таз на орбиту, что я ахнула — получилась летающая тарелка. Тазик мгновенно сбил лидершу группы преследования и с ног, и с толку. Она потеряла ориентацию, мужественно завалившись в не полностью оперившийся куст курильского чая. Наташка сквозь зубы ругнулась, пожелав энтузиастке долгих лет жизни в загубленном ею растении. Но коллектив спасателей был против. Замешкавшись и активно мешая друг другу, принялись вытягивать соратницу из колючего плена. Поленова в восторге подпрыгнула, шлепнув себя по бедрам, и, задрав полы плаща, дала деру. Я невольно задумалась, где именно наличествует брешь в Наташкином заборе и стоит ли ее заделывать. Вдруг пригодится?

— Дела-а-а... — протянула Наташка, — С одной стороны, кажется, садоводы-огородники мне добра желали, с другой — а на фига оно мне надо? Ты знаешь, весь сон как рукой сняло. — Подруга задумчиво попиликала указательным и средним пальцами по подбородку. — Та к и тянет осмотреть обстановку в доме после разбойничьего визита. Да и налет соседей-спасателей даром для зеленых насаждений не прошел. Очень хочется, что называется, почувствовать разницу.

— Мало «добра» привалило? Не терпится получить дополнительную порцию? Свет включать не буду. И фонарик не дам. Заметит народ световые проблески в окнах, мигом организуется в новый пионерский отряд. Замечательные соседи! Тебя же в твоём доме и прижучат. Заодно за предыдущий ночной «базар» ответишь.

— Еще повесь на меня все преступления века! — вызывающе подбоченилась подруга.

— Право слово, не у меня, а у тебя мания величия, — отмахнулась я. Не вижу ничего заманчивого в звании ближайшей приятельницы махровой рецидивистки. Ты сама меня в этом не раз обвиняла. Слава, она не всегда хороша, — глубокомысленно заметила я. — А ведь до сих пор мы были на

хорошем счету. Кстати, ты заикнулась о каком-то плане.

— Тс-с-с... Динку разбудим. К шумовым эффектам она попривыкла, а вот от шепота и шороха, точно, проснется.

Наташка приложила палец к губам, и горестно посетовала на то, что скоро разучимся говорить нормальным голосом, а заодно воспринимать нормальную человеческую речь. Та к и будем нашептывать да наушничать.

«План» оказался довольно куцым. Она предложила сбегать Динку в надежные руки, откуда девица не сможет без нас «сделать ноги». Подойдя к выходу, Наталья прислушалась и пробормотала:

— Вне сомнения, над нами сгущаются тучи.

— «Тучки небесные, вечные странники, мчитесь вы, будто как я же, изгнанники» — тихо, но с выражением продекламировала я, прижавшись носом к окну и в принципе соглашаясь с подружкой. Мир за стеклом по-прежнему был полон лунного очарования, но на сей раз он показался мне каким-то нереальным. Стоп-кадр. Застывшая картина короткого момента жизни.

Наташка нехорошо молчала. «Нехорошо» в том смысле, что ей по всем статьям следовало бы рассердиться. Серьезный вопрос, а я тут легкомысленно со стишками. Пришлось извиниться. Стихи, мол, не мои, просто сами на язык напросились, с него же самовольно и слетели. Извинения приняты не были. Подруга словно воды в рот набрала. Мне стало не по себе. И это «не по себе» быстро трансформировалось в состояние паники. Гнет тишины показался зловецим и таким густым, что стало невозможно дышать. Ну хоть бы одна собака гавкнула! В голове свербила отнюдь не успокаивающая мысль — ребятам из «катафалка» «родные» ключи от дверей моего дома не нужны. У них имеется универсальный набор отмычек.

Я боялась пошевелиться, а уж оглянуться тем более. Спиной ощущала: сзади стоит кто-то неведомый и ужасный. Если бы у меня были роскошные длинные волосы, вне сомнений, они сами заплелись бы в косичку, Увы, на моей голове колосились короткие, рожденные дорожкой стрижкой. Я чувствовала их эмоциональное шевеление. Душа, как и положено, гуляла где-то в пятках. Жаль, сознание не составило ей компанию. Наоборот, оно работало четко и ясно, с прискорбием фиксируя невыполненные мною обязательства. Составить полный их перечень мне не удалось, остановилась на факте преступной забывчивости в отношении доплаты консьержке за дежурство в ночное время. Проникнуться искренним раскаянием помешали легкие размеренные шаги, отмеченные тихим скрипом половиц. Кто-то, и точно не Наташка, постояв за моей спиной,

покинул бесплатную стоянку и вышел в холл, где к его ногам присоединилась еще парочка. По звуку аккуратно закрывшейся входной двери я поняла, что «ноги» унесли своих обладателей прочь из моего дома.

Хотелось немедленно кинуться вдогонку, чтобы проводить незваных гостей хотя бы взглядом. Но я не смогла сдвинуться с места. С трудом нашла в себе силы обернуться. Подруги в комнате не было. Окончательно перепугаться я не успела.

— Иришка-а-а! — испуганный голос Наташки прозвенел сверху, со второго этажа. Когда ж она успела взлететь? Я нашла в себе силы отозваться, но, как оказалось, внутренним голосом.

— Ирка! Не смешно! Если это ты выскочила из дома, по крайней мере, могла бы отозваться.

— А вот и не могла! — проявил строптивость мой внутренний голос. — Тебя с улицы не слышно. Что, я не в своем уме, орать на все участки, когда люди только успокоились и спят. К тому же на улицу я вообще не высывалась.

— И-ир? — подруга достигла основания лестницы и наверняка увидела на фоне окна мой силуэт сорок восьмого размера. — Тебя приклеили? Что случилось? Мне показалось, что кто-то вышел.

Внутренний голос заткнулся, передав свои полномочия внешнему. Им я, захлебываясь, и описала в красках, как рада видеть Наталью живой и здоровой. Она удивилась, выразив сомнение, что за пять минут отсутствия (искала наверху теплую кофту) могла подхватить какую-нибудь заразу. Тут уже и я удивилась. Неужели мы расстались всего пять минут назад?

— Хватит пренебрегать плодами цивилизации! — заявила подруга, решив, что инцидент исчерпан. — Я больше не намерена торчать в темноте из-за какой-то встрепанной Поленовой. Черт меня дернул сказать, что устроилась на работу! И в конце концов, могла же я уволиться с работы в день... то-есть в ночь первого выхода? Могла. Ну не устраивают меня условия труда. Даже поспать негде.

Вспыхнувший по Наташкиной воле свет в комнате заставил меня зажмуриться, зато прибавил храбрости. А заодно породил сомнения в обоснованности недавнего страха. Возможно, я сама себя накрутила.

— Знаешь, мне показалось, что за моей спиной кто-то стоял, — бодро пожаловалась я, демонстрируя свою отвагу. — И шаги... Были такие тихие шаги.

— Это твоя совесть пыталась до тебя достучаться! Подсказать, что ты у меня в неоплатном долгу, — обрадовалась подруга. — Хорошо напомнила. Просто сорю деньгами. Гони триста рублей, я за тебя

консьержке заплатила. Ой, забыли Динку пледом укрыть!

Через пару минут стало ясно: зря таскались по всему дому с пледом в поисках Динки. Девушка исчезла.

Часть третья
Любовный роман

— Да у тебя в ушах двоилось! — на повышенных тонах спорила со мной подруга.

Швырнув в нее пледом, я упрямо стояла на своем: из дома вышло два человека, одним из которых была Динка. Вернувшийся ко мне мягкотелым бумерангом плед был сопровожден Наташкиным напутствием — выбить дурь из моей головы. Я переотправила старенький клетчатый шедевр на кресло с просьбой быть свидетелем моему ангельскому терпению. Уж до четырех-то за годы своей жизни считать научилась и хорошо помню: дважды два равняется четырем ногам — аксиома!

— Вот так всегда! — пожаловалась подруга потолку. — Я не хочу думать, что Динка покинула нас добровольно. Ее украли, понятно? Блин, не успеешь успокоиться, как тут же бац! Новое испытание. Ирка, что тебе дороже: какая-то аксиома или мое спокойствие? Только не ссылайся на классику с участием Платона! Пора расставаться со стереотипами. Между прочим, мое спокойствие — залог твоего спокойствия.

— Хорошо, — прониклась я пониманием. — Из дома вышел всего один человек. На четырех ногах.

— Прелестно! И он украл Динку, футляр для бриллиантов в форме лапы Чеширского кота Фредди Крюгера и бриллианты в оправе из стеклянной банки, бывшей хреновой тары.

— Бриллианты он не украл. Умыкнул только хреновую оправу с водой. Я их еще днем, перепрятала перед самым отъездом за новостями на Гелькину дачу. В полную баночку с хреном положила. Она так в холодильнике и стоит. Вместе с камешками. Тр и раза чайной ложкой проверила. А помнишь, как после моего возвращения в машину ты с налету обозвала меня копушей?

— Будем теперь считаться! Кто старое помянет, тому глаз... Придумал же народ страшилку! И... что теперь?

— Ничего хорошего. Теперь все соискатели бриллиантов будут гоняться за нами. Они ж не знают, что мы готовы расстаться с камешками добровольно. В обмен на семейство Синицыных. Да... Втянула нас Гелька в историю. Через обещанные ею пластиковые окна небо с овчинку покажется. Ой! Надо до утра забаррикадировать дверь. Динку украли, мы на очереди. Мне кажется, удобнее вести переговоры с похитителями через запертую металлическую дверь.

Пока Наталья бегала за стулом, я лихорадочно искала еще что-нибудь подходящее для выполнения поставленной задачи. Ничего не обнаружив, схватила плед. В коридор мы выскочили вместе. Сразу выяснилось очень неприятное обстоятельство: входная дверь закрыта. Снаружи!

Не могу сказать, что стул не пригодился. Мы с Наташкой тут же на него и присели. В тесноте, да не в обиде. Цепляясь за меня, дабы самой не упасть и мою персону не уронить, подруга пообещала оторвать голову любому, кто нас хоть пальцем тронет, и я ей верила. Не единожды выручали друг друга. В свою очередь, я выдала дрожащим голосом лозунг, изрядно потрепанный в ходе многочисленных избирательных компаний в думу: «Вместе мы сила!» Но обе хорошо знали — в отношении нас это чистая правда.

— Где твои ключи? — после недолгого молчания бесцветным тоном поинтересовалась Наталья. — Они торчали в замке, я лично ими дверь закрывала.

— Видимо, сейчас они торчат с другой стороны. Даже и не знаю, можно ли теперь считать мой дом нашей крепостью. Он больше похож на временный изолятор.

— Ага. Платный. Потому как пятизвездочный... Для хорошо «упакованных» нарушителей уголовного кодекса. Они закон специально нарушают, чтобы в камере ощутить запах свободы — отдохнуть от бешеной круговерти в бизнесе. Работа не дает покоя ни днем, ни ночью.

Мы немного погрустили по поводу предательства Динки. Не похоже, что ее насильно вытащили из дома. Даже если рот пластырем заклеили, могла бы мычать, царапаться, дрыгать или топтать ногами. Мы бы наверняка услышали. Одно из двух: либо дитя пробирки чем-то одурманили и приставили к виску пистолет, либо она добровольно ушла с человеком, хорошо ей знакомым. С Гелькой, например. Последний вариант предпочтительнее. Есть надежда, что вопрос с бриллиантами решится мирным путем — в ходе переговоров. Пара легких затрещин Гельке не в счет.

И тут проснулась моя интуиция, Я поняла, как развивались события с исчезновением Динки. Ее действительно не принуждали покидать насиженный диван. Более того, заявившийся через окно визитер (почему-то казалось, что это мужчина) вышел из столовой, позволив ей собраться. Не хотел смущать девицу, а заодно обеспечивал контроль за ее свободным перемещением к выходу. Торчал за моей спиной в полной боевой готовности с намерением прихлопнуть меня, если попытаюсь поднять переполох.

Как бы то ни было, больше мы в этом деле не участвуем. А то, что, с позволения сказать, «захреначили» чужие бриллианты, так за это нам еще надо сказать спасибо. Не ускользнут и не прокиснут. Выдадим по первому требованию победителю, пусть участники гонки между собой разбираются. И катись они все!.. Кому-нибудь придет в голову мстить банковской ячейке, выдавшей свое содержимое человеку, владеющему кодом? Вот то-то и оно. Мы такая же банковская ячейка. Как шампунь с кондиционером.

Подруга меня полностью поддержала. И, походя, вспомнила, что у нее заканчивается шампунь.

На улице основательно посветлело. Мы все-таки дождались своего часа в карауле у двери. Можно бесстрашно ложиться спать. Оставалось лишь открыть дверь с обратной стороны, вытащить ключи и закрыться снаружи. Окно на вылазку — к нашим услугам. Причем технически оснащенное. К нему сегодняшней незваный посетитель приставил лестницу, по ней и забрался в дом. А убирать за собой лестницу, большое ему спасибо, не стал. Еще одно спасибо Дмитрию Николаевичу, будь он не ладен. Оставил лестницу на самом виду. Прекрасный подарок криминальным покорителям вершин. Странный поступок для педантичного хирурга Ефимова. Впрочем я забыла про вчерашнего незваного гостя. Именно он первооткрыватель окна снаружи. Засланный разведчик. Пожалуй, надо прихватить лестницу домой. Без нее никому до окна не добраться, у нас высокий цокольный этаж. И злая собака — я. Готова облаять и покусать каждого, кто попытается проникнуть в дом. Это ж надо довести меня до такого зверского состояния!

Как я ни рвалась, Наташка меня вниз не пустила. Уж очень я нервная. Опасалась, что неправильно пересчитаю ступеньки. А лишний шум нам сейчас совершенно не нужен. Того и гляди исключат из садоводческой коммуны. Вот и будем чужими среди своих.

В полном соответствии с утвержденным планом освобождения, Наташка сама спустилась по лестнице и вернулась назад с ней. Ключи и в самом деле торчали с «лицевой» стороны двери. Мы долго упорствовали, пытаюсь затащить лестницу в дом. Не получилось — мешало крыльцо. Зато получилось пристроить ее в гараж. Изначально до этого замечательного варианта не додумались, но от усталости расстраиваться по такому пустяшному поводу, как отсутствие соображения, не стали. За двое суток столько всего произошло, немудрено и свое имя забыть.

— А не рвануть ли нам на отдых к кому-нибудь из знакомых? На пару-тройку деньков, — задумчиво произнесла Наташка и сама себе ответила: — Не рвануть. Зачем осложнять людям жизнь? Ведь не выдержу, начну

плакаться.

— А не рвануть ли нам на отдых в пансионат «Елочки»? — внесла я встречное предложение. — Там, правда, тоже твоя хорошая знакомая делами заведует, но у нее куда больше поводов поплакаться тебе. Наши неприятности мимо ушей пропустит. Выспимся хотя бы.

— Хорошая мысль! — обрадовалась подруга. — Она передо мной в долгу. Полгода назад я ее в третий раз замуж выдала. За такого придурка! Он на «скорой» работал. Большой мальчик на побегушках. А бывшая жена у него еще та стерва. На его шее сидела, ни черта не делала. Снисходительно позволяла себя любить. Мужик на сухомятке язву желудка заработал. Дошел до состояния опавшего клена. И точно бы загнулся, да повезло: жена к другому ушла. Та к он еще сдуру переживал. Ну я его и отправила на реабилитацию в «Елочки», рекомендовав приятельнице к нему присмотреться. В общем, через две недели он уже врачевал в пансионате. Ты не поверишь, но одновременно с большой прибавкой в весе так поумнел! Теперь уже сам снисходительно позволяет себя любить. А умница-приятельница совсем сдурела. Не надышится на него. Все! Решено. Пару часиков на сон и — в «Елочки». Там доспим.

Мне опять снились кони. Отфыркиваясь и потряхивая гривами, они пили чистую то ли речную, то ли озерную воду. Добродушные водяные круги расходились, нарушая сонную гладь, и замирали в прибрежных кустах ивняка. Чуть поодаль купали коней невидимые мне мужики. Слышны были только голоса конюших, щедрых на ласковые слова умным животным. От этой мирной картины веяло спокойствием и умиротворенностью. Хотелось залечь в разомлевшее от тепла душистое разнотравье, зажмурить глаза и подставить лицо благодатному солнцу. А главное — ни о чем не думать. Мир прекрасен! Не пугали даже разные букашки-таракашки, которые могли потоптаться на мне своими лапищами.

Все изменилось в один миг. Я даже не поняла, что это было. Какая-то черная пелена, появившаяся буквально ниоткуда, закрыла небо, парализовав солнечные лучи, и вдруг пала на землю. Преодолевая брезгливость, я потрогала ее руками. Пепел! Жирный черный пепел, в одночасье погрузивший мир в темноту. Попытки сдвинуться с места ни к чему не привели. Густая черная масса нарастала, постепенно парализуя все тело. Кажется, я зарычала от бессилия. Еще не хватало погибнуть в какой-то трясине. У меня дети, муж, работа, в конце концов. И как меня вообще сюда занесло? Ах, да... Мы с Наташкой ехали на Гелькину дачу... Мы едем, едем, едем в далекие края...

— Тормози! — раздался над ухом бодрый голос подруги. — А то в

стену врежешься.

Я моментально задействовала правую ногу в поисках педали тормоза, но ее не было. В ужасе открыла глаза и никак не могла понять, почему еду, лежа в кровати да еще на собственной даче. Впрочем, уже не еду. Значит, все-таки успела затормозить.

— А где болото? — осипшим голосом (выходит, мне не показалось, я действительно рычала) спросила я.

— Да везде! Куда не сунемся, обязательно завязнем, — деланно бодро сообщила подруга. — Уж такая наша планида. Вставай, время почти одиннадцать. Я дозвонилась приятельнице Тарасовой. Результат — полное безденежье на моем мобильном счете. Она, предательница Родины, в Турции отдыхает. Ты же знаешь, как трудно меня остановить, если надо кого-то в чем-то убедить. Тарасова пыталась, я ее заткнула. Десять минут моего непрерывного трепа — и прощайте денежки. Еще и должна осталась. А путевки в «Елочки» равноценны по стоимости отдыху на турецком берегу. При богатом воображении. Впрочем, как пели мы в нашем пионерском детстве, «не нужен нам берег турецкий...». Тарасова прислала эсэмэску, путь в номер люкс «Елочек» открыт. Проживание бесплатное, оплата только за питание. Но мне туда уже не хочется.

Я посмотрела в окно. Опять у погоды смена декораций — лениво встряхивает мокрый занавес, рассеивая мелкие капельки дождя. Лучшего для «Елочек» не придумаешь. Посадочные работы невозможны. Да еще с таким настроением... У Наташки оно тоже не ахти. А чему, собственно говоря, радоваться?

Зевнув и со скрипом потянувшись, я уселась на кровати и принялась шарить ногами по полу в поисках тапок.

— Рассохлась? — участливо спросила подруга.

Я пожала плечами и еще разок зевнула. Наташка поддержала инициативу, зевнула, хлопывая себя ладонью по рту, и с удовольствием потянулась. Без скрипа. Стараясь казаться бесстрастной, я поведала ей о приснившихся мне кониках. Про пепельное покрывало намеренно умолчала.

Подруга проявила зачатки ясновидения, предположив, что я полночи вытягивала лошадей из болота. За пышные конские хвосты. Иначе мою видимую усталость, бледный цвет лица и скрипучее потягивание (надорвалась) не объяснишь. Пришлось напомнить: Динке тоже снились лошади. А вдруг наши сны вещие? И еще один момент: если Гелькино садовое товарищество случайно по пути в «Елочки», не мешало бы проверить одно мое предположение. Так, ради удовлетворения

любезности. Это не опасно.

Наташка устала на меня и задумалась. Наверняка размышляла, как бы согласиться, но так, чтобы отказать. Под снайперским прицелом ее взгляда сидеть было невозможно, я сдвинулась в сторону. Комод все выдержит. Сколько раз я сама забывала закрыть его выдвижные шкафчики, а потом прямым попаданием долбалась об них тем боком, которому меньше повезло.

Наташка осторожно кашлянула в кулачок и, все еще не определившись, протянула: «Ну-у-у...» и почесала затылок.

— Ага, — поддержала я подругу. — На участок Ангелины нам не надо. Просто прокатимся в ближайшую деревню, расположенную по другую сторону водоема.

— Это тебе лошади маршрут наржали? По другую сторону водоема одни кусты! — поучающе возразила подруга. — Полагаю, их еще не успели выкорчевать для освобождения территории под коттеджную застройку. Пока бывших посевных площадей хватает. Деревня где-нибудь впереди, если катить прямо по дороге. А зачем нас туда понесет?

— Затем, зачем и ребят из «катафалка» — за знаниями. Купим бутылку водки, найдем знакомого тракториста, зайдем к нему в гости. Все трактористы пьют — профессия такая.

— То-то его жена обрадуется!

— А у него есть жена? Впрочем, не исключено. Что ж, надо было думать, за кого замуж выходила.

— А ты думала?

— Это не мое хобби. Я просто любила Димку со всеми его недостатками, которые постепенно переросли в мои достоинства. Выдержка, великое терпение, например... Не уводи разговор в сторону.

Пока Наташка грамотно рассуждала о вреде алкоголя, я торопливо приводила себя в порядок, время от времени напоминая, что сами пить не будем. Она как раз дошла до «членовредительства» в интимном смысле этого слова. Алкоголизм и импотенция связаны между собой намертво. Гордиевым узлом. Сие обстоятельство меня насторожило. Если подруга продолжит беседу в этом русле, ничего хорошего не получится. Потому я и озадачила ее другой темой: придумать повод, по которому мы вообще заявимся к трактористу. Сошлись на том, что желаем снять домик для летнего проживания. Может, кого-нибудь из жителей порекомендует. В прошлый раз вроде как не доехали из-за утонувшей машины, так, может, в этот раз повезет. Если, конечно, нас не опередили люди на черном «катафалке». Тракторист должен знать хозяина машины. Из чувства

зависти непременно обругает. Для такого повода ему и водку покупать не обязательно.

— Ты предполагаешь, что Ангелину с матерью, а теперь и с дочерью прячут в этой деревне?

Честно говоря, мне это тоже в голову приходило. Но я промолчала. С одной стороны — знак согласия, с другой — неуверенности. Наташка предпочла первый вариант и сказала, что деревня нам почти по пути. Легкая прогулка (небольшой крюк километров в семьдесят с гаком) перед тем как заточить себя в пансионат, даже полезна.

Ближайшая деревня с забавным названием «Пупыри» располагалась в двух километрах от шоссе. Россия-матушка богата остроумными людьми. Пограничной полосой между деревней и задворками садоводческого товарищества служил болотистый перешеек, кое-где поросший уродливыми карликовыми деревцами. Из коричневой жижи выпячивали себя ярко-зеленые кочки. Протяженность перешейка составляла меньше километра в длину и от силы метров пятьсот в ширину. Сквозь редкую поросль кустов и скособоченных деревьев проглядывали крайние дома садоводов. К добротным деревенским домам примыкали сады-огороды, дальше шел луг, а может, заброшенное поле, заканчивающееся у кромки настоящего леса. Несколько «навороченных» коттеджей удивляли своей замысловатостью и являлись, скорее, бельмом на глазу, нежели украшением деревенского ландшафта. Справа, чуть в стороне от крайнего дома, виднелась старая церковь. Туда мы и завернули.

В церкви чинно шли ремонтные и реставрационные работы. Задрав подол рясы и с тревогой поглядывая на хмурое небо, местный батюшка критиковал качество бетона, который двое энтузиастов-рабочих не вовремя замесили и плохо закрыли кучу мешков с цементом. Перекрестившись, мы сдали назад и подрулили прямо к магазину, дверь которого, несмотря на «слезную» погоду, была открыта настежь.

Покупатели отсутствовали. Симпатичная пухленькая продавщица с крашеными в рыжий цвет волосами скучала, коротая время за вышиванием рисунка по схеме. Наметанным глазом оценив нашу покупательскую инициативу, посоветовала взять творог и сметану — натуральные продукты из натурального молока с натуральными сертификатами качества. Попробовав один раз, подсядем на них «тока так!». Мы дружно поблагодарили и, не стовариваясь, отметили талант и усердие продавщицы в плане вышивания. Благосклонно кивнув, женщина пожаловалась на отсутствие свободного времени. Крутится дома как белка в колесе, только на работе и отдыхает. Муж Пашка, хоть и не пьет, на технике помешался. Весь двор техническим хламом завален, куры того и гляди лапы переломают. Сам с бесконечным ремонтом каждый день грязный, как черт, не настираешься. Да еще норовит в таком виде дома за стол сесть. Две девки, здоровые кобылы, палец о палец не ударят, чтобы матери помочь, и свекровь — зараза. С утра до позднего вечера, больная, у телевизора сидит.

— Свекрови, они такие, — любезно поддакнула Наташка. — И мужья-трактористы тоже... такие.

— Да ладно! — отмахнулась женщина. — Мой-то ветеринар. А ремонт техники, начиная с телеги до тракторов, — любимое занятие в свободное время. Может всю ночь проколупаться. А вы в гости к кому или так, заблудились?

— Да мы, собственно... — начала я.

— ... не первый день сюда собирались, — подхватила Наташка.

— За творогом со сметаной. Дачники с той стороны, — я махнула рукой в сторону подруги и она быстренько отскочила влево, — очень нахваливали.

Заметив, что у продавщицы вытянулось лицо, я тут же сообщила, что хвалебные речи слышали очень давно. А не далее как позавчера проезжали мимо и решили заглянуть в магазин.

— Вообще-то творог со сметаной мне из Дмитрова только первый раз привезли. Взяла на пробу. До этого перекупщик возил — сплошное дерьмо.

— Они, перекупщики, такие!.. — с жаром подхватила Наташка. — А мою приятельницу не слушайте, она вечно все путает. Позавчера мы сюда завернули в поисках домика на лето.

Изобразив на лице досаду, я шлепнула себя ладонью по лбу и обругала свою совсем плохую память. Оттеснив меня широким жестом к витрине с бакалеей, Наташка принялась разливать соловьем, рассказывая, как нам не повезло в трех местах. Не повезло и по дороге в Пупырышки.

— Пупыри! — поправила я.

— Не принципиально! — огрызнулась подруга, прикинув вплотную к прилавку. — И только мы, значит, свернули с шоссейки, как навстречу трактор! Езжайте, говорит, бабы, отсюда куда подальше и еще дальше, сейчас труповозка с полицией вам навстречу поедет.

— Это не трактор, а тракторист сказал, — упрямо внесла я поправку.

— Нет, ну я поражаюсь! — сверкнула на меня глазами Наташка. — Мы не дурнее тебя. Помолчи, если можешь. Та к вот, — продолжила она откровение продавщице, — пришлось развернуться и прямым ходом домой. А сегодня решили все-таки в вашу деревню наведаться. Место уж очень хорошее, да и тракторист наверняка пошутит.

Женщина встала, свернула вышивку, положила в пакет и, наклонившись, сунула его куда-то вниз. Наверное, под прилавок. Мы, можно сказать, «развесили» уши в ожидании эмоционально приукрашенного рассказа о трех утопленниках в машине. Тем удивительнее показалась ее реакция.

— Творог со сметаной будете брать? — деловым тоном спросила она, словно не слышала Натальину страшилку.

— А как же! — удивилась Наталья внезапной метаморфозе с продавщицей. В отличие от меня. Всему виной была открытая дверь магазина. В нее бесшумно вошел весьма странный тип, при виде которого у меня невольно открылся рот. Едва ли к его физиономии подходило слово «лицо». Скорее, маска. Ее словно перепахал на зиму пьяный тракторист — то яма, то канава, то бугор. Глаз практически не видно, брови отсутствовали, зато имелся шишкообразный нос небывалой ширины и рот в тонкую прямую линию. Голову венчала кепка в черную и серую крапинку. Руки пришелец прятал в карманах старого пиджака. На ум невольно напрашивалось определение «лапсердак» — старинное длиннополое одеяние польских и галицких евреев. В возрасте страхолюда можно было ошибиться, но необычная для дождливого дня обувь — серые валенки с галошами, выдавали в нем старика.

— Подходите сюда, дедуля, — залебезила продавщица. — Женщины еще не определились с покупками. Пока надумают, я вас обслужу.

— Все языком треплешь, отпускница, — недовольно прогудел старик.

Честное слово, мне показалось, что он сказал это, не открывая рта. Голос был глухим, словно из глубокого колодца. Наташка, собиравшаяся было заартачиться, обернулась и мигом проглотила язык. На сей раз мне пришлось сдвигать ее, беспамятную, в сторону.

Старик прошел мимо нас, словно не заметив, и бросил на прилавок раритет — сетчатую «авоську».

— Как обычно, — заявил он продавщице и сурово добавил: — Ты, Лидка, лишнего-то не болтай.

Лидка испуганно кивнула, подхватила «авоську» и сноровисто принялась пихать в нее продукты. Руки женщины дрожали, что очень понравилось старику. Судя по еще больше истончившейся ниточке губ, он улыбался.

Получив заказ, дед вынул из нагрудного кармана пару купюр и, бросив их на прилавок, заявил стоявшей по стойке «смирно» продавщице:

— Лишек зачтешь другим разом.

Мы с Наташкой еще дальше сдвинулись к стене, освобождая старику место для прохода, хотя его и без того было достаточно. Уж очень хотелось, чтобы он поскорее покинул помещение. Пришелец словно прочитал наши мысли, круто развернулся и уставился на нас, казалось, слепыми глазами. Сатанинская улыбка стала еще шире. Как ни хотелось, но отвернуться, чтобы не видеть этой ужасной маски, не получалось.

— Я-то уйду, — задумчиво проскрипел он, вызывая желание заткнуть уши, и тряхнул «авоськой», — да напасти с вами останутся. Нельзя тревожить прах мертвых. — Где-то на улице каркнула ворона. Старик поднял вверх скрюченный указательный палец: — Господь отводил вас от неправильного пути, не послушались знака. Езжайте отсюда восвояси!

— Не послушались... — эхом отозвалась Наташка, следя за перемещением ходячего ужаса к выходу. А он, не останавливаясь, заявил:

— Домой иди, Лидка. Не будет те сѣдня торговли.

Лидка и в самом деле спешно засобиравшись домой, а мы, неспешно, собирались в одно целое с разумом. Продавщица нас поторопила, чем окончательно пробудила в Наталье дух сопротивления:

— То-есть, как это не будет торговли?! Ир, доставай пакеты. Дома шаром покати, сейчас будем затовариваться! Первым делом, обещанным творогом и сметаной.

Лидия долго сопротивлялась. Наташка трижды грозила ей увольнением, лишением лицензии, а заодно и родительских прав, пока она, нехотя, принялась выполнять свою главную обязанность, предусмотренную уставом предприятия. Причем с таким убитым видом, будто ожидала неминуемой расплаты, но не в российских рублях. В итоге, мы себе в убыток набрали продуктов (в основном, ненужных) на довольно кругленькую сумму. По ходу дела подруга вела агитацию на тему «Человек сам хозяин своей судьбы».

После расчетов Лидка повеселела, мы, проводив из кошельков в последний путь их содержимое, погрузнели. Наличных денег практически не осталось, а банкоматов в деревне днем с огнем не сыскать. Уныло поздравив продавщицу с удачной торговлей, Наташка порекомендовала ей впредь не слушать нелепых предсказаний всяких уродов.

— У него наверняка проказа, — мстительно поджав губы, заявила она. — Его бы в резервацию.

Лидка вжала голову в плечи, став меньше ростом, и предостерегающе цыкнула на нас обеих:

— Еще где не ляпните! Какая там проказа. Сто четыре годочка стукнуло, поздно в его годы проказничать. Колдун он у нас местный. Все знает, все слышит и помирать не собирается. Говорят, по молодости красавцем был и людям вроде ничего худого не делал. Но кто-то на него шибко осерчал. За что не ведаю, только подпалили мужика ночью. Бабки со слов своих покойных родителей говорили, что пламя далеко в округе было видать. Дом свечкой вспыхнул. Со всех сторон разом подождгли — не потушить, и дверь колом подперли. Видели, как парень метался, кричал,

пытался в окна выскочить, да не получилось. Крыша рухнула. Хорошо, дом на краю деревни стоял, огонь на другие не перекинулся.

— Так он погиб... — меня выражение и цвет лица на невыгодные (сразу поглупела), то ли спросила, то ли констатировала факт Наташка.

Я с усилием стяхнула наваждение, жуткую картину пожара, и мрачно заметила:

— Как можно считать человека погибшим, если совсем недавно он тут нам вместе с вороной несчастья накаркал?

— Знамо дело, погиб, — уверенно заявила Лидуша, заставив меня сменить выражение и цвет лица на еще более невыгодные, чем у Натальи. — Да только на Ильин день он заявился на пепелище. Говорят, куда страшнее, чем сейчас был. Все что-то в угольях копался. Прямо под проливным дождем. Времянку себе соорудил, а на что и как жил, непонятно. Потом его одна старенькая бабушка, очень верующая, пожалела и приютила. Он на людях-то и нынче редко показывается. Бирюком живет. Все хозяйство — одна ворона. Тоже старая. А после смерти бабушки он вообще долго из избы не выходил. Но если уж кому являлся и молвил что нехорошее — жди беды. Вот в минувшую пятницу...

На улице отчетливо прозвучало воронье карканье. Продавщица осеклась и перекрестилась.

— А что случилось в минувшую пятницу? — попробовала Наташка реанимировать рассказ, но Лида замолчала наглухо. Для верности еще и рот рукой прикрыла.

Учитывая, что мне его никто не затыкал, я спокойно пояснила подруге, что в приснопамятную пятницу колдун вышел из своей избы и предсказал гибель трех человек в машине, на озере. В каком именно месте предсказал, людном или где-то одному на ушко, говорить не стала. Не знала. Но и полученной информации Лидочке хватило. Продавщица взглянула на меня с ужасом и очередной раз перекрестилась. Я тоже истово осенила себя крестным знаменем, чтобы она не приняла меня за рупор гласности нечистой силы. Наталья последовала моему примеру. А чтобы Лидка не приняла ее за представительницу нечистой силы, рупором которой... Словом, понятно.

Судя по тому как трясло бедняжку, торчать в магазине дальше было бесполезно. Да и жалко ее, помешанную на предрассудках. Сами такие, но не в данный момент. Лично я была уверена, что «предсказание» колдуна имеет вполне реальную основу: он стал невольным свидетелем преступления. Не исключено, что готовящегося. Чувство жалости к Лидии сменило объект, переметнувшись к колдуну. Несчастный человек,

вынужденный до конца влачить жалкое существование в обличье уроды. И другой жизни на земле в запасе нет. Тяжкий крест нести бремя своих долгих лет, зная, что тебе недоступны простые и высшие человеческие радости и ценности. Судьба одинокого волка. Впору озлобиться.

Я потянула Наталью к выходу. Нечего зря время терять. И очень удивилась ее активному сопротивлению. Причина оказалась банальной — нельзя объять необъятное. При всем желании подруга не смогла бы унести с собой четыре огромных пакета с продуктами, а мне, занятой рассуждениями на тему моральной подоплеки поведения колдуна, было не до мирских дел. Впрочем, Наташка быстро вернула меня с небес на землю, напомнив, что у меня не осталось не только денег, но и совести.

Пока она распихивала покупки в багажнике и на заднем сиденье машины, я все больше и больше ужасалась их количеству. Лучше бы оставила в пакетах. Не так страшен результат нашего посильного вклада в борьбу с предрассудками. А главное, куда с полугодовым запасом продовольствия в пансионат? На все готовое. Та к сказать, в Тулу со своим самоваром. Одно утешение: раз это мудрое изречение появилось и существует, не одни мы такие «предусмотрительные».

— И куда нам теперь все это девать? — словно читая мои мысли, пожаловалась Наташка. — Прямо хоть безлицензионную торговлю открывай. С уценкой. Прямо из машины и себе в убыток.

Помнится, я хотела сказать что-то умное. Наташка остановилась на слог «Кре...». Помешал черный «катафалк», притормозивший у ворот новенького коттеджа. Расстояние до него было довольно приличное, тем не менее, проявилось необузданное желание немедленно исчезнуть. В какой-то мере это удалось. Во всяком случае, мы с подругой увидели друг друга, встретившись в согбенном состоянии в районе открытого багажника. В нем и нашли опору, поскольку заныла спина. На счастье, тревога оказалась ложной. Пока мы радовались встрече, «катафалк» бесшумно скрылся за воротами участка.

— Мало ли в России подобных машин? — прислушиваясь к себе, заметила я. Вроде бы прозвучало убедительно.

— Как в Бразилии диких маргышек, похожих на донов Педров, — согласилась Наташка, поглядывая снизу на открытую крышку багажника. Решала, закроется самостоятельно или привязывать веревочкой. Я помогала его поддерживать, хотя он в этом и не нуждался.

— Ба! Какие люди! — раздался сзади нахальный мужской голос.

От неожиданности подруга всей верхней половиной тела нырнула внутрь багажника, а я дернулась и, плохо соображая, опустила его крышку

себе на спину.

— О как обрадовались встрече! — нахальства в голосе мужика прибавилось. По этой причине я его и узнала. Хотя и являла собой карикатурное подобие атланта, но чувство собственного достоинства не утратила. Мстительно решила выдать знакомому трактористу что-нибудь уничижительное. Увы, ничего на ум не приходило. Он задрал крышку багажника, освободив мои плечи, ловко выдернул наружу Наташку, после чего обзывать его нехорошими словами стало как-то неудобно. Зато я ему и спасибо не сказала. За меня это сделала Наташка, ласково обозвав тракториста душегубом. Тут мы окончательно и познакомились. Митяй, как он нам представился, узнав, что целью нашего визита является аренда домика на лето, уже по-дружески прилепил обеим кличку «дурищи на колесах». Мы не обиделись. Умные люди занимаются организацией летнего отдыха с осенне-зимнего периода. А такую дыру, как Пупыри, вообще не удостоивают внимания. Лес далеко, до озера, если пешком, тоже не близко, да и места, пригодного для купания нет. Дно илистое, покрытое остатками погибших деревьев и ветками кустарников. Сразу за деревней болото. Мы для приличия немного поспорили, но согласились с Митяем. Наша ссылка на новенькие коттеджи москвичей окончательно его развеселила. Выяснилось, что эти хоромы возвели местные хорошо упакованные уроженцы, отблагодарив таким образом родителей за свое счастливое детство и терпимость к юношеским проделкам. Сами родители от такой благодарности последнее здоровье потеряли. На нервной почве. Куда старикам столько комнат? Теперь ютятся на двадцатиметровых кухнях, вспоминая сад и огород, ныне вытесненные газоном, украшенным разными дизайнерскими прибабахами.

Мы решительно отказались от аренды домика в Пупырях, тем паче, что это и не планировали. Время поджимало, надо было уезжать. Все, что хотели, выяснили. «Катафалк» не имеет к нам отношения. Но тут Митяя осенило. Он вспомнил о бабе Нюше, чьей-то двоюродной сестре по какой-то линии. Честно говоря, не вникали. Еще разок поблагодарив энтузиаста, заявили, что хоть и «дурищи», но, правильно заметил — на колесах. Покатаемся и найдем более подходящий вариант. Митяй разволновался и, уложившись в полминуты, категорически опроверг все свои прежние негативные высказывания. Выяснилось, что Пупыри — лучшее место на земле для летнего отдыха. Рай для городских жителей. Даже воздух в

деревне лечебный. А домик бабки Ньюши как раз на другом краю деревни. Никто не потревожит пьянками-гулянками. Из ее окон открывается прекрасный вид на почти сухое болото, где в июле, августе и сентябре можно косой косить подберезовики. Сама бабка Ньюша — добрейшей души человек. Божий одуванчик. Приютит с радостью.

Стало понятно, что дальнейшее сопротивление только затянет отъезд. Зря торчим тут у всех на виду. На нас с любопытством оглядывались редкие прохожие. Хитренько подмигнув мне, Наташка ровным голосом предложила поехать и посмотреть «объект» на месте. Я деловито кивнула. Правильное решение. Иначе от Митяя не отделаемся. Поедем и по дороге свернем к шоссе.

Митяй захлопнул багажник и по-хозяйски полез на заднее сиденье, где Наталья аккуратно разместила покупки. Небрежно сдвинув их, тракторист смерил меня и освобожденное пространство оценивающим взглядом и остался доволен. Сидеть мне предложил в пол оборота — стопором, иначе могучая кучка свалится мне на колени. Опаснее всего две клетки яиц. Сам уселся впереди и широким жестом пригласил Наташку к рулю. Хлопая глазами, мы торчали снаружи, до тех пор пока он не рывкнул: «Ну?! Мне рассиживаться с вами некогда!»

— Доедем до «объекта», обругаем и скажем, что не устраивает, — сквозь зубы процедила Наташка. Я сквозь зубы угукнула.

Изба бабы Ньюши была не просто крайней в ряду, а вообще стояла на отшибе. «Отшибло» ее по уважительным причинам — от четырех предшествующих домов ничего, кроме воспоминаний Митяя, не осталось. Два дома сгорели после прямого попадания в один из них молнии, два других рассыпались сами по себе. Посильную помощь в достижении сего результата оказали местные жители, потихоньку разбирая их на дрова. На задворках одного из участков торчало какое-то бревенчатое строение. Слишком маленькое, чтобы считаться избой.

Наташка первой проявила инициативу отказа от летнего проживания в Пупырях, обругав пустырь. Я мигом подключилась к его бичеванию — прекрасная поляна для пьянок-гулянок местных алкашей, где под каждым им кустом был готов и стол и дом. А на фига нам это надо? Наташка сухо пояснила, что имела в виду другое: поляна слишком «лысая», наверняка ее обходят стороной, соседство с ней жуткое. Страшно даже при дневном свете.

— Да хватит ерунду-то пороть! — возмутился Митяй. — На вас не угодишь. Пустырь не безлюдный, обитаем. А местные алкаши обходят его стороной. Колдуна боятся. Он неподалеку проживает.

— Настоящий колдун? — оживилась я.

— Какое там настоящий. Просто старожил, сто лет в обед с гаком, мхом оброс. Живет бобылем, на людях не показывается. А уж сказок про него насочиняли!..

— Почему не показывается?

— С лица уродлив, раньше его пацанва доставала — дразнила все, он ребятишек палкой гонял. А по мне так дед — самый обыкновенный человек. Живет сам по себе, не ворует, денег ни у кого не просит.

— А на что же живет?

— Пенсия у него по инвалидности да рыбалит на озере. Бабка Ньюша ему за рыбешку в магазин бегаёт. Вроде он ей какая-то родня.

— Наталья, нам надо с ним познакомиться, — заволновалась я. — Раз он рыболов... Может, свежей рыбки продаст.

— Не будет он с вами знакомиться, а рыбешки вам бабуся у деда раздобудет. Она оборотистая.

— Что-то я не пойму, — подозрительно покосилась на Митяя подруга. — Тебе-то какая польза от всей этой кутерьмы?

— Благодетель я. Пятьсот рублей с вас за мои посреднические услуги, — спокойно пояснил скороспелый маклер.

— А если твой вариант нас не устроит?

— Тыща за пустые хлопоты.

— Фига себе! Ир, слышала? Далек пойдешь, посредник.

— Не, недалеко. Уже приехали. Посидите пока здесь, ща я быстренько вопрос улажу.

Не дожидаясь ответа, Митяй выскочил из машины, оставив нас в полном недоумении. «Домик в аренду» о двух окнах с покосившимся крыльцом основательно врос в землю. Самым привлекательным выглядел зелененький мох, которым поросла крыша из дранки.

— Зимняя резиденция бабы Яги, только ей лапы поотшибали, — промямлила я, раздумывая, стоит ли вообще знакомиться с бабой Ньюшей.

— По крайней мере, не будет вертеться в разные стороны, вертихвостка, — попыталась найти в домике хоть что-то положительное Наташка. — Есть шанс, что не рассыплется. Я ведь правильно поняла, нам Колдун нужен?

— Пра...

Мне еще ни разу в жизни не приходилось видеть, как летают люди. Я имею в виду сами по себе, без всяких технических приспособлений. Митяй стартовал откуда-то из глубины темного коридора и, расправив руки-крылья, полетел вперед, не касаясь ногами ступенек ветхого крылечка.

Глухо вякнув, он приземлился на кучу песка, за отсутствием реверса снес вершину и только после этого медленно сполз вниз.

Наташка завела машину, готовясь к побегу. Судя по тому как ругался Митяй, посадка, хотя и была жесткой, «на брюхо», прошла удачно. Не успели мы развернуться, как на крыльце появилась могучая телом женщина лет пятидесяти с хвостиком, запакованная в байковый халат. Уперев руки в бока, она с интересом слушала Митяя. В принципе, ничего нового он не поведал. Матерная брань разнообразием не отличается.

Желание покинуть Пупыри стало прямо-таки необузданным. Машина с помощью Наташки сделала скачок вперед, но, как назло, наперерез нам бросился Митяй. Увидев, что женщина многозначительно засучивает спустившиеся рукава теплой кофты, решил, что ему предпочтительнее погибнуть под колесами «Шкоды». Быстро, выгодно, надежно. Выгодно с точки зрения оплаты родственникам всех расходов на погребение.

Удара от стыковки Митяя с машиной мы не слышали, однако его виртуозный кульбит в сторону (метра на три, не меньше) навел на плохие мысли.

— Ир, скажи ему, чего это он разлетелся? — плаксиво спросила Наташка, отгоняя эти самые плохие мысли прочь. Хотя бы на время, чтобы немного свыкнуться с трагедией.

— Сейчас, — пролепетала я, не двигаясь с места.

Ответ подруга получила прямо из первых уст. Только мы от радости не поняли, кого Митяй на сей раз обложил матом. Нас или чрезмерно располневшую на казенных сыновьих харчах бабу Ягу. Впрочем на крыльце ее уже не было. Довольно споро она подбежала к Митяю и успела хватить его за ногу прежде, чем он уполз под сень чахлых кустов.

Мы с Наташкой озверели. Да что ж она издевается над человеком... Вернее над людьми! Ведь по ее вине он мог «лапти откинуть», как проорала Наташка. Доказывай потом, что не виновны.

Баба Яга на секунду потеряла бдительность и ослабила хватку. Этого момента Митяю хватило, чтобы и на самом деле откинуть лапти. Точнее, один. А еще точнее, не лапоть, а растоптанный кроссовок, который Митяй оставил ей на память. Впрочем, он женщине был без надобности. Она быстро опомнилась и швырнула его вдогонку за хозяином. Характерный треск кустов свидетельствовал о том, что предприниматель-доброхот прокладывает обходную дорогу к родному дому.

Женщина уставилась на нас и поздравила с прибытием. Будучи учеными на чужой ошибке, мы усмотрели в этом приветствии готовность помочь с быстрым отлетом, но все-таки поздоровались — долг вежливости.

И сразу же попрощались, от души надеясь, что баба Яга нашу «Шкоду» на скаку не остановит.

— К-куда?! — прогромыхала бабенция, отряхивая ладони одну о другую. — Чай пить пойдете. Машину можно оставить здесь. Не понравятся мои хоромы, уедете. Понравятся — живите, сколько хотите. Денег за постой не возьму. Баба Ньюша меня зовут.

— Божий одуванчик?.. — непроизвольно вырвалось у меня, и женщина мелко затряслась от хохота.

— Ну ты, девка, и сказанула, — она промокнула широким рукавом халата выступившие слезы.

— Это не Ирина вас до слез довела, — вступилась за меня Наташка. — Та к вас Митяй обозвал. Он вас еще и бабой Ньюшей окрестил. Только... — подруга немного помялась, — какая же вы старушка?

— Я не старушка, — согласилась женщина. — Я — баба! Баба Ньюша. Привыкла, с молодости так величают. А Митяй — подлая душа. Стребовал с меня за вас пятьсот рубликов. Теперь мы с ним в расчете. Ну, двигайтесь за мной. Небось полдня голодные мотались.

Последний барьер сомнений разрушился. Я приободрилась и снова вспомнила о колдуне. Забрехала надежда с ним пообщаться. Если у бабы Ньюши с дедом неплохие отношения, может, замолвит за нас словечко?

Пока Наташка жеманилась, постепенно уступая уговорам бабы Ньюши почаявничать, я уже торчала на крыльце, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения сесть за стол переговоров.

— Сортир на огороде, — поняв мои «прыгалки» по-своему, подсказала хозяйка и, стянув с головы платок, принялась им обмахиваться.

— Спасибо, я постою, — ляпнула я совершенно не в тему и окончательно ступевалась.

— Чудная, ты, прости Господи. — миролюбиво среагировала баба и, обратившись к Наташке, поинтересовалась, все ли у меня дома.

Подруга мигом набычилась, вздернула подбородок и, чеканя слова, доложила, что дома у меня никого нет, тем не менее, я в семье самая умная. На лестничной клетке и в подъезде — тоже.

Баба Ньюша посмотрела на меня с жалостью. Боюсь, решила, что мой дом — дурдом. Я с трудом подавила навязчивое желание процитировать всю таблицу умножения. Какое-никакое, а доказательство моей вменяемости. Или невменяемости? Но баба Ньюша рассудила по-своему, заявив, что мои заморочки не иначе как от великого ума. Наружу так и прет. Заодно напомнила, что чайник остывает.

Наташка порылась в багажнике, вытащила два шоколадно-вафельных

торта, которые я, честно говоря, терпеть не могу, коробку зефира и что-то еще, затаренное в пакет. С одной стороны намеревалась поразить бабу Ньюшу своей щедростью, с другой — избавиться от малой толики лишнего груза.

Поразить хозяйку щедростью мы не смогли. Ее «зачем тратились?!» прозвучало осуждающе. Зато нас она сразила наповал. Во-первых, чистотой и уютом однокомнатной избы. К комнате примыкала стерильная кухня, куда мы попали прямо из коридора. Основное пространство занимала огромная беленая печь, которой, как объяснила хозяйка, давно не пользовались. Газпром выручает, но без печки тоска. В зимнее время баба Ньюша проводит короткие дни и длинные ночи в построенном сыном коттедже, будь он неладен. Не дом, а музей. Сын-дурак выстроил. Хотел односельчанам нос утереть. Да ладно бы для себя — сам в городе живет, а то для родной матери. От людей стыдно. С наступлением тепла баба Ньюша перебирается в родную избу.

Следующим моментом, лишившим нас дара речи, было содержимое холодильника, которое она безжалостно выгребла на стол, от души радуясь, что теперь оно не протухнет. Рыбный деликатес, поименованный так почти в каждом сканворде, то-бишь икру черную, икру красную водрузила на стол прямо в килограммовых пластиковых ведерочках, остальные разносолы щедро и красиво разложила на тарелочках. Мы с Наташкой метелили все подряд, постанывая от удовольствия. Подруга даже предположила, что в нашей жизни началась белая полоса удачи. Гурманам потихоньку, деликатесы так и сыпятся. Того и гляди, надоедят.

Баба Ньюша участия в трапезе не принимала, просто стояла, прислонившись к стене, и получала удовольствие от созерцания двух особ с голодного края. И вдруг всплакнула навзрыд, закрыв лицо ладонями. По отрывистым причитаниям стала понятна причина. Бедняжка даже угостить никого не может, подруг в гости пригласить — проблема, всех растеряла. А все через этот проклятый коттедж да деньги, которыми сорит непутевый сыночек. Каждые две недели пополняет запасы. Нет, желающих вкусно поесть в деревне уйма, но только потом ославят на всю деревню — совсем, мол, Ньюшка зажралась. И без того сплетен хватает. Один Иваныч и выручает. Добрый дедок, хоть и старый совсем, зато с понятием. С ним поговоришь, словно из чистого родника водицы напьешься.

Мы в два голоса принялись уговаривать бедняжку успокоиться. Чувство зависти нам не ведомо и нас ничем не удивишь, знавали разные времена. Слопаем со стола столько, сколько сможем, и искреннее спасибо скажем. А в тяжелые разгрузочные дни с благодарностью будем

вспоминать бабу Ньюшу. Да и такого заботливого сына, как у нее, еще поискать надо.

Баба Ньюша резко прекратила причитания и, отняв от лица руки, словно закаменела.

— Надо... еще поискать. Да, — неуверенно повторилась я, ощутив легкий толчок от Наташки. И тут же настроившись на другую волну, понесла утешительную ахинею. Дети бывают разные, на всех не угодишь. Воспитываешь в них одно, а получаешь... то, что получаешь.

Баба Ньюша тяжело села на стул, скрипом напомнивший о своем почтенном возрасте.

— Я ведь его одна тянула. Муж-то еще молодым помер. Работала, рук не покладая, чтобы Мишка ни в чем нужды не знал. Только не получалось по-моему. Все в дефиците. И деньги есть, а ничего на них не достать. Все с большой переплатой. Но как-то вот крутилась. Мишка все говорил: как вырасту, заработаю много денег, ты у меня, мама, ни в чем не будешь иметь недостатка. Маленький, худенький — в отца пошел. Я, бывало, все смеялась над его обещаниями, а вон оно как повернулось. В тринадцать лет поставили на учет в милиции. За грабеж. У нас тогда все отложенные деньги украли, на хлеб и тот не хватало. Он и решил поправить положение. Двое старших дружков в палатку влезли, а он на улице караулил. Внутри продавщица спала — на съемке квартиры сэкономила. Много тогда на них списали, хоть они сразу и драпанули с пустыми карманами. После суда он злой стал, люди сочинили, что в бандюки подался. Вся деревня от страха тряслась. Потом вроде поумнел, остепенился. Я, говорит, мама сколотил начальный капитал, по-человечески жить будем. Какую-то свою фирму в городе открыл, я в этом ниче не понимаю. Что-то там с компьютерами делали. В прошлом году его депутатом выбрали, квартиру в городе купил. Только прошлое-то, словно ниточка за иголкой тянется. Пошли слухи, что Мишка неугодных ему людей убирает. Но мне не верится, он всегда был жалостливый, котенка не обидит. Вон, деньги на реставрацию церкви дал, батюшка его все время добрым словом поминает. Дед Иваныч тоже к Мишке хорошо относится, советует не верить слухам. Брехня, мол. А мне все равно Мишкины деньги поперек горла. И продукты, что привозит, тоже.

— Дед Иваныч — это кто? Ваш родственник? — скромно опустив глаза долу и пытаясь повернуть в большом бокале чая неподдающуюся ложку, поинтересовалась я.

— Ирка, ты что делаешь?! — заорала Наташка.

— Не знаю, — смущенно призналась я, уставившись на дело рук своих. — Похоже, решила есть красную икру ложками. Через силу. Мне

больше селедка нравится. Плебейка. Извините, баба Ньюша, промахнулась, сама не заметила, как так получилось.

Я моментально пристроила ложку с икрой в Наташкину чашку с чаем, придвинув к себе свою. В отличие от меня, подруга этот деликатес обожает. Ой, она так вопила! Но не от радости. Вот и делай людям добро.

Не помню, в какой момент мы с Наташкой решительно променяли поездку в пансионат на трехдневный (ориентировочно) постой у бабы Ньюши. Нам было достаточно одного обмена выразительными взглядами, хотя мы предварительно и не сговаривались. Для меня решающее значение имела фраза хозяйки о том, что ей надо добежать до деда Иваныча, чтобы забрать у него белье на постирушки. Сынок приобрел для матери дорогущую импортную стиральную машину. Единственный агрегат, который она освоила, и не нарадуется. Не то что посудомойка. Только зря место занимает.

Наташка поддакнула и ловко перевела разговор на деда Иваныча. Сослалась на Митяя, который сболтнул, что столетний бедняга живет бирюком, ни с кем не общается и никого к себе не допускает.

— Да уж не допускает, — охотно согласилась баба Ньюша. — Натерпелся он от людей горя.

— Жалость какая... — вздохнула Наташка. — Та к хочется послушать рассказ очевидца значимых исторических событий. За сотню лет наша страна много наворочала.

— Даже и не думайте! — отмахнулась от нас баба Ньюша. — Дедка доживает свой век, как ему хочется. А незваных гостей и на порог не пустит.

На этом нам бы и успокоиться, но возмутилась интуиция. Та к и зудела уверенностью, что Бирюк Иваныч имеет определенное отношение к происшествию с затонувшей машиной и пассажирами. А они, в свою очередь, причастны к поэтапному исчезновению всех Синициных. Вот только с Динкой не разобрались. Сама ли она ушла, или ее «ушли» не по собственному желанию девицы.

Я попробовала навязаться бабе Ньюше в провожатые, но она категорически отказала. Не приведи господи, дедка узнает, потом не оправдаешься. Да и время будет позднее, кроме того, от хижины деда ей прямая дорога в коттедж. Не хочется возвращаться с нами назад. Одним нам не мудрено и заблудиться. Еще в болото черти занесут, а там марево. Всякие видения начнутся. Какой-то местный мужик шел с автобусной остановки пешком да заплутал. Через пару дней за тридцать километров нашли. Спятил. Полгода ни жену, ни детей не узнавал. Считал себя холостяком и отказывался платить жене алименты. И еще один интересный

факт: оказывается, раньше деревня имела символическое название «Упыри». Это позднее, когда Библию принудительно заменил «Кодекс строителя коммунизма», а атеизм был объявлен нормой жизни, к названию прибавили букву «П».

Я удивилась. Как можно заблудиться, если с этой стороны болота хорошо видна противоположная, а на ней домики садоводческого товарищества. В ответ баба Ньюша усмехнулась, слегка поклонилась столу и заявила: «Марево!» До ближайшего строения садоводов-товарищей не меньше полутора километров. Отсюда дома не разглядеть.

Мы, признаться, стухнули. Мало на нас в последние дни свалилось? И до этого не единожды сталкивались с разной чертовщиной. Правда, ей в конце концов почти всегда находилось реальное объяснение. Но ведь имелись и исключения. А сейчас, на ночь глядя, такие страсти от бабы Ньюши самое оно! Лучшее лекарство от неумного любопытства. С необузданным желанием незамедлительно накрыться одеялом с головой. А посему мы легко согласились встретиться с бабой Ньюшей завтра утром. Рано она нас не потревожит, на огороде дел полно. Как сами выползем из дома, так и с добрым утром.

До темноты мы обсуждали животрепещущий вопрос, возникший у Наташки: черти грамотные? Вдруг они плохо изучили карту границ своей болотной резиденции. Избушка бабы Ньюши как-никак на краю деревни. Можно сказать, на отшибе и рядом с болотом. Если мужик заплутал, что мешает сделать это чертям? Для них вообще закон не писан, и едва ли они имеют приборы ночного видения.

— Черти в своем уме. Водка проклятущая мешает им сбрендить, — миролюбиво пояснила женщина. — Сами не пьют, а вот других на это дело подначивают. Недаром алкашам в «белой горячке» черти мерещатся. — И, взглянув на наши вытянувшиеся физиономии, тихонько засмеялась: — Да не берите в голову, пошутила я.

Смеяться не хотелось. А после ухода хозяйки совсем стало жутковато. И это несмотря на включенный ночник и мои с Наташкой непрерывные переговоры. От дивана до кровати. Каждая из нас боялась бессонницы и надеялась заснуть первой.

Старый дом потихоньку поскрипывал — своеобразный «ревматический синдром». Слух обострился. Постоянно слышались чьи-то горестные вздохи. Может, Наташкины? Но спросить я не решалась, вдруг они из другого источника? Мои волосы заняли устойчивое вертикальное положение. В голову не ко времени полезли жуткие воспоминания об утопленниках, мертвой фрау Райнхильде и пропавших Синициных. О

Тукане не думалось. Мы его, слава богу, ни разу не видели. Ни живым, ни мертвым. В тот момент я даже не подозревала, как ошибаюсь.

Устав от бессмысленной болтовни, мы перешли на новый позывной. Пароль: «Спишь?» Отзыв: «Не-а». Через какое-то время, тянувшееся невероятно долго, Наташкин пароль стал вытаскивать меня из состояния дремы, но, очнувшись, я четко шпарила отзывом. Когда кончилась эта партизанщина и мы заснули, не помню.

Разбудил громкий стук в окно. Спросонья не разобравшись, обе проорали «Не-а!» и вскочили.

— Черти заблудились! — испуганно предположила Наташка. — У них сухой закон отменили, вот они и нажрались самогонки. Теперь им везде пьяные собутыльники-алкаши мерещатся, от глюков обратную дорогу потеряли.

Новый стук в окно приобрел требовательный характер. Следом послышался голос бабы Ньюши:

— Девки, проснитесь, откройте дверь!

Мы впали в оцепенение. Проснуться-то проснулись, но вдруг это не баба Ньюша, а чертова бабушка? Выключив ночник, я бочком пробралась к окну, немного отодвинула занавеску и выглянула на улицу. Под окном никого не было. «М-марево», — едва слышно пролепетала в темноту комнаты. Но тут раздался мощный стук в дверь. Наверное, колотили ногами. От новой волны страха мы озверели. Включив свет, похватали для самообороны все, что попало под руки. Хозяйственная Наташка — табуретку, которую я сшибла по дороге к выключателю, все равно не на месте валяется. Я подцепила будильник, родом из прошлого века. Если шарахнуть им нападавшего по башке, он точно не будет думать о секундах свысока. Разве что в положении лежа. С этим «арсеналом» и двинулись к входной двери, за которой голосом хозяйки надрывалась невидимая сущность. На всякий случай припугнули ее смесью угроз, главной из которых, пожалуй, можно считать немедленную мелиорацию, то-бишь осушение болота.

— Да откройте же, бестолковые, дедку убили!!! — зашла в плаче баба Ньюша. — Я его на себе притащила, надо срочно в больницу!

— Мама дорогая!!! — вскинулась Наташка, отшвырнув табуретку. Я завопила куда естественней. Давно смирилась со своей хронической невезучестью, но прямое попадание табуретки в правую коленку окончательно выбило почву из-под ног.

Встретила я бабу Ньюшу болезненным воем, сидя на полу и раскачиваясь верхней половиной тела, как маятник. Но им с Наташкой

было не до меня. Правда, подруга предложила мне не убиваться по дедке Бирюку до такой степени. Это кощунственно. Мы его всего-то один раз и видели. Встреча, кстати, не из приятных.

Стянув с дивана покрывало, обе исчезли, оставив дверь открытой. При этом баба Нюша сверкнула мокрой и донельзя грязной спиной. Я сочла за благо уползти в безопасное место. Не приведи, господи, наступят или того хуже, уложат убиенного мне на коленки, в том числе на ноющую, больную. Прямо хоть под стол залезай. Повизгивая, я так и сделала, но, как оказалось, просчиталась. Не успела опомниться от боли, как заявила Наташка и с порога наградила меня обидными званьями. Выяснилось, что я, бессердечная и безответственная, нашла укромное местечко для душевных переживаний в то время как она физически по уши задействована в спасательных работах. Колдун Бирюк Иваныч оказался живучим. Запросил у бабы Нюши странное подтверждение — унесла ли? Она подтвердила, он и успокоился. Потом оказал решительное сопротивление загрузке в машину для транспортировки в больницу, и это с серьезной травмой головы. Против «скорой» тоже был настроен категорично. Уверял, что еще не готов к смерти. Долгов много. А о полиции вообще слышать не хотел.

— Такой порядочный и рассудительный! Может, ему еще раз по голове шлепнуть? — кривясь от сострадания, всхлипнула Наташка. — Только аккуратненько. В качестве временного снотворного. И сразу в больницу. А туда полиция сама нагрянет.

— Не надо, — простонала я из-под стола. — Тащите его сюда. В больнице деда и вправду добьют. Он реальный свидетель преступления с утопизмом.

Наташка округлила глаза, вздернула брови, но усилием воли привела физиономию в нормальное состояние.

— Без тебя знаю! — запальчиво заявила она. Мы это уже обсуждали. А ты не боишься, что дедушка умрет на наших... Нет, лучше на руках бабы Нюши? Они ему более дружественные, даже родные. Иванычу, скорее всего, нужна сложная операция, а не простая перевязка. И я не уверена, что в доме имеются подходящие медикаменты и перевязочный материал.

— Зато он имеется в твоей аптечке, — подсказала я, но подруга меня не слышала. Гнула свое.

— Можно рвануть в Москву, да боюсь, не доедет. Как назло, твой Ефимов отдыхает. Нашел время!

— Он не отдыхает, он работает. В нечеловечески трудных условиях.

— Да какой он человек? Одно слово, хирург-потрошитель. А ты, жена

хирурга, мать его детей, зачем под стол забралась? И еще шипишь оттуда. Взрослая баба, а косишь под испуганного котенка. Немедленно вылезай, поможешь нам деда затащить.

Травмированная коленка, о которой я временно забыла, дала о себе знать сразу после неловкой попытки вылезти. Не обошлось без стонов и ойканий. Узнав о причине, Наташка искренне удивилась, с чего это я решила застопорить запущенную ею табуретку коленкой? Она и сама бы приземлилась, не на орбиту же запущена. И ни слова самокритики!

Оставив меня отсиживаться, подруга понеслась на помощь бабе Ньюше, но убежала недалеко, до открытого дверного проема. Взвалив раненого дедушку на спину, заплаканная женщина тащила его на закорках, не прекращая слезного речитатива. В основном, жаловалась на несчастливую долю Иваныча и одновременно грозила неведомому злодею карой небесной. Какая жалость, что дедка его поганую рожу не видел. Наташка ей вторила, но угрозы подруги носили приземленный характер: поймать сволочь, дать по башке кирпичом и живым закопать в землю. Вместе с кирпичем.

Выглядел Бирюк страшно. Не потому, что был весь в грязи и в свое время обгорел на пожаре. Просто все лицо, руки, одежда были залиты кровью, и она продолжала вытекать из раны на голове.

— Что ж вы, баба Ньюша, так раненого в земле-то перевалили? — не выдержав напряженного молчания, попеняла женщине Наташка.

— Вот те крест! — перекрестилась она. — Такого в избе нашла. Пока тащила на себе, ни разу не уронила. Да он легонький.

Наташка раздраженно отмахнулась. Деда быстро обтерли влажными полотенцами, промокнули насухо и кое-как переодели в старые вещи Михаила. Подруга занялась раной на голове. Стерильные салфетки из ее аптечки быстро пришли в негодность. В ход пошли новые простыни бабы Ньюши. Раненый уже не оказывал никакого сопротивления доставке в больницу. Сидя на стуле, то и дело заваливался на бок. Я, как могла, его подпирала. В конце концов он потерял сознание. Ровно до того момента, пока мы не решились все-таки вызвать «скорую».

— Не надо... — прохрипел он своим неестественным голосом. — Кровь... сейчас... остановится. А боли... я давно... не чувствую... Полежу... маленько... Хочу рассвет... увидеть... Ньюша... настой, что тебе давал... примочку на голову и попить... Ей... мою мазь на колено.

Наташка разревелась от бессилия. Баба Ньюша ахнула, стукнула себя кулаком по лбу и кинулась на кухню к холодильнику. Я, не умеющая плакать, давилась рыданиями. В таком состоянии дедка еще заботится о

моей коленке! Как только углядел?

С трудом мы переместили Иваныча на диван и уложили на живот. Наташка безжалостно обкорнала ему волосы. После примочки настоем странного бурого цвета рана запузырилась и очистилась. Кровотечение и вправду остановилось. Подруга вздохнула с облегчением. Кость не задета, хотя гематома огромная. Неизвестно, как она себя поведет. Нужен рентген. Вдруг без трепанации черепа не обойтись?

Дед опять попросил пить, жадно сделал пару глотков из маленькой бутылки и окончательно обессилел. Баба Ньюша, перемежая слова сострадания молитвами, исхитрилась осторожно смыть с его лица следы крови мягким махровым лоскутом. Я поймала себя на том, что уродство деда не такое уж пугающее. Может, попривыкла? Нет, скорее оно меркнет перед кровавым результатом попытки его убить.

После очередной порции воды, часть из которой я бездарно пролила на пол, страдалец заснул. Баба Ньюша шепотом обозвала меня нескладехой. Вода-то святая. Я не обиделась, более того, напомнила, что не только безрукая, но еще и одноногая. Правая нога не сгибается в коленке. Хожу, как старый солдат, который не знает слов любви. Правда, Михаил Козаков в этой роли бесподобен, но я тягаться с ним и не собиралась.

Многозначительным кивком баба Ньюша пригласила нас выйти вон — на кухню. Нечего мешать Иванычу. Достав из холодильника баночку, напомнившую мне о бриллиантах в хреновой заливке, приказала сесть на злополучную табуретку и вытянуть проблемную ногу. Я подчинилась, только прикрыла распухшее и посиневшее колено ладонью, как зонтиком. На весу, не дотрагиваясь. Да оно отзывалось болью даже на легкое дуновенье сквозняка, которым несло от открытой входной двери. Надо бы ее закрыть на все запоры. А может, и не надо. Преступник наверняка уже спрятался где-нибудь. Или шастает в хижине деда Иваныча, отыскивая то, не знаю, что. Или... Впрочем, вариантов куча.

С трудом меня уговорили убрать «зонтик». Решающим аргументом послужило нешуточное обещание Наташки заорать на меня во все горло. А пусть мне резко похужеет от того, что похужеет Иванычу. Он непременно проснется, прервав процесс лечебного сна.

Закрыв глаза и сжав зубы, я ждала острого приступа боли. Не дождалась и открыла глаза. Благодетельницы в великом ужасе таращились на мое больное место, я в таком же ужасе таращилась на них. Взглянуть на точку стыковки табурета с коленом не решалась.

— Фига себе... — наконец выдавила из себя подруга.

— Не... Наверное, сильный ушиб, — голосом автоответчика возразила

баба Ньюша, машинально пряча руки с банкой за спину — то ли коленка вдребезги, то ли ее вообще перевернуло. Задом наперед или в бок. Боюсь проверить. Надо в больницу, на рентген.

После этих слов я впала в состояние ярости и сквозь все еще сжатые зубы процедила, что в больницу поеду только после деда Иваныча. На крайний случай — вместе с ним. Та к веселее мучиться. И бесстрашно взглянула на правую ногу. Ничего нога. Красивая. И очень похожа на левую. Точно моя. Жаль, слишком опухла в районе колена.

— Деточка, — мармеладным голосом обратилась ко мне баба Ньюша, — на, возьми баночку. Попробуй сама помазать, где больно.

— Ириша, возьми баночку, — голос подруги, присевшей около меня на корточки, дрожал. — Не заставляй меня идти на крайние меры.

— Так баба же ее не отдает, — удивилась я коллективному помешательству. — Она банку за спиной пригрела. Скакать за ней, как классический трусишка-зайка серенький под елочкой скакал, не собираюсь. У него четыре лапы ведущих, а у меня и последняя отказывает — устала вкалывать за двоих.

Коллективное помешательство быстро сменилось коллективным разумом. Получив «мазилку», я бесстрашно мазала коленку какой-то белой маслянистой смесью, удивляясь быстрому обезболивающему эффекту. Кожу приятно холодило. Куда там рекламным мазям и гелям! Две ассистентки с перекошенными от сочувствия лицами давали мудрые советы. Наталья предлагала поискать бинт и сделать фиксирующую повязку, баба Ньюша предлагала вначале поискать мою коленную чашечку.

Не прошло и пяти минут, а я уже вполне сносно могла немного сгибать и разгибать правую ногу. Потому и объявила, что «ремонт» закончен. На улице было достаточно светло. Определенно, мы перешли на ночной образ жизни.

Дедка крепко спал. Во сне в горле у него что-то сипело. Скорее всего, это укоренившееся последствие давнего пожара. Баба Ньюша решила было намазать его рану той же чудодейственной мазью, но Наташка отговорила. Без совета с Иванычем нельзя. Рана с повреждением мягких тканей головы, кровоточащая. Не приведи господи, возобновится кровотечение.

— Может, приляжете? — неуверенно спросила баба Ньюша и облегченно перевела дух, отметив наше отрицательное покачивание головами. — Тогда караульте дедку. Ира, помнишь, где бутылочка со святой водой?

— Все там же. На святом месте.

— Где-е-е? — встряла Наташка.

— Неужели не слышала? На святом месте! На полу около дивана, где я нечаянно пролила святую воду.

— А-а-а... Ну и ладно, значит, под рукой, — успокоилась баба Ньюша. — Мне надо кое-куда добежать и кое-чего прихватить. Я быстренько обернусь.

— Быстренько не получится, — мрачно заявила я. — Мы с Натальей вас назад точно не дотащим. На трех ногах — это проблема. Тем более что своими тормозить будете. — И, не дав женщине возразить, выдвинула категорическое условие: поход к дедкиной избе только групповой, с нашим участием.

Баба Ньюша нахмурилась и встала. С опозданием на пару секунд вскочили мы с Натальей. Для страховки я задействовала только левую ногу. Правую, прислушиваясь к своим ощущениям, присоединила к ней чуть позже и плавно. Слабая боль порадовала.

— Есть еще один момент... — Я помедлила, с интересом изучая потолок. Топорная работа. В смысле, когда ставили эту избу, рубанков, наверное, еще и в помине не было. — Иваныч не видел, кто его огрел твердым тупым предметом. Удар нанесли сзади, и дедуля упал. Вы же, баба Ньюша, нашли его в бессознательном состоянии. А когда он очнулся, личность злодея или злодейки, естественно, не назвал.

Высказавшись, я почувствовала себя хуже некуда. С одной стороны, это прямое обвинение в адрес добрейшей бабы Ньюши, с другой... Короче, с другой, всех нас больше устраивает, но проигрышный вариант. Оправдываться и извиняться мне никак нельзя. В первом случае женщина просто вынуждена обидеться и взять нас с собой. Во втором, предпочтет рисковать одна. А где гарантия, что преступник, выждав время, не поспешит в ту же избенку за тем же, зачем и баба Ньюша. Встреча им обоим не понравится. А нам не понравится ее результат.

Но женщина моих обвинительных «тенет» не то что не поняла, а вообще не заметила. «Ну да, сзади шандарахнули гады», — с готовностью согласилась она. Сообразительная Наташка с подозрением спросила, откуда бабе Ньюше известно, что преступников было несколько? Баба Ньюша сразу сослалась на меня, поскольку именно я озвучила это количество: злодей и злодейка. Дураку ясно, если их сложить, один преступник никак не получится. И обе посмотрели на меня. Ждали вразумительного ответа. Да кто бы спорил! Я моментально согласилась с тем, что дважды два — четыре.

— Пожалуй, я сейчас никуда не пойду, — испуганная этим количеством, нападавших, баба Ньюша присела на освобожденную мной

табуретку и прижала правую руку к сердцу. — Хотела Иванычеву избу закрыть да забрать из кустов его пакет с бельем. Ну уж бог с ним. Вот утром дедке полегчает, вместе с ним сходим. А то и Мишке позвоню. Пусть на своем американском «козле» довезет. Тут и ехать-то! В объезд пятьдесят метров.

— Баба Ньюша, — заволновалась я, — если не секрет, что именно вам следовало захватить от деда Иваныча?

— Да какой же секрет? — женщина поменяла на груди руку. — Бельишко я у него еще днем собрала. Понесла было домой, а он попросил повременить. Помыться к вечеру хотел. Чистюля дед, не то что некоторые. Ну, я пакет-то с бельем в лопухах у калитки и оставила. Наказала пихнуть туда и другую сменку, попозже все вместе и заберу. Чтобы не тревожить дедку. Он рано ложиться, а я могу и припоздниться. Этот пакет вместе с дедкой я и прихватила. Только немного не донесла.

Честно говоря, я не очень ей поверила. С какой стати раненому Иванычу беспокоиться о спасении грязного белья?

Баба Ньюша неожиданно насторожилась и прислушалась.

— Никак голоса чьи-то?

— Потусторонние? — бесстрашно поинтересовалась Наталья, позволив себе ироничную улыбку.

— Ну да, — подтвердила женщина, мигом погасив Наташкин задор. — С той стороны вроде кричат. — Она махнула рукой в сторону улицы.

Теперь уже мы и сами слышали отдаленные, но массовые вопли ужаса, в которых преобладали женские голоса.

Огонь бушевал недолго, но жар был настолько сильный, что люди жались в кучку далеко за забором, не решаясь подойти ближе. Некоторые были с ведрами, совершенно ненужными в данный момент. В считанные минуты от избы деда Иваныча остались одни головешки. Именно они и стали предметом обозрения пожарников, в кратчайший срок прибывших по вызову кого-то из жителей деревни. Убедившись, что распространение огня другим строениям плюс лесу по причине значительной удаленности да мокрой погоды не грозит, пожарники добросовестно залили тлеющие головешки водой из болота. И никакой пены!

Причины возгорания первоначально назывались три: непотушенная сигарета, выпавший уголек из печки и неисправность электропроводки. Выяснив у словоохотливых граждан, что престарелый Иваныч никогда не курил и печку, начиная с апреля месяца, не топил (экономил дрова), командир пожарного расчета уверенно обругал неисправную электропроводку.

С чувством честно выполненного долга пожарные уехали, а народ и не думал расходиться. С болезненным любопытством, густо замешанном на страхе, поглядывал на центральную часть пожарища и негромко обсуждал случившееся. Уродливым шалашом торчали черные, не успевшие догореть бревна, да вызывающе демонстрировала себя уцелевшая печка с трубой. Поговаривали о судьбе, которую не обманешь и от которой не скроешься. Видно, колдуну на роду написано погибнуть в огне. Просто велика была его тяга к жизни, вот она и преподнесла ему подарок: хочешь наперекор судьбе жить, живи уродом. Если сможешь. Он смог. Жил, мучился болями душевными и телесными. И все равно ЖИЛ! Пока «там», наверху или внизу, неясно, это кому-то не надоело. Вывод переговоров односельчан был один, уже озвученный: от судьбы не уйдешь. Теперь остается только ждать загулявшего участкового с нарядом полиции и труповозкой. Интересно, найдутся у местной власти деньги на похороны останков колдуна или собирать придется? Кто-то выдвинул идею благотворительных взносов со стороны многоимущих сограждан.

Баба Ньюша казалась невменяемой. Все знали ее непонятную жалость и привязанность к колдуну. Женщину тормошили, громко призывали «очухаться», ругали, сочувствовали — кто во что горазд, но она хранила стойкое молчание и незыблемость египетской пирамиды. Я не единожды

похвалила себя за предусмотрительность. Еще на «вылете» из дома строго предупредила бабу Ньюшу, чтобы ни словом не обмолвилась о чудесном спасении деда Иваныча, а заодно и своем. И сразу после заключения командира пожарных о неисправности электропроводки шепнула ей, бессловесной, что такая неисправность действительно имела место, но не как причина пожара, а как следствие.

Еще по пути к толпе собравшаяся с силами и мыслями Наташка на бегу делилась хаотичными мыслями о многочисленных возгораниях совершенно чужих владений, свидетелями которых нам с ней случайно довелось быть. Словно родились под знаком огненной стихии, но по неведомой причине не стали пожарниками. И все это здорово надоело. Если уж суждено в жизни пройти огонь, воду и медные трубы, то мы с ней явно застряли на первой ступени.

Я, как могла, уговаривала ее помолчать, но подругу словно прорвало. Она принялась обосновывать давно и не единожды перепроверенную жизненной, а зачастую судебно-следственной практикой аксиому: пожар — самое легкое и действенное средство для сокрытия преступлений. Бабе Ньюше исключительно повезло, за что ей надо в пояс поклониться Наташке, табуретке, ну и, так и быть, моему правому колену...

Та к ничего и не сказав толпе, баба Ньюша развернулась и побрела к своему дому. По дороге свернула к чахлой березке и вытащила из крапивы большой пакет. Надо полагать, с бельем. Мы с Натальей уныло плелись рядом, стараясь ступать по траве. Тропинка окончательно пропиталась дождем, и ее развезло. За нами увязалось несколько настырных деревенских баб, не оставивших желания добиться от нашей спутницы ответов на весьма дурацкие вопросы. Например, как ей теперь, бедняжке, жить без своего уroda? Ведь от переживаний да скуки спятит. На всем-то готовом! Только и остается, бегать в церковь грехи замаливать. И ничего, что в ней еще ремонт. Батюшка все равно службу ведет. Тут же вперемешку следовали жалобы на собственные проблемы с деньгами и здоровьем — плохо завуалированные советы, куда бабе Ньюше следует направить свои силы и средства сыночка Мишеньки. Чтобы, значит, не спятит. Процесс изложения жалоб был состязательный, но смысл один и тот же.

К моему удивлению, Наталья не предприняла ни одной попытки разогнать надоедливых бабенок. Это попробовала сделать я, но не тем тоном и не теми словами. Куда мне до Наташки! Вежливо попросив троицу сопровождающих (четвертая отстала) оставить бабу Ньюшу в покое, нарвалась на такое... Оказывается я, хромая на одну ногу нахалка, отнимаю чужой хлеб, притворяясь немощной и обезноженной. И надо еще

проверить, не я ли подожгла конкурента.

— У вас на плите молоко убежало, — полуобернувшись, спокойно и равнодушно бросила Наташка в адрес нападавших и потянула меня, вынужденную притормозить, за собой. Я удивилась столь простому способу ликвидации противниц. Классическая и одновременно классная фраза! Помнится, мои дети были в восторге от этого словесного отвлекающего маневра Карлсона, заготовленного для фрекен Бок. Команда сопровождения, встревоженная сообщением, сразу остановилась.

По мере приближения к дому, баба Ньюша постепенно распрямлялась, ее шаг становился уверенней. Она даже позволила себе перекинуться с нами парой ничего не значащих фраз. О том, что дождик не то чтобы кончился, но и не идет. Так, какая-то мокреть болотная. А синоптики обещают летом убийственную жару. Мы с оптимизмом поддакнули, пообещав пережить все выкрутасы погоды. Климат меняется, пора привыкать.

Намереваясь войти со двора, не сговариваясь, прибавили прыти, распугав десяток кур и ошалевшего петуха, едва не взлетевшего Наташке на голову. Вовремя отмахнулись. Сначала она, за ней я. Подкидной дурак в перьях! Испуг за деда Иваныча возник стихийно. А вдруг с ним... что-то не то. Мысли о трагичном исходе сразу оборвали — не накаркать бы.

Не накаркали. Дедка по-прежнему спал, не меняя положения. Под равномерное тиканье будильника. Судя по сухой марлевой нащлепке на ране, она не кровоточила. Окна оставили занавешенными. Баба Ньюша закрыла на засовы все двери. На цыпочках мы отправились в кухню, удовлетворенные ее заявлением, что Иваныч с лекарства теперь два дня проспит, не меньше.

— Значица, так! — довольно уверенно начала я и умолкла, взглянув на бабу Ньюшу. Женщина на глазах постарела лет на двадцать.

— Значица, как? — поторопила меня с продолжением подруга, и я, словно от толчка, заговорила совсем не о том, с чего собиралась начать. Первым делом уверенно объявила, что баба Ньюша нашла раненого в избе.

— Ага, — с иронией подтвердила подруга. — Там у него была такая же погода, как и на улице — дождь и слякоть. То-то он прибыл весь в грязи.

— Правильно, в избе, — не понимая важность этого заявления, подтвердила баба Ньюша. — Я у калитки пакет с бельем не нашла и пошла к двери, Думала, там пакет-то. Глядь, а дверь открыта и внутри вроде кто стонет. Вошла. Дедка лежал лицом вниз, а рядышком этот пакет, будь он неладен. Я закричала, а Иваныч медленно так сказал:

«Домой к себе унеси. Скорее». И разом обеспамятел. Ну, я его на

спину, пакет в руку и сюда. Только по дороге пришлось белье бросить.

— Хочу вас порадовать, — милостиво объявила я. — Вне сомнений, убийца не знает, что дедка жив. Более того, не знает, кто и когда его спас! Слава дождливой мокрети!

— Воистину слава! — эхом отозвалась Наташка.

— Слава тебе, Господи! — сурово поправила баба Ньюша. Мы присмирели и перекрестились. — А причем тут мокреть-то? — она с недоверием смотрела то на меня, то на Наташку.

— Притом, — вздохнула Наташка. — Получается, что Иваныча треснули по голове на улице и потом, особо не церемонясь, затащили в дом.

— Совершенно верно, — подтвердила я. — Возможно, он почувствовал опасность и попытался бежать, но не успел. А после удара его приволокли в избу. Что-то от него требовали. — Я потеряла переносицу и в волнении присвистнула: — Неужели так и было задумано?! — Ни Наташка, ни баба Ньюша мне не возразили, что позволило уверенно заявить: — Иваныча хотели припугнуть и заставить в чем-то признаться. Нет! Что-то отдать! Не исключено, что и то и другое вместе. По идее, убийце заранее следовало прихватить вспомогательный горючий материал — бензин или керосин, не знаю, чем он располагал. Понимаете? Но этот гад понесся за ним позже, когда решил, что перестарался и убил деда, а обыск в избе ему ничего не дал. Вот и решил уничтожить свои следы. Добыв горючее, этот урод внутрь уже заходить не решился, хотя логичнее было бы поджечь избу изнутри. Дождь все-таки. Однако он устроил погребальный костер снаружи. И с поджогом торопился — светало. А пока носился за бензином-керосином, баба Ньюша дедушку утащила. Убийца поджег пустой дом и сейчас пребывает в уверенности, что избавился от Иваныча. Нельзя его разочаровывать.

— А придется, — нахмурилась Наташка, подпирившая печку. — Полиция на пепелище никаких человеческих останков не найдет, пойдут разговоры, сплетни...

— Сплетни — это хорошо, — улыбнулась я. — Какие человеческие останки от колдуна? На то он и колдун. Вылетел в трубу, и порядок. Сидит сейчас где-нибудь в астрале и разрабатывает планы мести обидчикам. А мы выберем подходящее время и вывезем Иваныча за пределы этих Упырей с упырятами. Придется искать безопасное место.

— Мишка вывезет! — воодушевилась баба Ньюша.

— Ни в коем разе! Мы сами, — решительно возразила Наташка. — Уже достаточно «знающих» людей. А машина вашего сына нам очень не

нравится. Слишком заметная.

— Сейчас самое главное ничем не выдать присутствие Иваныча в доме, подхватила я. — Нам с Натальей логичнее отсюда сбежать. Устроим показательные выступления с отъездом. Наше бегство для деревенского народа вполне объяснимо: какой может быть отдых там, где людей вынуждают отправиться к праотцам на машине по дну озера или ни с того ни с сего бьют по голове и поджигают?

— Никто не догадается, что мы прихватили с собой Иваныча. Ир, скажи?

Довольно убедительно, на мой взгляд, я внесла кое-какие коррективы. Следует немедленно выехать из Пупырей, но пока без деда. Основание — вроде как стихийно возникший план поиска летней резиденции в садовом товариществе по ту сторону озера. Подумаешь, шесть или восемь соток! Зато огороженные и все на виду. Даже соседские походы в туалет незамеченными не останутся. Если, конечно, это товарищество не исключение из правил. И прямо спросила у хозяйки, не было ли там за последние дни и недели каких-нибудь несчастных случаев или чего похуже? Если были, наша поездка туда в поисках более спокойного места не будет выглядеть для односельчан нормальной.

— Да ничего не слышала, — уверенно сказала баба Ньюша. — Чего у них может случиться? Если бы что произошло, вся деревня гудела б. Не любят у нас городских-то, хотя некоторые только за их счет и кормятся. Каждый день, считайте, катают к дачникам подрабатывать.

— Фига себе... — удивилась Наташка.

— Совсем ни фиги! — с не меньшим удивлением откликнусь я и тут же спохватилась: — А это точно не ваши пупыряне утонули на озере? Может, после подработки хлебнули лишнего и потеряли дорогу домой.

— Да что мы, своих не знаем? — удивилась баба Ньюша. — Приезжие какие-то. Батюшка ходил смотреть.

Я мгновенно перевела разговор ближе к делу:

— Баба Ньюша, скажите честно, что было в пакете с бельем?

— Ос-споди, дался вам этот пакет! Да ничего такого в нем не было. Документы, награды, фотографии старые — вот и все богатство, что нажил. Чувствовал Иваныч беду. Спросите у него разрешения посмотреть. Разрешит, покажу.

— Что ж, в таком случае настаиваю на предложении прямо сейчас скатать в товарищество. Сразу, мол, подхватились и понеслись искать новое пристанище. Вернемся вроде как за вещами, а стемнеет, вместе с дедкой укатим совсем. У меня, баба Ньюша, муж врач и очень порядочный человек,

через месяц должен домой вернуться. Позвоню ему и попрошу переговорить с московскими коллегами по поводу госпитализации Иваныча. Я ему, как себе, верю.

— Больше, чем себе! — поправила Наташка, отлепляясь от печки. — От того у тебя и комплекс неполноценности сформировался. Так, ближе к делу! — Она слегка хлопнула в ладоши. — Баба Ньюша, нам нужен куриный помет и пара-тройка пакетов.

— Матерь Божья... — собеседница бессмысленно моргала глазами, пытаясь увязать помет с лечебными способностями и порядочностью моего мужа. — Да вон, в курятнике, нагребайте. Только он с сеном.

— Плохо! Нужен чистоган. Придется перетряхивать. — Наташка покосилась на мои сложенные на левом колене руки. Я мгновенно спрятала их за спину. — Нам хотя бы пакетик набрать, — умерила она свои желания.

Баба Ньюша попыталась было что-то сказать, но Наталья ее сразу осадила своим «Приманка! Потом объясню».

— Чайку хоть попейте! Или давайте картошечки отварю, — сорвалась с места гостеприимная хозяйка, наливая в чайник воды.

— Некогда... — хитро взглянув, вздохнула Наташка. — Еще помет сортировать...

— Как же без завтрака, да после такой нервозности? Ночь неспавши. Тогда вот что. Вы тут сами управляйтесь, а я пока навоз приготавливаю.

— Как-то неудобно... — потупившись и прижав руки к груди, заскромничала подруга.

— Нет, если, конечно, не доверяете... Я же не знаю, для каких целей вам это «добро».

Наташка явно испугалась. Уж слишком активно принялась уверять бабу Ньюшу, что лично мы доверили бы ей любое дело, которое нам могли поручить, включая то, которое само на нас свалилось.

Насладиться третьим по счету бутербродом с икрой подруга не успела. А я вообще успела только открыть рот, да и то для того, чтобы поторопить ее. Мне было не до завтрака — слегка подташнивало и голова разболелась. Наверное, надышалась на пожаре угарным газом.

— Хватит?

Возникшая на пороге баба Ньюша активно потрясла внушительным мешком, распространяя убойную вонь. Зажав рот рукой, я пулей понеслась в туалет, слыша, как мне вслед удивляется баба Ньюша: «Чегой-то она?» Спустя пару минут, женщина догнала меня, «такую дохлую». Почему-то решила, что я вцепилась в изгородь и закрыла глаза исключительно с намерением выспаться стоя. Все причитала по поводу моего недосыпа. А

главное, заставляла хлебнуть из чашки какого-то пойла. Не скажу, что запах был такой же, как от мешка с куриным «приветом». Я, с позволения сказать, от пойла «морду воротила», а посему не нюхала. Смуцал цвет очень насыщенной «детской неожиданности».

— Пей!!! — прогремел над ухом голос подруги. Мои зубы выразительно стукнули о чашку. В какой момент баба Ньюша обернулась Наташкой, я не заметила. — Пей, сказала! И не выделывайся. Все разом! В три глотка. Попробуй только пролить!

Мне очень хотелось выступить с короткой речью: «В смерти моей никого не виню, ибо верую — мне добра желали». Помешала чашка. Или зубы? Торопливо глотая жидкость, напоминающую настой шиповника с лимоном и чем-то еще непонятным, горьковато-пряным, я решила, что, пожалуй, еще поживу во славу Отечества.

— Отлежишься в машине, — сердито буркнула Наташка. — Небось давление понизилось. Выше крыши.

— Ниже крыши, — облизнувшись, поправила я.

— Какая разница? Все равно у тебя эту крышу снесло. Баба Ньюша, чашку возьмите. Ну что, болезная, полегчало?

— Не знаю...

— Я знаю. У тебя цвет лица изменился. В лучшую сторону. Домой не заходи, идем сразу в машину. Мешок с навозом ждет. Ирка, блин! Без изгороди!

Прислушавшись к своим ощущениям, я убедила себя, что мое самочувствие почти хорошее, и смело оставила заборчик. Мы еще не доехали до шоссе, как от плохого самочувствия даже воспоминаний не осталось. Они были более важными — мы никак не могли вспомнить имени Гелькиной соседки, владелицы садового участка под номером 53. А ведь она громко его прокричала вслед удирающей Наташке.

— Потому я и удирала, — проворчала подруга. — С ветерком. Хотелось, чтобы ее имя навсегда из головы выветрилось. Хуже мешка с курьей... Ой, вот только не надо так кривиться! Кто ж знал...

Временно «безымянная» по нашей вине соседка встретила нас у своего забора с хлебом и солью. Прямо у деревянной калитки Наташка и притормозила. Огромный ломоть черного хлеба, посыпанный крупной солью, который женщина с аппетитом уминала, глядя на раскидистые листья пиона, вызвал у меня слюнотечение. Не успевала сглатывать. Наташка худо-бедно (а если честно, совсем не худо и далеко не бедно) перекусила, а у меня во рту с прошлого вечера, кроме лекарственного настоя, маковой росинки не было. Жадность, с которой я пожирала глазами «бутерброд», заставила дачницу извиниться и спрятать его за спину.

— Здравсьте! — рассыпаясь благодушием, выкатилась из машины Наташка. — Мы свое слово держим. Вам обещанный «деликатес» для растений привезли. Только вы уж сделайте одолжение, сами его достаньте из багажника. Ир, ну что сидишь, возьми у человека полбуханки. Поддержать не можешь? Не волнуйтесь, у нее руки чистые, — подруга ухитрялась разговаривать на два фронта, ей не привыкать.

— Деликатес? — переспросила дачница, не спеша передавать мне хлеб. Вытащив его из-за спины, она откусила солидный кусок. — Мне деликатесов не надо, я на пенсию живу.

— Гуманитарная помощь от общества пернатых по линии социальной защиты населения, — невозмутимо доложила Наташка, удивляясь непонятливости пенсионерки. — Куриный помет заказывали?

— Ой, это, наверное, Галка! Сестренка моя, — засуетилась дачница и крикнула в глубину участка: — Галина Петровна, радость-то какая, вам бесплатно дерьма привезли!

— Иду-у... — отозвался напевный женский голос.

— Мы с ней в контрах, — хихикнула женщина. — Приехала, привезла свежего «Дарницкого», так привязалась, почему я от новой буханки кусок отрезала, надо, мол, старый хлеб доедать, который в холодильнике мерзнет. А я ей говорю, это что ж получается, свеженького в свое удовольствие теперь вообще не поешь? А она мне... О! Явилась!

«Гуманитарная помощь от общества пернатых» как-то неожиданно раздалась в объеме и ассортименте. Не сговариваясь, мы с Наташкой избавились от большей части продуктов, сдуру закупленных в Пупыринском магазине. При этом Наталья заверяла меня, что никаких убытков от благотворительной деятельности мы не понесли. В Пупырях

нас бесплатно угостили такими вкусностями, о стоимости которых страшно даже подумать.

Раскрасневшиеся пенсионерки очень нервничали, реагируя на ситуацию одинаково: «Ну как же так?.. Зачем же бесплатно?.. Ой, как-то нехорошо...» Но лично мне было очень хорошо. Свеженький черный хлеб, посыпанный крупной солью и слегка политый сверху растительным маслом — это что-то!

За чаем на открытой веранде выяснилось много интересного. Жизнь садоводов в общем-то достаточно размеренная и однообразная. Бедна на интересные события куда больше, чем деревенская. У пупырятинских в пятницу целый автобус с пассажирами в озеро въехал. Кто-то вроде даже утонул. Зато и в товариществе произошло целых два события, вызвавших много пересудов. Вернее, одно. Наш с Натальей пятничный приезд за рамки сверхъестественного не выходил. Зато привел к серьезным разногласиям между соседями. Другое событие — субботний ложный вызов полиции. Он немного сгладил разногласия. Тем не менее с соседями сестры три дня разговаривают подчеркнуто вежливо. А причина проста: Полина была уверена, что все Сеницыны давно уехали. Последней в среду отбыла тетка Катерина. Полина вместе с ней на автобус садилась. Катерина-то и проговорила, что с дочерью и внучкой улетает в Австрию. Пригласили, мол. Не выдержала бабка, уж очень хотелось похвастаться. А вот кто пригласил, не сказала. Наверное, старые знакомые объявились или родственники. Та к что в пятницу днем сестры были уверены: все Сеницыны за границей. Но живущая напротив сестер Зинаида уверяла, что они на даче — видела Катерину на участке ранним утром, чего никак не могло быть. Якобы старшая Сеницына шастала между кустами, сверкая своей старой коричневой курткой. Ее правоту подтвердил полуслепой муж. Попробовал бы не подтвердить! По молодости много куролесил, вот раньше времени и заработал инвалидность. Теперь соседка царица, а он у нее на посылках. Всегда поддакивает. А вот правоту Полины могла подтвердить только Галина, но она вообще не участвовала в дебатах — запоздала к моменту спора. Заявившись же, с ходу пристала к нам с куриным пометом. Очень вовремя мы подкатили. А ведь именно Галка обнаружила на своем участке любимый рыхлитель тетки Катерины. Прямо под яблоней, в молодые годы посаженной неопытными сестрами слишком близко к забору Сеницыных. Но они не в претензии. Весь урожай с веток, раскинувшихся на их территории, им и принадлежит.

Разговор ушел в сторону урожайных сортов, сестры заспорили, мне с трудом удалось вернуть их к валявшемуся под яблоней рыхлителю как

доказательству отсутствия на участке Сеницыных.

— А его у нас Катерина обронила в прошлый понедельник, — поморгав глазами в процессе размышления над моей тирадой, заявила Полина. — Она приходила за ирисами. А Галка потом нашла. В четверг утром, когда собиралась в Москву за пенсией. Покликала тетку Катю, та само собой не отозвалась. Уехала же собираться в поездку. Я с сестрой этой новостью не делилась, не разговаривали мы. Но тут не выдержала и сказала Галке, что она зря надрыгается. До Москвы не докричатся. Все Сеницыны одной ногой в Австрии. И посоветовала рыхлитель через забор назад перекинуть. Она и перекинула. А в пятницу вечером вы приехали. Настырная Зинаида напомнила вам, что на калитке Сеницыных есть звонок. Я и порадоваться не успела Зинкиному промаху, как вам тетка Катерина ответила. Хотя и не совсем своим голосом. Ну, если больная была, то конечно... Хотела я ее попозже навестить, да подумала, неудобно ставить старушку в неловкое положение. Нахвасталась, мол, передо мной своей заграницей, а ее туда и не взяли. Тем более, вы бабушку навестили. Как она там поживает?

— Нормально. Уехала, как и обещала, — лаконично сообщила Наташка, укоризненно покачивая головой: не то, чтобы правда, но и не ложь. — А вы больше на ее участок не заглядывали?

Пытливо-насмешливый взгляд Полины мне не понравился. Я едва не подавилась хлебом-солью. А она спокойно сказала:

— В калитку Зинаида звонила, никто не открыл. Тихо у них было. А в субботу полицейская машина приезжала, автоматику на воротах зря раскурочили. Они открыты были. Вроде чей-то труп у Сеницыных искали. Да где ж его взять-то? Очень ругались за ложный вызов. Даже следов крови не нашли. Мы им домашний телефон Сеницыных дали, пусть с ними объясняются. Вами тоже интересовались, но никто из нас номер машины не запомнил. Не сказать, чтобы ребята расстроились, пообещали, что сами вас найдут. Не нашли?

— Где? — испуганно спросила Наташка.

— Ну откуда же мы знаем, где? — закономерно удивилась Полина. — Да они и искать-то никого не будут. Сама слышала, как один из них докладывал по телефону, что все проверено, вызов ложный. Скучным таким голосом. Про какую-то директоршу магазина говорил, мол, она к звонку никакого отношения не имеет, а свой кабинет открытым никогда не оставляет. И посторонних у нее не было. Врет, конечно, но с Сеницыными в самом деле не знакома и в родственницах не состоит. Без них дармоедов хватает. Со слов соседки-дачницы в пятницу на участке находилась только

сильно простуженная Синицына-старшая, женщина пожилая. Дочь с внучкой улетели на отдых в Австрию, а бабуся две хорошо знакомые ей женщины увезли с дачи к себе лечиться. Личности знакомых пока не установлены.

— Ну правильно! И вообще, зачем нас устанавливать? Мы с трупами не общаемся. Если надо, пусть ищут их в других местах, — оживилась Наташка в отличие от меня.

Новость была осознана мною еще не полностью. Сомнения копились. На всякий случай, я прикрылась козырьком из ладони, демонстрируя процесс глубокомысленной задумчивости.

— Вот заехали узнать, все ли у Синицыных в порядке, бойко щебетала подруга. — Бабушка волнуется за сохранность своего дачного хозяйства. Ириша, я, пожалуй, пойду, надо правую фару проверить — не горит. А заодно ручной тормоз. Если через десять минут на месте не буду, не сочти за труд прогуляться мне навстречу к шоссе.

Я благосклонно кивнула. Наташкин хитрый маневр был понятен — не желала засвечивать номера машины. В ее душе теплилась надежда, что сестры очередной раз их не запомнили. Да и покидать гостеприимных сестер вместе опасно. Обязательно пойдут провожать.

Лимит отпущенного мне времени я провела с толком. Толковали о разном. Пришлось трудновато: лавировала как на минном поле, избегая прямого попадания в честные ответы крамольных вопросов. Например, о нашем с подругой месте жительства в Москве, семейном положении, работе и материальном достатке. Неужели пенсионеры все такие любопытные? Скажи я сестрам правду, незачем и номер Наташкиной машины запоминать. Мало того, я продолжала маскироваться ладонью. То так, то этак. Будут составлять фоторобот, получусь неопознанным залетным объектом. Жаль Наташка засветилась своей розовощекой физиономией. Дылда здоровая! Словом, я основательно перенервничала. А дальше стало еще хуже. Пытаясь увернуться от очередного неприятного вопроса, я, как мне показалось, задала весьма удачный встречный: кем работали сестры до выхода на пенсию. Обычно ответы сопровождаются длительными приятными и неприятными воспоминаниями о прошлом. Весьма сложно прервать откровения в нужное время, но я решила, что как-нибудь справлюсь. Профессия сестер, помешавшая обеим устроить личную жизнь, произвела на меня неизгладимое впечатление: Галина всю жизнь промучилась в должности следователя райотдела милиции, Полина с полной самоотдачей трудилась следователем районной прокуратуры. Ее очередной прямой внимательный взгляд, сопровождаемый легкой

усмешкой, вызвал у меня очередной приступ панической нервозности.

Был момент, когда я потеряла почву под ногами и едва не обрела ее головой — слишком резко откинулась на спинку стула. Уж очень хотелось вздохнуть полной грудью, чтобы следом на миг задержать дыхание. Таким способом решила достичь душевного равновесия. Полной грудью вздохнуть удалось, удалось даже задержать дыхание, но не на миг. Пока откашливалась от глотка чая, который в замешательстве забыла предварительно проглотить, прошла целая вечность. Казалось, глаза вот-вот выскочат из орбит. Ужасное состояние!

Всполошившиеся сестры пытались облегчить мне возвращение прежнего цветущего вида увесистыми шлепками по спине. При этом уверяли, что этот метод совершенно бесполезен, но по непонятной причине очень популярен. Одновременно приводились жуткие примеры несчастных случаев, связанных с асфиксией. Разумеется, из следственной практики. После них у меня и открылось второе дыхание. Параллельно с желанием как можно скорее покинуть гостеприимный кров.

Медлить с его осуществлением я не стала. Чередуя слова благодарности с сочувственными, сестры проводили меня до калитки. Не удержавшись, я оторвала взгляд от дорожки и, обдумывая слова прощания, уставилась на забор Сеницыных. Можно подумать, они на нем написаны. Но мне было все равно, лишь бы не смотреть сестричкам в глаза. Наверное, в моем взгляде было много страдания. Полина среагировала мгновенно.

— Мы тоже считаем, что Ангелина зря прикупила второй участок. Им и один-то не обработать. Да и не любят они в земле копаться. Одна бабушка с ранней весны до поздней осени здесь торчит. Ангелина и внучка редко наезжают. Предпочитают не видеться друг с другом как можно дольше. Да вы и сами это знаете.

— Конфликт поколений, — с готовностью согласилась я, срочно передумав произносить прощальные слова. Неумная тяга к знаниям оказалась сильнее страха перед профессией сестер. — А еще этот размах со строительством нового дома!

— Так Сеницыным он ничего не стоит. Милый друг Ангелины финансирует, только она это старательно скрывает. Катерина злится, никак не хочет смириться с его существованием, но ничего поделать не может.

— Еще бы ей не злиться! — я заговорщицки понизила голос, демонстрируя излишнюю болтливость. — Она вообще мужененавистница. Удивляюсь, как на похоронах супруга канкан не сплясала. Намучилась в супружеской жизни, он ее и вправду достал.

— Мужики редко прощают измену, — вздохнула Галина. — И не

важно, с кем женщина изменяет — с любовником или работой...

— Из-за работы дети при наличии собственных мужей от чужих дядей не рождаются! — оборвала ее Полина. — И сами мужья скоростно и странным образом не умирают. — Она немного помедлила. — Вы вот что, девушки, не волнуйтесь. Дураку ясно, вам нет смысла хулиганить с вызовом милиции. О сегодняшнем визите мы никому ничего не скажем — не видим оснований, поэтому и материальную помощь как взятку за молчание не рассматриваем. Понимаем, что прибыли на разведку, переживаете. При случае привет Ангелине передавайте.

Так я и летела «с приветом» по дороге на встречу с Наташкой. В полном смятении чувств.

— Ирка! — с осуждением встретила меня Наташка. — За тобою прямо пыль столбом. Словно стадо быков пронеслось. Ты избрала самый эффективный способ себя запомнить. Неужели решила, что без тебя уеду? Такое впечатление, что была не на чаепитии у гостеприимных пенсионерок, а...

— Была на допросе! — доложила я. Не стоит подруге мучиться с подборкой вариантов. — Тебя не выдала.

— А себя? — хихикнула Наташка, демонстрируя наличие чувства юмора.

— Сбрендилась? — сурово поинтересовалась я, отметив полное его отсутствие у подруги. В данный момент. — Пенсионерки — бывшие работницы следственных органов и прокуратуры. В два счета рассекретили, что мы не просто так прикатили, а на разведку. Вот что, тетушка Катерина родила Гельку от третьего лица!

— Чего-о-о?

— Не перебивай!

— А ты чушь не городи! Тетя Катя была замужем только за одним лицом, обернувшимся зверем. Откуда сразу три-то взялось?

— Я имела в виду, что законный муж тети Кати Гельке не родной отец. Она родила ее от другого. Мало того, кажется, приложила руку к скоростной кончине муженька. Надеюсь, он и в самом деле вынудил жену к экстремальной мере. Понятно, почему страдальца радовалась его кончине.

— Можно подумать, я тебе об этом не говорила! Что-то я не поняла... Кто из вас кого допрашивал?

— Перекрестный допрос, — отмахнулась я, — но, в основном, пытали меня. Что касается Ангелины, то у нее есть хорошо упакованный любовник, который купил ей дополнительный участок земли и

финансирует строительство. Тетя Катя его ненавидит. Тебе не кажется, что все это повальное исчезновение Синицыных — хорошо продуманная операция с ликвидацией задолженности по взаиморасчетам обидчивого Гелькиного мужика со строптивой гражданской тещей? Вспомни, что рассказывала Динка. Бандит, который находился в комнате, где она пряталась, напомнил своему собрату о бережном отношении к потерявшей сознание Гельке... Нет. Даже не вспоминай. Глупость несусветная. Для борьбы с простой гражданской тещей этот метод слишком сложный. Словом, я ничего не понимаю.

— Оно и видно, — вздохнула Наташка, — который раз по счету приглашаю тебя занять свое место, а ты все топчешься в полусогнутом состоянии и слышишь только себя. Да вдобавок долдонишь мне в левое ухо разные глупости. Освободи окошко водителя и садись. Съездили за новыми неприятностями, получили, теперь возвращаемся к старым.

— Есть и хорошее известие, — прислушиваясь к себе, заметила я. — У меня совершенно не болит колено.

Порог бабы Ньюшиного дома я перешагнула не очень уверенно, но достаточно смело. Результат сего противоречия не замедлил сказаться. Будучи второй по счету за Наташкой, нечаянно боднула ее в спину наклоненной головой. Дверная коробка была низковата, защитная реакция включилась интуитивно. В самой голове роились множественные догадки и предположения, никак не желавшие выстраиваться в стройную шеренгу.

От отрицательных, еле сдерживаемых эмоций Наташка расцвела огненными цветами гнева. Но выплеснуть его по всем правилам на меня не смогла — совестливая. Помнила, что в комнате находится тяжело раненый дедка. Возможно, все еще спящий, ибо в доме стояла идеальная тишина. Как выяснилось в процессе почти беззвучных переговоров, своей дурацкой выходкой я сбила Наталью Николавну с ее собственных множественных догадок и предположений. С построением их в стройную шеренгу логики было еще хуже, чем у меня. Тем не менее, считалось, что я вообще лишила ее умных мыслей. И все бы ничего, если бы я смолчала. Нет! Угораздило отметить, что ее шипящий, щедро сдобренный распальцовкой «выхлоп» порождение того, что осталось в осадке, — безумных мыслей. Дальше она слушать не стала — вылетела в огород, где и разразилась словесной бурей. Это ж надо быть такой обидчивой! И это при том, что сама заслуженный лидер в плане раздачи обидных оплеух.

Торчать одной на кухне не хотелось, а в комнату я заглянуть боялась. Вдруг дедуля скончался? Или просто пропал. Пропадом, вместе с бабой Ньюшей.

Я принялась обдумывать вступительные слова к примирению с Наташкой, когда дверь в комнату скрипнула и слегка приоткрылась. В образовавшуюся щель ничего видно не было. Оставалось надеяться, что и изнутри меня не видят. Да на что там смотреть! Вытаращенные от страха глаза и открытый в бесплодной попытке заорать рот никого не красят. Я не исключение.

— Мама? — послышался из-за двери тихий вопрос, подтвердивший мою правоту. Мужчина меня действительно не видел — не проходила я по визуальным габаритам в щель. Однако решила с ним согласиться. Я ведь и в самом деле мама. Двух очаровательных деток. Не важно, что один из них вышел статью в предмет мебели, именуемый шкафом. Зато вторая — тростиночка весом в сорок пять килограммов. В среднем получается

нормально. Как со средним доходом населения в стране. Словом, я согласилась. Только молча — просто кивнула. Не важно, что меня не слышали. В моем случае молчание — истинный знак согласия. Страх улетучился. Голос наверняка принадлежал доброжелателю — сыну бабы Ньюши. Похвалив себя за догадливость, я привела в нормальное состояние глаза, закрыла рот, поправила устремившиеся было вверх волосы и приготовилась улыбнуться.

Собеседник оказался без понятия. Дверь рывком распахнулась, явив мне человека с ружьем. Кажется, охотничьим. Точно не автоматом — видела, знаю...

Зря я приводила себя в порядок. Глаза, рот и волосы вернулись в исходное положение. А дальше произошло вообще нечто невообразимое. Кто-то завопил дурным голосом: «Ложись!!!» Я невнятно промычала: «Куда?». Та к сказать, хотела выиграть время, чтобы трезво оценить ситуацию. Вместо ответа меня уронили на пол. В весьма неудобном положении. Я бы его поменяла, но сверху на спину обрушился монолит — панцирь из тонны намокшего и высохшего цемента. Я благоразумно промолчала, радуясь за Наташку. Орет себе на приволье, душой отдыхает. Продолжает поминать меня недобрым словом.

— Мишка, шельмец! Ты что ж это мне здесь учинил?! Ты ж мне девок угробил, паразит!

Скосив глаза по максимуму, я с одобрением отметила просеменившие мимо моей головы ноги бабы Ньюши. В желтеньких носочках. Очень своевременно подоспели. До слуха долетел приглушенный звук подзатыльника, отмеченный мной с удовлетворением.

— Да ладно, ма, ничего я не делал. Спросил, кто пришел, а в ответ молчание. Вот и вышел со старым отцовским ружьем, проверить.

«Молчать надо громче», — сделала я единственно правильный вывод и активно завозилась, пытаюсь освободиться от пуленепробиваемого панциря. Уже догадалась, что зря радовалась Наташкиной свободе. Именно она вольготно раскинулась на мне бронежилетом с небольшим перекосом на правый бок. И, поздновато оценив опрометчивость своего геройства, предпочла отключить соображение и слух. Хотя потеря соображения для Натальи нонсенс.

Пока шли негромкие, но виртуозные словесные дебаты между матерью и сыном, включая рукопашную борьбу за незаряженное, как выяснилось, ружье, я успокоилась. Миша не псих, не всех гостей с ним встречает — деда оберегал. Покрехтывая, я думала, стоит ли разочаровывать Наташку в ее отважном самопожертвовании. Окончательно отлежав подбородок,

решила — стоит, а то ей некого будет спасать в другой раз. Долго в таком положении не продержусь. И слабенько покликнула бабу Ньюшу.

Перепалка сразу оборвалась. А через секунду с меня стащили Наташку. Попытка поставить ее на ноги провалилась, она упорно поджимала ноги, одновременно гримасничая так, как мне не довелось ни разу в жизни. Подруга явно зависла в другом измерении. Заткнув указательными пальцами уши и крепко зажмутив глаза, она заодно и губы сжала. Кажется, мы перенимаем друг у друга самое худшее. С другой стороны, Наташке все-таки есть чему у меня поучиться. А главное, мне удалось схватить и сунуть под стол временно бесхозное ружье.

— Оставьте Наталью в покое, — устало потребовала я. — Вот как висит она на ваших руках, так и приземлите. Только осторожно, а то потом на коленках синяки останутся. И лучше отойди от нее подальше. Иногда она способна так «глаголом жечь сердца людей», что и на расстоянии уши загорятся.

Очутившись на полу в полной свободе от чужих рук, Наталья мигом пришла в себя. Для начала открыла один глаз, его вполне хватило, чтобы сориентироваться в окружающей обстановке. Второй открывать не стала. То ли сэкономила, опасаясь преждевременного износа, то ли боялась увидеть двумя глазами что-нибудь лишнее. А вот уши задействовала в полной мере. Ушами она, благосклонно кивая головушкой, внимала извинениям Михаила. Покаянная, сдобренная комплиментами речь двухметрового бугая лилась рекой. Я только не поняла, почему подруга кивает на предложение Михаила хоть сейчас взять ее в свой штат телохранителем. Оценив явное преимущество физического развития сына бабы Ньюши, я с сомнением уставилась на стройную фигуру Наташки и решила, что он придурок. Подтверждение своему выводу попыталась отыскать в чертах его лица. Ущербность умственного развития зачастую накладывает своеобразное клише на физиономию человека. Но меня постигло глубокое разочарование. С такой интеллигентной, мало того, располагающей физиономией, умными, проницательными глазами дураками не бывают. Бывают шизофрениками в стадии ремиссии, но едва ли Михаил принадлежит к этой категории. И еще. Он был мне смутно знаком, где-то я его уже видела.

От мучительных попыток вспомнить место и обстоятельства встречи с Михаилом меня отвлек спокойный Наташкин голос. И не просто отвлек, прямо-таки поразил. В первый раз слышала у подруги подобную манеру излагать свои мысли. Обычно разговаривает так, словно вещает с трибуны на многоголосую толпу. Все ее прекрасно слышат. Без микрофона.

— Очень жаль, что в свое время я не вышла замуж за альфонса... альфиста... Боже мой! Все в голове перепуталось. Скажу проще, за члена официальной непреступной группировки «Альфа». Он научил бы меня боевому искусству борьбы за сохранение моей жизни и независимости. Как дала бы тебе, Миша, с налета разок по башке, забыл бы свои пережитки прошлого — бандитские замашки. Где-то я тебя видела...

— На стенде под заголовком «Их разыскивает милиция», — с готовностью подсказала я, пытаюсь отделаться от аналогичного наваждения. Понятное дело, «в человеке все должно быть прекрасно...», но не до такой же степени. Впрочем, чужая душа и мысли — потемки, возможно, они у него как раз черные.

— Не исключено, что где-то наши пути и пересеклись, — мягко улыбнулся Михаил, демонстрируя полное понимание, — а может, все гораздо проще. Вы могли видеть меня на рекламных плакатах. Недавно прошли выборы депутатов местной управы. Я их выиграл.

— Так его ж фотка на календаре, что у меня в комнате висит! — опомнилась баба Ньюша. — Вместе с Дарьей, женой его. Что б ей, красавице, провалиться!

— Без жены фото, — продолжая улыбаться, поправил маму депутат. — Анна Васильевна не жалует Дашеньку, потому и фото уполовинила. Меня оставила, а ее... Впрочем, это наше семейное дело.

— В моем доме твоя прошмандовка висеть не будет! — отрезала баба Ньюша, явно выходя за рамки «семейного дела». — Я ее в сортир определила. — Она победно подбоченилась.

— О как! — восхитилась Наташка, окончательно забыв про план сведения счетов с Мишей. — Надеюсь, девушка служит главным украшением его богатого содержания. Но нас с Ириной это не касается. Мы приехали за Иванычем. Как стемнеет, Миша поможет нам загрузить дедку в машину. Если ты не в курсе, — Наталья удостоила его равнодушным взглядом, — мы намерены спрятать его на своих подмосковных дачах.

— Разделите пополам? — вежливо поинтересовался Михаил, но эта вежливость искрилась нотками раздражения. — Или будете ухаживать за ним поочередно, перетаскивая из дома в дом?

— Ир, кажется, нам хмят? — повысила голос Наташка, и все на нее зашикали. — Определенно, нам хмят, — убавила она громкость. — Баба Ньюша, ваш сын намерен препятствовать нашей спасательной операции?

— Я сам о деде позабочусь! — вмешался Михаил, положив руку на плечо матери. — У меня нет доверия к незнакомым людям. Зато есть повод сомневаться в вашей честности. Очень серьезный. И хватит разговоров на

эту тему. Давайте лучше...

— Какой повод? — молниеносно оборвала я речь Михаила.

— Что значит «какой повод?» — весьма натурально удивился Михаил.

— Ир, похоже, из нас делают идиотов, — хмыкнула Наташка. — Что ж ты такой забывчивый, депутат своей вотчины? Обвинил нас в нечестности и забыл?

— Не будем препираться. Вы этот повод прекрасно знаете. Деда я сам пристрою в безопасное место.

Спрашивать, куда именно он собирается пристроить Иваныча, не имело смысла — не скажет. Я ограничилась коротким заявлением: дед является важным свидетелем убийства на озере и как бы им всем не погореть синим пламенем вместе с ним. В этом ли доме или в навороченном коттедже Михаила, не важно, если конечный результат предсказуем. От души надеюсь, что ликвидатор не бродит где-то рядышком, вокруг да около. Не исключено, что он мог отследить процесс спасения Иваныча бабой Ньюшей. Если не трус и не дурак, наверняка ждал невидимкой, когда хибара деда превратится в большой пылающий костер. Мы-то со своей запятнанной Михаилом честностью уедем. А вот им, несмотря на его высокое положение депутата, придется туго. Никакая охрана не поможет.

Я посмотрела на бабу Ньюшу, но она отвернулась и поспешила к кухонному столу, объяснив свой порыв срочной необходимостью помыть посуду. Из комнаты донеслось сухое покашливание — Иваныч проснулся. А раз так, именно ему надлежало решить, кому из нас доверить свое спасение.

Баба Ньюша всплеснула руками, слезила в холодильник за лекарством и закрыла его, лягнув дверцу ногой. К нашему с Наташкой удивлению, достала она не целебную настойку. В прозрачном полиэтиленовом пакетике лежали обыкновенные аптечные упаковки. Очевидно, стратегические запасы зелья кончились.

Мы ринулись в комнату следом за бабой Ньюшей. Как-никак принимали активное участие в спасении Иваныча. Не хватало его угробить. Вдруг она плохо ориентируется в медицинских препаратах. По незнанию даст ему не то, что надо. Надеяться на эффект плацебо не стоит. Похоже, Иваныч верит только в самодельные средства от недуга. Михаил вежливо посторонился. Сметать его с дороги не пришлось. Я даже огорчилась, поняв, что не сможем нанести ему пару легких телесных повреждений. Или на крайний случай ноги отдавить.

Дедуля сидел на диване, подложив под спину подушку, и ловко

собирал... автомат Калашникова. Будучи с краткосрочным визитом в Ижевске, мы на всю оставшуюся жизнь запомнили, как выглядит АКашка.

Увидев нас, Иваныч попытался улыбнуться. На фоне неподвижного уродливого лица, багровеющего кровоподтеками, нереально тонкая ленточка губ мгновенно покрылась сочащимися кровью трещинками. Жуткое зрелище, но я заставила себя расцвести радостью от встречи. Чуть поодаль цвела радостью Наташка.

Отложив оружие в сторону, Иваныч чинно сложил руки на накрытых пледом коленях и, опустив голову, ждал от нас новостей. Наташка тут же объявила, что на улице благодать, дождь вот-вот прекратится. Не иначе как от этого предсказания он тут же разошелся в полную мощь. Небесный поток лупил по стеклам с такой силой, что я невольно вспомнила, что хорошо плаваю.

— Готовитесь к отражению бандитского налета или проходите курс молодого бойца? — миролюбиво поинтересовалась у Михаила подруга. — Тогда нам, пожалуй, и правда пора домой. Надеюсь, дедушка, вы с нами? Гарантируем душевное спокойствие и качественный уход. А Михаил пока разберется с посягательством на вашу жизнь.

Я с торжеством взглянула на Михаила и была поражена издевательской ухмылке, с которой он воспринял слова Натальи. Как представителю государственной власти она ему совершенно не шла. Заметив мое повышенное к нему внимание, он мгновенно ее погасил. Я в долгу не осталась и тоже ухмыльнулась. А пусть поломают голову над тем, что мне известно.

— Спасибо за заботу, — глухо проронил Иваныч. — Вы хорошие люди, но лучше уезжайте. Я живучий, хотя свой срок на этом свете давно отбыл. Ньюша, подай мне тряпочку, опять рот закровоточил, как бы тебе одеяло не извозить.

Не сговариваясь, мы с Наташкой выскочили на кухню. За нами последовал Михаил, решивший соблюсти правила приличия и попрощаться. С небольшой задержкой в общую компанию влилась и рыдающая навзрыд баба Ньюша. К моменту ее появления Наташка тоже давилась слезами, а я выволокла из-под стола винтовку, решительно пристроив ее под мышкой. Вперед прикладом, а то мало ли что... Глаза бегали по кухне в поисках подходящего для Наташки предмета обороны, но не исключено, что и нападения. Таким способом я дала понять — уезжать не собираемся, вливаемся боевыми единицами в армию спасения Иваныча. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Только бы подруга не заартачилась, не любит, когда ее лишают самостоятельности.

— Вы с ума сошли! — убежденно заявил Михаил. — Разоружайтесь. Войны не будет. Если вас смутил автомат, то он не настоящий. Игрушка. Имитация оригинала. Дед просто пальцы разминал. Да оставьте ружье в покое! Я не собираюсь отнимать его силой. Просто положите на стол. И вот что. Давайте простимся по-хорошему. За Иваныча не переживайте. Ночью мы увезем его в безопасное место. Моя машина с помощниками наготове.

— Ну разумеется, с «помощниками». Ир, так теперь бывшие «братки» называются. Никаких родственных связей на государственной службе! — догадалась Наташка. — Чем же дедуля заслужил у вас такое к себе отношение? Ведь остальные жители деревни его не жалуют.

— Да все очень просто, — поморщилась я и прислонила ружье к стене. Как только таскают такую тяжесть. — У бабы Ньюши и Михаила застарелый комплекс вины перед бабушкой. Неправда, что дети за действия родителей и прочих предков с приставкой «пра», не отвечают.

Легкий шлепок пакета с лекарством, выпавшего на пол из рук бабы Ньюши показался громом небесным. Все, кроме нее, вздрогнули. А она развернулась и, придерживаясь за стенку, медленно побрела к выходу. Немного поколебавшись, за ней отправился Михаил.

Я долго оправдывалась перед подругой за свой ляп. Ну ляпнула, не подумав. Только зря мама с сыном на меня обиделись. Готова признать свою ошибку, хотя, если разобраться, никакой ошибки нет, а значит, нет смысла извиняться.

Наташка слушала, грызла добытую где-то сухую макаронину и хмурилась, пытаясь разобраться в моем монологе. Ей это быстро надоело, и она предложила разобраться в другом вопросе — стоит ли считать, что хозяева выпроваживают нас из дома, если мы выпроводили их из него раньше? Я пожала плечами и с тоской взглянула на холодильник. Скучает, бедолага, в одиночестве. А как мы-то по нему соскучились!

— Пойду поинтересуюсь, не хочет ли бабушка перекусить, — перехватив мой взгляд, мурлыкнула Наташка. — Если не хочет, заставлю. В таком разе мы имеем полное право распорядиться содержимым холодильника. Нельзя держать больного человека голодным.

— Я с тобой, — торопливо уведомила я подругу, хватая ружье. Боялась, что за время ее отсутствия вернутся баба Ньюша с сыном. Надо будет как-то общаться, а я к этому пока не готова. Советование у них что-то затянулось. Оно и к лучшему. Попытаюсь выяснить у дедки, что он видел на озере.

— Ир, ружье-то зачем схватила?

Держась за ствол, я небрежно помахала ружьем в воздухе. — Да так...

Чтобы автомату скучно не было. И мне с оружием как-то спокойнее, хотя оно и незаряженное.

— Надеюсь, ты знаешь, что стреляют не из приклада.

— Обижаешь. Прикладом обычно по башке бьют. Гуманисты, без глушителя. Не хотят будоражить граждан звуком выстрела.

Мы осторожно приоткрыли дверь в комнату. Она была пуста. Окно распахнуто настежь.

— Иваныча украли вместе с одеялом и автоматом, — печально отметила Наташка. — Не думаю, что по его собственному желанию.

— А я думаю. Какой смысл воровать полуживого свидетеля преступления, да еще с такими ухищрениями? Достаточно обеспечить ему быструю смерть прямо с доставкой на дом. Определенно во спасение Иваныча сработали заботливые помощники депутата. Им и дождь не помеха. Наталья, нам с тобой не доверяют! Не очень-то и хотелось навязываться.

В расстройстве я шарахнула прикладом ружья по полу. От громкого выстрела в потолок заложило уши. Само «незаряженное» ружье, подпрыгнув, упало на пол. Я немного постояла, колеблясь словно былинка на ветру, и улеглась рядом с ним валетом, Наташка валялась где-то неподалеку. Наверное, верещала во всю силу, но я не слышала. Не слышала и бабу Ньюшу, появившуюся на пороге комнаты. Только видела, как она безмолвно что-то говорила и размахивала руками. С трудом мне удалось сесть.

Честно говоря, я испугалась. Согласна, со стороны мое поведение могло выглядеть нелепо.

— Давайте обедать, — выдала я первое, что пришло в голову, решив проверить слух с помощью собственной речи. И сама себя не услышала, хотя и поняла. В душе зарождалась паника. — Дедку украли, — продолжила я аутотренинг и с удовольствием отметила слабую положительную динамику. Не обращая ни на что внимания, принялась без передыха повторять озвученные фразы, слегка шлепая по ушам ладонями, пока перед моими глазами не появилось озабоченное лицо Наташки. Именно в этот момент слух у меня и прорезался. Ей совершенно не следовало столь громко блажить. От очередной волны страха оглохнуть я плотно закрыла уши и внятно потребовала от нее заткнуться. Не долго думая и плохо соображая от стресса, она незамедлительно повторила мой маневр — заткнула уши. Как раз в тот момент, когда я отняла ладони от своих ушей.

— Вот так с ума и сходят, — печально отметила я, пригласив бабу Ньюшу полюбоваться результатом. Но женщины в комнате не оказалось. Неужели ее появление мне привиделось? Задрал голову к потолку, я отметила дырку от пули и успокоилась — не сплю. Покосившись на место,

где брякнулось ружье, с удовлетворением отметила отсутствие последнего. Само по себе оно не могло исчезнуть, следовательно, его унесла баба Ньюша. Потом перевела взгляд на стену, где висел календарь на этот год. С отведенной ему половины радостно улыбался избирателям Михаил. Судя по плакатной надписи, он обещал всем достойную и материально обеспеченную старость. Ему хотелось верить. Со второй половины календаря, помнится, должна была радостно улыбаться его жена. Но теперь она в огородном сортире.

— Жизнь продолжается! — с оптимизмом напомнила я себе и Наташке, основательно хлопнув ее по плечу. Дать сдачи у подружки не получилось, я вовремя отскочила. Буквально за секунду до того, как она отняла ладони от ушей. — Пойдем обедать, — быстренько переключила ее мысли с плана отмщения на тему хлеба насущного. Может, она бы и не послушалась, но из кухни раздался призыв бабы Ньюши к трапезе.

— Голодными в дорогу не отпускаю, — сухо заявила она.

— А сытыми мы и сами не уедем, — бодро заметила я. — Очень спать хочется. Надеюсь, Иванычу окажут квалифицированную медицинскую помощь и обеспечат безопасные условия содержания. Просто замечательно, что я не успела позвонить мужу. Оторвала бы человека от выполнения ответственного задания, а потом в течение полугода слушала бы его нотации.

Баба Ньюша промолчала. Куда только исчезли ее радушие и приветливость. Женщина обдумывала тактику нашего выживания из дома. Надо же, как я ее зацепила своими словами о комплексе вины перед Иванычем! Вот только вопреки моим ожиданиям она не возмутилась и не выложила правду. Больше похоже на проявление обиды. Взяла да и покинула нас. Сопровождение с сыном было коротким. Большая часть времени их отсутствия ушла на бесшумную передислокацию дедушки. Нам не доверяют. Интересно, почему? Придется продолжить словесную экзекуцию. И только я сподобилась открыть рот, как Наташка тут же мне его заткнула. Каким-то навороченным бутербродом со словами «попробуй, очень вкусно».

В принципе, вмешательство подружки оказалось очень своевременным. Разделяясь с «подачкой» я успела остыть, а потому перестроиться на более мирное выступление. То есть не начинать с прямого обвинения Михаила в организованном похищении семьи Синицыных и Австро-Якова с женой, а равно в спуске на дно озера «Жигулей» с живыми людьми. Последнее водное «шоу» на свою беду видел Иваныч. Можно только догадываться, что его ждет в ближайшее время. Не нам судить бабу Ньюшу

— она мать своего сына. Хотя и не в ладах с ним, из двух зол выбрала меньшее. Иваныч старик, а Мишеньке до старости еще далековато. Может, успеет образумиться и перевоспитаться.

Вот так и получилось, что начала я издалека, благо Наташка молчала. Первым делом поинтересовалась у бабы Ньюши, что было раньше на территории соседнего садоводческого товарищества.

— Да ничего, — неохотно ответила женщина. — Кусты, редкие деревья, болотина... Хороших земель садоводам раньше не выделяли. Это потом чиновники посежными площадями торговать стали.

— А до «ничего»?

— Луг там был. Ухоженный. Конский выгон. Трава, как шелковая. Купец... — она немного помедлила, — не помню его фамилию, коней там держал в своей конюшне. Говорили, хороший человек был, добрый. То ли убили его здесь в революцию, то ли он бежал за границу да по дороге помер. Сам-то до революции с семьей в городе жил, сюда частенько наезжал. Душой отдохнуть. Уж очень своих лошадок любил. Домик себе для временного постоя в нашей деревне поставил...

Баба Ньюша смолкла, решив, что удовлетворила мое любопытство. Наташка ойкнула и напомнила мне про сон в руку. А я о нем и не забывала, вещим оказался. Подруга заикнулась было об аналогичном Динкином сновидении, но я ее резко оборвала, «нечаянно» задев чайную ложку с крошками, которую она задумчиво возила по столу.

— А домик купца был на отшибе, — подсказала я. — Как раз на том месте, где до пожара стояла избушка Иваныча. Сколько лет миновало, а кто-то все не успокоится. Кажется, дедушка был прямым потомком купца, нажившего врагов на семь поколений кряду.

Баба Ньюша засуетилась, вспомнив, что забыла покормить кур.

— Так мы же с вами сегодня их кормили, у них еще половина кормушки в запасе, — вздернула брови Наташка. — Кур нельзя перекармливать, нестись не будут. Зачем вам дармоедки? Ир, это я не про нас с тобой.

Женщина покорно вернулась обратно. Что-то мешало ей решительно выставить нас вон. Боялась мести с нашей стороны? Рассекретила, что мы здесь неспроста? Поиск жилья на лето — причина надуманная. Тогда откуда такие подозрения? Мама дорогая! От Иваныча! С берега озера он вполне мог отметить два наших визита на участок Соловьевых. Вооруженным биноклем глазом. В пятницу и в субботу. Баня-то у самого озера. Человеку постороннему это зрелище «до лампочки». Энергосберегающей. Мало ли кто к кому из дачников приезжает. Помимо

этого, он отследил наш вчерашний заезд в магазин. Заявился туда почти следом за нами, но не за покупками. Решил выяснить, каким ветром нас занесло в деревню. Скорее всего подслушивал у входа. Дверь-то была открыта. Неужели и тут замешаны бриллианты тетушки Катерины?

— Баба Ньюша, — не своим голосом обратилась я к ней. Когда только успела охрипнуть? Неужели голос сел от волнения? — Мы не враги вам, не преступницы. Просто искренне желаем помочь своим знакомым выкарабкаться из беды. Одна из них еще совсем ребенок. Их похитили и вывезли в неизвестном направлении. Скажите, зачем Иваныч следил за участком Синецких?

— У него и спросите. — Женщина старательно тестировала небольшую сковороду на предмет чистоты. Водила пальцем по ее внутренней поверхности и разглядывала результат. И вдруг неожиданно заговорила: — Только не про Иваныча, а про приснопамятного купца второй гильдии Ивана Сергеевича Пospelова.

Наташка многозначительно на меня посмотрела и попросила обратить внимание на купеческое имя — Иван. Наш сточетырехлетний дедка — Иваныч. Вне сомнений, фамилия его тоже Пospelов!

— Фамилия Иваныча — Найденов, — с торжеством объявила баба Ньюша. — Наши местные кличут его Колдуном. Будете мешать, перестану рассказывать. Предупреждаю, говорю с чужих слов, за правду не ручаюсь. Да присяду, пожалуй. Что-то ноги не держат.

Мы с готовностью вскочили, освободив для нее сразу две табуретки. Впервые за сутки она засмеялась. Села на приступочку у печки и отмахнулась от предложенного Наташкой ломтя хлеба с колбасой.

Речь ее лилась свободно и напевно, мы прямо заслушались... Купец второй гильдии Иван Сергеевич Пospelов был молодым, но уже успешным предпринимателем. Удачно женился, хотя и не по любви, но зато на деньгах. В короткое время утроил свой капитал. Жена попалась страшенькая лицом, но с великолепной фигурой. Портил ее врожденный дефект: левая нога была немного короче правой, что некрасиво сказывалось на походке. Но Иван Сергеевич к этому по привычке и вскоре перестал замечать физические недостатки жены. Варвара Тимофеевна, или просто Варенька, получила прекрасное образование, в совершенстве владела пятью иностранными языками, была редкостной умницей и очень душевным человеком. А в довершение к перечисленным достоинствам принесла в дом супруга богатое приданое. Уже одно это обстоятельство позволяло считать ее писаной красавицей. Варенька обожала своего богом данного супруга. Зная истинную ценность собственной внешности, под

разными предложениями старалась не выезжать с ним на светские мероприятия, боялась высокомерно фальшивого сочувствия со стороны окружающих. Да ладно бы адресованного непосредственно ей. Не хотелось конфузить мужа. Зачем ему лишний раз напоминать, что их брак — мезальянс. Если бы не приданое, Иван Сергеевич никогда бы на ней не женился. Родив супругу второго ребенка, Варенька немного занедужила и окончательно засела дома, вплотную занявшись воспитанием детей, А детки, надо сказать, были прехорошенькими, не в нее. Не строя иллюзий по поводу своей долгой жизни, бедняжка со всей ответственностью отнеслась к выбору гувернантки. Если она, Варенька, окончательно сляжет, гувернантка в определенной мере должна заменить детям мать. В конце концов, Варвара Тимофеевна остановила свой выбор на двух кандидатках: молоденькой Ольге Анисимовне и Анастасии Владимировне, женщины в возрасте. Обе отвечали ее строгим требованиям и имели хорошие рекомендации. Перевес в пользу Ольги Анисимовны возник сразу после того, как горничная по секрету доложила Варваре Тимофеевне, что Анастасия Владимировна тайком прикладывалась к какой-то микстурке из пузырька. Самолично видела.

В короткий срок двадцатидвухлетняя Оля стала всеобщей любимицей, подругой Варваре Тимофеевне, редко покидавшей свою комнату, веселой старшей сестрой и умной наставницей детям. Только Иван Сергеевич, которого Оля немного побаивалась, ее присутствия вообще не замечал. Последнее время он буквально «заболел» конезаводом. Каждый день старался урвать свободные часы и минуты, чтобы навестить к своим лошадам. Место для их разведения приобрел идеальное.

Жена в душе его увлечения не разделяла, хотя откровенно ему потакала. А вот для детей не было большей радости, чем прокатиться верхом на племенном красавце. Пусть даже медленно и под контролем конюхов, ведущих лошадей под уздцы. По настоянию Варвары Тимофеевны в каждой поездке на конезавод детей сопровождала гувернантка. Та к ей было спокойнее. Сама Ольга несказанно радовалась этим прогулкам, поскольку была прекрасной наездницей — отцовская школа. У нее было счастливое детство. Оно кончилось в один слякотный осенний день — предтечи зимы. Проигравшись в пух и прах в карты, отец, рассчитывавший на выигрыш как последнее средство рассчитаться с частью долгов, напился. Ночью компаньоны привезли его в бесчувственном состоянии на извозчике. Не дожидаясь прислуги, доволокли до ступенек крыльца, где и бросили. Через пару часов он немного оклемался, кое-как преодолел ступеньки и постучал в дверь непослушными замерзшими

руками. Стук был слабый, слышали его не сразу. Через неделю отец умер от крупозного воспаления легких. Мать Ольги пережила его на месяц. Не могла смириться с известием о продаже с торгов давно заложенного имущества, включая дом, и покончила с собой. Оленьку забрала к себе бабушка по материнской линии. Они еле-еле сводили концы с концами, но дворянская гордость была превыше бедности. Бабушка категорически возражала против намерения внучки работать. Ольга пошла в гувернантки только после смерти бабушки.

Впервые купец Пospelов удостоил ее внимания, увидев, как она виртуозно гарцует на его самом любимом жеребце. Увлеченные этим зрелищем дети в восторге прыгали и хлопали в ладоши. Раздосадованный Иван Сергеевич кинулся к ней, чтобы строго отчитать за своеволие, но остановился. Заметив барина, Ольга, не торопясь покинула седло, решив, что уже уволена и наверняка без оплаты отработанного времени. Оно и к лучшему. Большой грех полюбить женатого мужчину. Оставалось только извиниться за свой проступок. Ольга спокойно пошла ему навстречу. Босиком, ибо туфельки на каблучках лежали в сторонке. Чтобы до них добраться, следовало пройти мимо барина. Вместе с ней к нему за своей порцией нагоняя спешил конюх. Следом с радостным визгом бежали дети.

Иван Сергеевич, обняв сына и дочь, оставил извинения Ольги без ответа. Не поднимая глаз от земли, она, несколько растерявшись, их повторила и услышала то, чего никак не ожидала: «Помилуйте, Ольга Анисимовна, это же крайне неудобно, ездить верхом в таком наряде. Вам необходима подобающая случаю одежда». Далее последовали указания конюху подобрать Ольге Анисимовне в личное пользование другого коня из числа лучших. Та к начался безумный, обреченный на несчастье любовный роман.

Поняв, что не в силах противостоят охватившему ее чувству, как думала, безответному, Ольга принялась старательно избегать хозяина. Выезды с детьми на конезавод прекратила, сказав Варваре Тимофеевне, что плохо переносит дорогу. Та понимающе улыбнулась и поручила это дело служанке. А Ольга зачастила в церковь. Просила Всевышнего помочь ей избавиться от своей грешной любви. В поведении же Пospelова не было никаких перемен. Это и радовало, и огорчало девушку, молитвы не помогали, пришлось попросить расчета. Но не у Пospelова, а у его жены. Сослалась на необходимость постоянного ухода за внезапно и тяжело занедужившей тетушкой. Разумеется, мифической. При расставании обе женщины всплакнули.

Иван Сергеевич разыскал беглянку через три дня. И прямо с вокзала,

где она намеревалась сесть на поезд, дабы прибыть на службу к новым хозяевам, отвез ее в свой загородный дом. Точнее, обыкновенную деревенскую избу в деревне Упыри. Там Ольга и прожила до самой смерти, подарив в 1909 году Пospelову сына. Расстались они в смутное время революции. Он не сумел уговорить Ольгу ехать за границу вместе с его официальной семьей. Женщина не представляла, как можно себе позволить оказаться вместе с Варварой Тимофеевной и ее детьми. Иван Сергеевич вынужден был уехать без нее и пропал без вести. Своей клятвы вернуться за Ольгой и сыном он не смог исполнить, скорее всего, по независящим от него причинам. А она ждала его всю жизнь, не снимая с шеи медальон сердечком, где хранилась прядь волос Ивана Сергеевича. Работала рядовой колхозницей в полеводческой бригаде, потом, после сердечного приступа, первого сигнала о серьезном заболевании, ее перевели на должность библиотекаря. Ольга была глубоко благодарна людям за заботу, и прежде всего за то, что не настучали куда следует о ее дворянском происхождении. Умерла она легко. Просто уснула и не проснулась. А перед смертью радовалась, что сын Петенька вырос, выучился на учителя и, главное, вернулся с войны живым. Впереди, как считала, ее ждала встреча с милым Ванечкой, хоть и на том свете. И всей душой желала долгих лет земной жизни его законной жене Варваре Тимофеевне.

В тридцать лет Петруша отчаянно влюбился в молоденькую учительницу, приехавшую в колхоз по распределению после окончания пединститута. Елизавета Матвеевна, двадцати одного года от роду, казалась в деревне существом эфемерным, не от мира сего. Тоненькая, изящная, с нежным личиком, украшенным огромными серыми глазами и обрамленным светлыми вьющимися волосами, для солидности собранными на затылке в пучок. Потенциальных ухажеров хватало, на первом месте среди них был местный участковый. Он-то постепенно и отсекал «лишние звенья». Пока Лизонька мягко и необидно для соискателей отказывалась от всех ухаживаний, мотивируя тем, что у нее уже есть жених, участковый Дьячков собирал на соперников компромат. Если он был несерьезный, подтасовывал факты и пускал в ход шантаж. Не все сразу смирились с отставкой, повергая людей старшего возраста в недоумение. Да на что такая невладелица нужна, удивлялись и они жалели учительницу. В чем только у нее душа держится. Больная небось. Для деревенской жизни эта городская куколка совсем не приспособлена. А молодые девчонки, тайком влюбленные в Петра Ивановича, всерьез опасались, что именно он и является женихом учительши, и при случае жестоко ее высмеивали, жеманно копируя походку и манеру речи.

Несмотря на то что Петруша вырос в деревне, прошел войну до победного конца, в нем чувствовалась интеллигентность и, как говаривали, порода. Дитя взаимной любви родителей, он унаследовал от них все лучшее. И ничего удивительного в том, что двое молодых людей, во многом похожие друг на друга, сблизилась и решили пожениться. Раньше с этим делом было просто. Пришли в сельсовет и тут же зарегистрировали брак. Но до сельсовета они так и не дошли. Накануне Лизоньку, уехавшую на выходной в город к старшей сестре, по возвращении ждало страшное известие: Петруша заживо сгорел в своем доме. Причину пожара не установили. Ходили слухи, что поджог — дело рук кого-то из деревенских парней, не раз грозивших Петру, если он не оставит в покое учительшу. Участковый Дьячков Павел Михайлович только посмеивался и держался в сторонке.

После символических похорон (на пепелище не нашли даже косточек) стало заметно, что у Елизаветы Матвеевны помутился рассудок. Она не желала верить в гибель Петра Ивановича, ежедневно выходила встречать его у калитки, частенько заговаривалась, могла часами сидеть и смотреть в одну точку. О преподавательской деятельности и речи уже не шло. Воспрянувшие было духом претенденты на ее руку и сердце мигом отступились. Все, кроме Дьяčkова. Оформив положенный ему очередной отпуск, он отвез ее к столичным светилам в области психиатрии. Примерно через месяц Дьячков и Лизонька вернулись из Москвы мужем и женой. Всю жизнь, до самой смерти Дьячков оберегал ее от неприятностей, как зеницу ока. Но только не от тех, которые причинял ей сам. На людях она появлялась редко, да и то в его сопровождении. По деревне ходил слух, что смерть бывшего жениха Елизаветы Матвеевны — дело рук участкового, а ее скороспелое замужество — результат укоренившейся невменяемости Лизоньки. Бедняжку до конца так и не вылечили.

Вскоре Дьячков получил повышение и за месяц до рождения сына Ивана был переведен в город. Деревня постепенно стала забывать о трагедии. Бывший участковый редко навещался к матери и сестре, причем исключительно в одиночку. К себе в город полюбоваться на сына не звал, ссылаясь на тесную комнатенку в коммуналке. Пересуды возобновились с момента возвращения овдовевшей Елизаветы Матвеевны в деревню. Павел Михайлович погиб при перестрелке в ходе операции по задержанию налетчиков на ювелирный магазин. Сыну к тому времени исполнилось девятнадцать лет, он учился в том же пединституте, который когда-то окончила его мать. Жил в общежитии, в деревню приезжал только на каникулы, но с первого появления всем, помнившим погибшего при

пожаре учителя Петра Ивановича, стало ясно, в кого Ванечка уродился. Это только добавило неприязни к Елизавете: вертихвостка предала память своего любимого, всего через месяц после его страшной гибели, будучи от него беременной, выскочила замуж за Дьячкова. Никто уже не сомневался, что именно Павел Дьячков — убийца учителя. На временное помешательство поведение Елизаветы не спишешь, решение о замужестве приняла сразу после курса лечения, на свежую голову. И никто никогда не видел ее на символической могиле погибшего жениха. Она зарастала бурьяном, в конце концов и вовсе сравнялась с землей. Сын Ванечка, став по окончании учебы преподавателем математики, переселился к матери в деревню. Через пару лет Иван Павлович Дьячков (фамилию и отчество отчима по просьбе матери он не менял), несмотря на молодость, стал директором местной школы. В отличие от Елизаветы Матвеевны, так и не сумевшей найти общий язык с односельчанами, он быстро стал всеобщим любимцем. И был точной копией своего отца...

— Петра Ивановича, — уточнила я.

— Да. А Елизавета Матвеевна — мать моего Ванечки, — печально вздохнула баба Ньюша. — Дьячков зря надеялся, что младенец родится именно от него. Поняв, что ошибся, невлюбил пасынка. Мне Ванечка сам рассказывал. Намыкалась с мужем Елизавета Матвеевна, а уйти не могла. Крепко держал он ее своими угрозами.

Наталья возмущенно завозилась на табуретке.

— Интересно... Чем же это Дьячков мог удерживать свободную женщину?

— Время такое было. Петр Иванович был сыном дворянки, да еще от купца. Вражеский элемент, значит. Потомок его, Иван, автоматически наследовал это звание. Ванечка еще ребенком слышал, как отчим по пьяному делу грозил плачущей Елизавете Матвеевне прогулкой вместе с сыном по этапу в лагеря.

От нетерпения мне не сиделось на месте. Побегав по маршруту «окно — дверь», я выдала:

— Я знаю, почему Елизавета не навещала могилку любимого жениха! Она знала, что жених не погиб! Дьячков тоже знал и использовал этот факт как дополнительный камень за пазухой. Наверняка грозил изуродованному пожаром Петру разоблачением и расстрельной статьей.

Баба Ньюша всплакнула, за ней Наташка, а я, пригорюнившись, уселась на порожек двери.

— На моих руках умирала, — прошептала баба Ньюша. — Перед смертью рассказала все, как было: пожар в доме Петруши ночью случился.

Первым там оказался участковый Дьячков. Он-то и вытащил обгоревшего и беспамятного учителя из огня и спрятал в лесу, вроде, чтобы не доби́ли. Подозревал покушение на убийство. Чуть позднее тайком доставил его на лошади в городскую больницу. Зарегистрировали беспамятного Петра Иваныча как неизвестного. Недели через три Дьячков сообщил об этом Елизавете, наказав никому ничего не рассказывать. Она уже лежала в психиатрической больнице. Счастливая Лизонька буквально руки целовала спасителю и просила немедленно договориться с ее лечащим врачом о кратковременной отлучке — в больницу к жениху. Дьячков и не думал противиться. Надеялся, что ужасающее уродство погорельца отвратит от него Елизавету. Не отвратило! Хотя вначале она и упала в обморок. Но когда очнулась, сказала, что это от счастья. Не ожидавший ее появления Петр, нашел силы натянуть на голову одеяло, из-под него, свистящим шепотом потребовал забыть о его существовании. Лизонька что-то лепетала, уверяла, что все у них будет хорошо. Петр мучительно и страшно закричал. Прибежавший врач потребовал немедленно освободить палату. После посещения больницы Дьячков пустил в ход запасной аргумент: расстрельную статью для Петра Иваныча. Пока его лечат как безымянного он в безопасности, но если Лизонька опознает в нем своего жениха, исход известен. С потомками эксплуататоров и врагов трудового народа не церемонились. Дьячков обещал молчать, если Елизавета, исключительно ради Петра, забудет прошлое и выйдет за него, Дьяčkова, замуж. Та к и получилось. Позднее Елизавета Матвеевна боялась не чужих косых взглядов, а того, что сын Ванечка не поймет и не простит ее. Потому и скрывала правду. До последнего надеялась, что Петруша жив. Вдруг на старости лет надумает вернуться в родные места.

Та к и ждала любимого, как его мать Ольга своего купца Пospelова. Бедняжка Лизонька не знала — сыну Ванечке давно была известна правда. Дьячков не умел скандалить тихо, мальчик слышал его упреки. А когда подрос, с трудом, но отыскал отца в доме инвалидов и регулярно к нему навещался. Сначала один, потом с подростком Мишенькой. Жену не брал — зрелище, которое представлял собой Петр, было не из приятных.

Часть четвертая
Нет худа без добра

Баба Ньюша давно ушла — прилегла отдохнуть в комнате, а мы с Наташкой, пришибленные услышанным, сидели на кухне. Куда там книжным любовным романам до реальных историй человеческих трагедий!

— Ясно одно, — в третий раз заявила Наташка. — Михаил сделает все, чтобы упрятать своего деда так, что его ни одна собака не найдет. Наша помощь ему точно не нужна. А вот нам помощь Иваныча не помешала бы.

Мысли подруги ходили по кругу, впрочем, как и мои, только кое в чем они у нас разнились. Именно поэтому я и буркнула:

— Иваныч Михаилу совсем не дед.

Тут же спохватилась, но поздно.

— А «совсем» кто?

— Не знаю.

— Не знаешь, не болтай глупости. Такое впечатление, что исповедь бабы Ньюши твоих ушей не коснулась. Знаешь, что меня угнетает?

— То, что мы находимся в родовом гнезде бывшего участкового Дьячкова.

— И это тоже. Надо же, как одинаково мыслим... Я уверена, что именно он организовал поджог дома Петра. Не зря первым очутился на пожаре. Такое впечатление, что от бессонницы рядышком околачивался. А обгоревшего Петра вытащил из огня тогда, когда, по его мнению, спасти погорельца было уже не возможно. Немножко не рассчитал, но надеялся, что в больнице Лизонькин жених непременно умрет. Зато в глазах Елизаветы Дьячков будет выглядеть героем-спасателем.

— Мне кажется, Дьячков был вынужден вытащить Петра из огня по другой причине. Опасался его бесконтрольной живучести. Дом стоял на отшибе, у самого леса, наверное, к нему уже люди бежали. Могли учителя спасти, а он бы им указал поджигателя. Вот Дьячков и оттащил Петра в лес. Настоящие спасатели так не поступают. Неизвестно, сколько погорелец в лесу провалялся, пока Дьячков заявился с лошадью. Слава богу, что не добил. А может, не добил намеренно. Садист! Изощренная месть за Лизоньку. Пусть, мол, живет и мучается, зная, что бывшая невеста — жена его врага. Честно говоря, меня интересуют еще два момента: во-первых, почему у таких порядочных родителей, как баба Ньюша и Иван по отчиму

Павлович, сын Михаил вырос криминальной личностью? Во-вторых, тебе не кажется, что брачный союз директора школы Дьячкова Ивана, по отчиму Павловича и простой, судя поговору, бабы... Впрочем, в молодости Ньюша могла быть красавицей.

— Думаешь, сделка? Сомневаюсь. Надо попросить фотографии, а заодно выяснить подробное криминальное прошлое Михаила. Ир, тебе не кажется, что мы ушли в сторону от нашей основной проблемы — исчезновения Синицыных?

— Не кажется. Все запутано, но как-то взаимосвязано. Даже не знаю, что делать. Скоро окончательно стемнеет. То ли оставаться здесь, то ли уматывать...

— Слушай, может, перед бегством из России купец Поспелов зарыл на конском выпасе клад? Как раз на нынешнем участке Синицыных. С собой в дорогу брать не решил. Времечко такое было!.. Грабили и свои, и чужие. Надеялся вернуться за Ольгой и Петрушей, а заодно и камешки прихватить. Иначе невозможно объяснить происхождение найденных тетей Катей бриллиантов.

— Я же говорю, что все как-то взаимосвязано. Одно смущает: после бегства купца столько лет прошло. Неужели он ни с кем не поделился тайной? Возможные наследники давно бы заглянули. Выходит, тетя Катя его случайно обнаружила. Но едва ли она рассказывала о находке кому-нибудь постороннему. Если только Динке. Та ее при пересчете бриллиантов застала. Ну и по глупости кому-нибудь еще ляпнула. А мы с тобой еще удивляемся, откуда взялось столько «знатоков». Вспомни, что Катерина говорила Динке по телефону. Лапу Чеширского кота под псевдонимом «цапка» взяла у нее соседка. Следует ей напомнить о возврате. Вероятно, бабушка, почувствовав опасность и, не зная, куда спрятать камешки, успела шурануть рыхлитель через забор. Надеюсь позднее забрать. Соседка с пятьдесят третьего, если и обнаружит знакомый инструмент на своем участке, приберет до ее возвращения. А Галина, решив, что тетя Катя цапку у них случайно забыла, тем же метательным способом отправила ее назад...

Я ойкнула и растерянно уставилась на Наташку. Следовало раньше догадаться. Соседка Синицыных Зинаида не ошиблась. Ранним утром пятницы она и в самом деле видела Катерину на даче. Та искала свою цапку, но не нашла. Не успела — времени было мало. Цапку случайно обнаружила я. Это значит...

Наши тихие переговоры прервал какой-то шорох. Я вытянулась в струнку и напряженно прислушалась. Наташка прислушалась без вытяжки,

зато от усердия закатила глаза. Повторения не последовало. Мы хором намеренно громко согласились, что шуршала мышь. Этой грызунье нечего нас бояться. Мы люди мирные. Можно сказать, создали ей благоприятные условия — обеспечили тишину, шурши на здоровье, но она ими не воспользовалась. Наверное, очень застенчивая. Вот только источник шороха, по нашим понятиям, находился в разных местах. Я, молча, указала пальцем вниз, в подполье, Наталья, молча, махнула рукой в сторону коридора. Проверить ее версию было легче, чем мою, не проваливаться же вниз на ровном месте. А посему подруга встала и на цыпочках отправилась к входной двери. Мне пришлось обеспечивать состояние болтливой беззаботности. Вроде как мышинная возня нас нисколько не волновала. Вот я и принялась увлеченно подсчитывать вслух общее количество мышинных шкурок, необходимых для пошива шубки. Живодерня какая-то, но медлить с выбором темы было нельзя, что в голову взбрело, то и болтала, напряженно прислушиваясь к действиям подруги. Не выдержав, отправилась следом.

Остановившись у двери, ведущей в пристройку, именуемую хлевом, Наташка вначале сосредоточилась, затем с размаха пнула ее ногой. Дверь распахнулась и смела взвизгнувшее от боли «подслушивающее устройство», очень похожее на живой колобок. Рассмотреть его не удалось, в кухне мы свет не включали — сумерничали, а в коридоре и подавно. Кто ж знал, что после удара колобок, не останавливаясь, покатится дальше. Прямо по ступенькам в пристроенный к дому сарай или хлев, не знаю, как эта пристройка называется. Но именно там, в отдельном закутке, жили куры.

Переполоху от них было много. Вот тогда мы и догадались, что «колобок» ударился в бега. Шумное хлопанье крыльями и истеричное кудахтанье сопровождалось визгливой руганью. К чести птиц следует заметить, что ругались не они. Это старался «колобок», в темноте посшибавший все, что тормозило бегство на улицу. Проводить его мы не решились — перетрусили. А тут еще принудительно разбуженная баба Ньюша выскочила из комнаты и долго не могла понять, что случилось. От волнения мы верещали вместе, но не «в одну дуду».

— Надо закрыть все входы-выходы на засовы. Какой-нить местный пьянчуга заблудился, — так толком и не разобравшись, почему куры ругались нецензурной бранью, уверенно заявила хозяйка и включила на кухне свет.

Мы сразу воспряли духом и даже проводили ее в беспросветный коридор. В смысле, темный. Пару раз щелкнув выключателем, баба Ньюша

объявила конец света — лампочка перегорела. Надо вернуть новую.

— А вдруг старую просто вывернули? — озадачила всех Наташка. — Ир, тащи табуретку, проверим.

— Зачем табуретку? Тут маленькая скамеечка есть. — Баба Нюша пошарила в темноте руками и озабочилась. — Куда ж она запропала? Наташа, открой кухонную дверь, светлее станет. Что ж мы раньше-то не догадались!

— Так сразу и не догадаешься, — проворчала Наташка, распахивая дверь. — И зачем нам скамеечка? Я и без нее спокойненько до вашего фонаря достану. Потолок низкий.

— Да где ж моя скамеечка? — не слушая Наталью, волновалась баба Нюша.

— А ее, скорей всего, «колобок» прихватил, — догадалась я. — Летел отсюда со всеми удобствами. Сейчас где-нибудь на свежем воздухе на ней и отсиживается. О-о-о...

Не выразить своего искреннего восхищения действиями подруги я не могла. Дотянувшись до лампочки кончиками пальцев, она выдвигала ногами замысловатые «па», упрямо пытаясь подрасти хоть на сантиметр. Но тут баба Нюша споткнулась о свою скамеечку, валявшуюся далеко от места «регистрации» и радостно чертыхнулась. Не менее радостно чертыхнулась подруга.

Лампочка и в самом деле оказалась немного вывернутой. Практичная Наташка не единожды обратила на это наше внимание, поскольку, по ее убеждению, нам исправность лампочки изначально была «до фонаря». А вывернул «светоч», не кто иной как ворюга-колобок. С помощью украденной скамеечки бывшего участкового Дьячкова.

— Почему участкового? — опешила баба Нюша. — Она моя. Ванечка сделал, чтобы на нее ведра с водой ставить.

— Так дом же Дьячковых, вот я и подумала...

— Это с чего же ему быть Дьячковым? Он по наследству принадлежал моим родителям — Лоскутковым, в нем и Мишенька вырос, и мы с Ванечкой жили. Только фамилия с иродом и связывает. Ванечка ее по просьбе мамы не менял. Говорила же. Она до самой смерти боялась репрессий.

— А где тогда жила Ванечкина мама — Лизонька?

— Как где? Здесь, у нас. Да она еще когда молоденькая была и только приехала, председатель колхоза ее к нам на постой определил. Они с моей мамой очень сдружились. И совсем вернувшись из города в деревню, Елизавета Матвеевна сразу сюда пришла. Дом Дьячкова его мамаша перед

отъездом к младшей дочери быстренько продала. И все деньги с собой прихватила.

— Да как же вы все в одной комнате помещались?

— Не в одной, а в двух. Раньше перегородка была. Мы с Елизаветой в маленькой комнатке обитали, а мама с отцом в большой. Когда Иван приезжал на каникулы, я тоже в большую перебиралась. А как он учительствовать вернулся, ему колхоз выделил участок для застройки. Но мы с ним успели только сруб под крышу подвести. Родители один за одним переехали туда, откуда не возвращаются. Елизавета Матвеевна ненадолго их пережила. Царствие им всем небесное. Ну а нам втроем и родительского дома хватало. Уж как ладно мы жили-то. Любил меня Ванечка, и я его, голубчика, любила. А сруб все равно пригодился.

— Иванычу, — подсказала я.

— Иванычу, — согласилась баба Ньюша. — Он сюда вернулся... дай бог памяти... — озадачилась женщина подсчетами, — ну да, лет восемь — десять, назад. Почти сразу после похорон Елизаветы Матвеевны. Все думали — помирать приехал, а оно вон как вышло, и Лизоньку, и Ванечку пережил. — Концом фартука баба Ньюша промокнула выступившие слезы. — Сразу-то нас с Иваном деревенские стыдили, мол, отселили немощного старика, чтобы меньше хлопот было. А как меньше, если мне трижды в день, а то и больше, приходилось к нему с едой мотаться. Уж в этом меня было не переспорить. Ругался, а я все равно к нему ходила, насильно кормила, раз никак не соглашался к нам переехать. Все говорил, мол, привык к одиночеству, общение с людьми ему в тягость. Знал, что своим видом всех пугает. В доме ни одного зеркала не держал. Мы-то привыкли, внимания на его внешность не обращали. Очень медленно душой оттаивал. Молчун он. Все читал. Мы ему книжки по его списку покупали. Разумом-то светлый. Травки разные собирал, свои целебные чаи заваривал. Каждый день, кроме зимних месяцев, на рыбалку как на работу ходил. Чаще пустой возвращался, без улова, но ему сама прогулка на озеро в радость была. А зимой все томился, не любил зимнюю пору. Потом Мишка ему ноутбук подарил, интернет подключил, беспроводной какой-то. Я же говорю, умница дедка. В два счета все освоил... Ой, заговорила я вас! — всплеснула хозяйка руками, — дверь на крыльцо закройте да идите в комнату, а я спущусь, закрою ворота.

Наташка дрогнувшим голосом предложила быстренько организовать коллективизацию в деле обеспечения нашей общей безопасности. Кто знает, куда закатился пьяный колобок. Вдруг уселся с курами на насест и косит под петуха, тайком чем-нибудь вооруженного, например, граблями.

Баба Ньюша прыснула, но согласилась. Раз мы такие трусихи...

— Мы не трусихи, — заартачилась подруга. — Мы ученые! Жизнью. Ир, скажи?

— Скажу, — согласилась я. — Мы ученые. Только бестолковки. При дневном свете это не очень заметно, а ночью мы чаще всего спим. Ни за что не соглашусь уезжать отсюда в ночь. — Получилось немножко путано, но меня, кажется, поняли.

Демонстрируя храбрость, основанную на наличии группы прикрытия — бабы Ньюши и Натальи, я отправилась в противоположный конец освещенного коридора закрывать на засов парадную дверь, ведущую на крыльцо. И чтобы мне, бестолковке, ее сразу закрыть! Не открывая. Но окончательно расхрабрившись, я оглянулась на группу прикрытия, дернула дверь на себя, приглашая дам полюбоваться пустым крылечком. Нет, чтобы сначала самой полюбоваться...

Наташкин дикий вопль, призывающий дорогую маму, очередной раз был не к месту. Что за дурная привычка постоянно будоражить родную покойницу, да еще к ночи. Баба Ньюша никого не призывала, просто пыталась что-то сказать, забыв о необходимости хотя бы открыть рот.

Мне очень не хотелось разворачиваться к крыльцу, но заявила о себе противоречивость и сложность моей натуры. Впрочем, разве я одна не дружу с головой? А ведь мыслила моя голова правильно, подсказывая мне единственно необходимый выход: не оборачиваясь, захлопнуть дверь и задвинуть щеколду. Подсказкой не воспользовалась. Медленно (потому как сама себе сопротивлялась) обернувшись, я задохнулась от ужаса. Прямо передо мной стояла покойная фрау Райнхильда и немного растерянно, но приветливо скалилась ослепительно белыми лошадиного размера зубами. Я успела подумать, что она не может быть Наташкиной дорогой мамой, которую подруга минуту назад призывала. Хоть какой-то положительный момент...

— Хай! — вежливо приветствовала она всех, хотя смотрела на меня.

— Вот уж совсем не «хай!»... — через силу выдавила я из себя, судорожно пытаюсь «отклеиться» от двери. Прилипла на нервной почве, как жвачка к подошве обуви! И обреченно согласилась:

— Ну нехай будет «хай!»

— Это кто ж такая? Не разгляжу, — первой опомнилась баба Ньюша, решительно направляясь мне на выручку, — и зачем просит ее хаять? Из психушки сбежала?

Не хотелось объяснять, что гостя к нам с иностранным приветом. Я деликатно промолчала. Пусть сама отрекомендуется. Для покойницы слишком широко улыбается. Спрашивается, чему радуется? Для живой ведь она основательно мертвой лежала позавчера в баньке Синицыных. Живой труп, одним словом. И так и этак радоваться нечему. Интересно, долго он будет молчать?

И тут Наташка неожиданно устроила «рекламную паузу» — выронила добытое непонятно где коромысло. Наверное руки тряслись. Мы взвизгнули, ахнули, охнули и отвлеклись на виновницу грохота. Тр и Натальиных попытки поднять коромысло окончились неудачей. Баба Ньюша застряла на середине коридорного пространства, решая, кому из нас ее помощь нужнее. А мне однообразное зрелище с коромыслом надоело. Я переключила внимание на крыльцо, решив вежливо поинтересоваться здоровьем покойницы. Но ее уже там не было.

— И где же эта залетная хайлушка? — возмутилась баба Ньюша. — Никак чего-то испугалась.

— Ага, — разговорилась Наташка. — Коромысла. Прямо до смерти. Может, приняла его за осинový кол?

— Может, это она кур переполошила. Странная какая-то.

Баба Ньюша оттеснила меня от двери и закрыла ее на задвижку. Для верности я подергала дверь за ручку, она успешно отвалилась. Зато дверь на провокацию не поддавалась.

— Не-е-е... — немного подумав, подала голос подруга. — Кур переполошил «колобок». Весь такой круглый и матом крыл мужеским голосом. Сказание о том, как он от бабушки ушел и от дедушки ушел в стиле «модерн». Теперь ваша куриная стая со страху только пометом нестись будет. Ир, ты оттаяла?

— Давно. Если надо где-нибудь что-нибудь еще сломать, я к вашим услугам.

— Давай сюда эту железку, ей не меньше ста лет, — проворчала баба Ньюша, отнимая у меня ручку. — Отжила свое. Ох, не нравится мне вся эта суматоха. Надо фонарик поискать. Вдруг и внизу лампочку вывернули.

— У меня фонарик в машине, — быстро отреагировала Наташка. Потом она неуверенно провела рукой по волосам, как бы приглаживая мысли, и глухо, но отчаянно прогудела: — Моя машина...

Я привычно зажала ладонями уши. «Увертюра» прозвучала, следует ждать пронзительного вопля. Но его не последовало. Наташка «споткнулась» на ранней стадии его подготовки. Камнем преткновения послужила громкая и односложная команда бабы Ньюши: «Спокойно!» А дальше она мягко проворковала, что после недавнего небольшого спора с сыном Натальину «игрушку» припарковали в гараж Мишуткиного коттеджа. Та к надежнее и спокойнее. Подруга заикнулась было о невозможности перегона, поскольку ключи от «Шкоды» у нее в сумке, а сумка, кладезь ее материальных ценностей, всегда при ней. Баба Ньюша похвалила Наташку за предусмотрительность и напомнила, что в данный момент при ней коромысло, а сумка в комнате, но наверняка без ключей.

— Обыск?! — тоном, не предвещавшим ничего хорошего, процедила подруга.

— Да нет, просто изъятие. Украли вместе с Иванычем, — стремясь ее успокоить, беззаботно поправила я. — Мы же сами заявили Михаилу, что никуда ехать не собираемся.

— Еле уговорила, — доверительно сообщила баба Ньюша. — Уж очень ему хотелось от вас избавиться. За что он так взъелся? Аферистками и воровками обозвал.

Наташка обиделась:

— Сам он!.. Новый русский со старыми бандитскими замашками.

Я удачно пнула коромысло ногой. В том смысле, что промахнулась и никого не травмировала. Обе дамы уставились на меня с неподдельным интересом. Не мешкая, я объявила готовность номер один к спуску в пристройку, намекнув, что враг не дремлет. Скорее всего, хорошо сидит в курятнике на ранее снесенных курами яйцах. Наташка тут же подхватила с пола коромысло, но баба Ньюша на нее шикнула и отняла, пристроив его на настенные штырьки.

Про отсутствие фонарика как-то забыли, про бандитское прошлое депутата Дьячкова тоже. Баба Ньюша негласно взяла на себя роль руководителя и первой двинулась к ступенькам, поскольку знала, где расположен выключатель.

Недоразумения со светом избежали. И хотя он был достаточно тусклым, сразу стало понятно — путь «колобка» легкостью не отличался. Похоже, с планом пристройки он не знакомился, в дом проник с парадного входа, через крыльцо. В поисках выхода заблудился, оттого и наведалься в

курятник. Окольным маршрутом — через пару ведер, садово-огородный инвентарь и чем-то набитые под завязку мешки. Весь «подножный» материал в беспорядке раскинулся в разные стороны. Куры, естественно, этого не одобрили.

Ворота были распахнуты настежь. По-видимому, пришелец ломанулся в них с налета напрямик из курятника. С его габаритами хватило бы и одной створки, да видно натура у мужика слишком широкая. Сделать обход вокруг дома, а равно заглянуть в огород мы побоялись. Никто не хотел торчать на карауле у ворот в одиночку, равно как и «дозорить» наедине с самой собой. Решили не рисковать. Закрыв ворота, почувствовали себя уверенней. Мне даже не позволили подойти к ним с контрольной проверкой запора. Не очень-то и хотелось.

Уверенность немного поколебалась, когда вошли в комнату. Окно, через которое Михаил тайком вытащил Иваныча, так и осталось открытым. На легком сквозняке трепетала тонкая занавеска. Казалось, с улицы кто-то внимательно наблюдает за нами. Я сразу пожалела о коромысле. Наташка хорошо с ним смотрелась, мне это нисколько не мешало, зря баба Ньюша его отняла. А вот оторванную мною дверную ручку так при себе и держит. В принципе, правильно. Не коромысло, конечно, но задействовать ее в качестве метательного орудия можно.

— Еще не хватало бояться не знамо кого в собственном доме, — заявила баба Ньюша, убеждая в этом и себя, и нас.

Само собой, мы поддакнули, но перешагнуть порожек и войти в комнату, освещаемую только слабеньким ночничком, никто не решался. Я проявила инициативу, предложив порадоваться отсутствию перегородки. Без нее вся комната на виду, кроме нескольких не очень проблемных мест — круглого стола, накрытого скатертью, свешивающейся до пола, и угла у окна. Прямо за диваном, ранее занимаемым Иванычем. Порадовались единогласно, после чего баба Ньюша зафитилила дверную ручку точнехонько в темный угол, сопроводив бросок немного запоздавшим требованием: «Вылезай, а то убью!» Отозвалась одна ручка, звякнувшая дважды — при стыковке с чем-то и последующим приземлением. Ясности не было. То ли и вправду метательница кого-то убила или серьезно покалечила, то ли там просто никто не прятался.

— Верни ручку, ирод! — ласково попросила Наташка, решив сменить тактику. — Вещь раритетная, многофункциональная, в хозяйстве еще пригодится...

Я на всякий случай присела. Ручка не бумеранг, в исходное положение — к рукам бабы Ньюши не вернется. Учитывая мою «везучесть», есть

опасение, что предпочтет затормозить о мой умный лоб.

Полное бездействие в углу вдохновило бабу Ньюшу на решительные шаги. Точнее, на короткий забег с препятствиями. Прытко перескочив порожек и откинув в сторону стул, стоявший не на своем месте, она буквально вписалась в стену с выключателем. Комната озарилась мягким, немного неживым светом энергосберегающей лампы, постепенно набирающей яркость. Сразу стало понятно: в ней кто-то побывал. Свидетельством тому в первую очередь был стул, изначально занявший не свое место и откинутый бабой Ньюшей на другое, тоже не свое. Затем — беспорядок на старинном комодке. Кто-то, пытавшийся обыскать его ящички, очень спешил. Часть постельного белья, вытащенного из них, так и осталась на полу, однако ящички были задвинуты. Возмущенная несанкционированным обыском баба Ньюша рывком сдернула со стола скатерть. Я, как самая «везучая», оказалась на подхвате. Угодившая мне в голову скатерть, на короткий миг лишила способности видеть, но не слышать. Сдавленный писк соратниц навел на рациональную мысль — не стаскивать «паранджу» до более благоприятного момента. Подвели противоречивость и сложность моей натуры. Я приняла половинчатое решение. Освободила ровно половину физиономии, чтобы оценить ситуацию хоть одним глазком.

Увиденное заставило меня окончательно расстаться с «паранджой». Я швырнула ее на стул, промазала, но не расстроилась. Баба Ньюша с Наташкой с усилием перетаскивали дубовый стол, стараясь не задеть лежащее под ней тело фрау Райнхильды. Вот настырная покойница!

Дальше началась сплошная суета. У фрау был такой же синюшный цвет лица, какой мы отметили в момент первого с ней знакомства в бане Синицыных. Только тогда приняли ее тело за холодный труп. Сразу вспомнилась Гелькина просьба к Наталье пристроить жену Туканова на обследование в свою бывшую клинику. У дамы явные проблемы со здоровьем. Пока ясно только одно: до своей Австрии она не добралась, надо вызывать ей «скорую».

— Оригинальный способ нашла фрау, чтобы напомнить мне о необходимости решения вопроса с ее госпитализацией, — потеряла подбородок Наташка и наклонилась проверить пульс. — Не сработало в первый раз, так она предприняла вторую попытку. Только зачем под стол забралась? А худющая-то!

— Сувенирный набор костей, — предположила я. — Стол — оригинальная упаковка. Ужас какой... Идиотки! Стоим и кости фрау пересчитываем вместо того, чтобы... Баба Ньюша, как тут у вас вызывают

«скорую»?

— Сейчас Михаилу позвоню.

Трясущимися руками баба Ньюша схватила с комода громоздкий будильник шестидесятих годов прошлого века и принялась накручивать какие-то винтики. Громкое и жутко скрипучее дребезжание взрывной волной ударило по ушам.

— Автодозвон! — вякнула я, брякнувшись на коленки. Наташка, испуганно выронив руку фрау, ткнулась рядышком, будильник под действием нервного всплеска рук бабы Ньюши взлетел вверх и приземлился на стул. Фрау Райнхильда открыла глаза и уставилась на меня.

— Хай! — пролепетала я в смятении и попыталась увернуться от прямого взгляда. Фрау недоверчиво проследила за моим креном влево, хлопнула ресницами и пожевала губами. Ее синюшное лицо довольно быстро обретало цвет, близкий к цвету застиранного белого постельного белья, подаваемого в поездах дальнего следования. То-есть господствовал серый оттенок. — Прекрасно выглядите, — покривила я душой, надеясь, что она все равно не понимает по-русски ни бельмеса, а благожелательность моего тона окажет на нее положительное воздействие. — Что искали?

— С-спасибо, это не я искала, кто-то еще влез окно, я прятунки, — прошелестела дама и опять закрыла глаза. На высоких скулах наметился легкий румянец.

Окрепшая духом Наташка живенько отползла к дивану, поднялась с колен и, отряхнув их, чинно уселась посередине. Но по непонятной причине пробормотала, что ее хата с краю. Баба Ньюша, визуалью прикинув расстояние от места своей стоянки до стула и до дивана, остановила выбор на стуле. Наверное, ее смутило Наташкино заявление о краеугольной хате. Кивнув стулу, наша баба осторожно подошла к нему. Со словами «Кыш, кыш» скинула с сиденья громко тикающий будильник на пол и, усевшись к нам боком, замерла.

Все происходящее было настолько нелепо, что я крепко зажмурила глаза. В надежде как можно скорее обнаружить себя проснувшейся в родной домашней обстановке, в собственной кровати. Останется только посмеяться над безумным сновидением.

Смеяться я начала сразу — еще не открыв глаза. Да так разошлась, что никого и ничего вокруг себя не видела и не слышала. Был момент, когда, прослезившись, серьезно обеспокоилась. Смех без тормозов совсем не признак безудержного веселья. К счастью, легкое колебание моего душевного барометра безошибочно уловила Наташка. К несчастью у нее

очень тяжелая рука. Как бы то ни было, весомая Наташкина оплеуха разом оборвала мою смехотворную инициативу. Зато появилась икота. Схватив за шиворот и как следует встряхнув, подруга увлекла меня за собой на кухню. По ее указанию я по максимуму завела руки за спину и потянула вверх. Сунув мне под нос чашку воды, она потребовала сделать невозможное — пару глотков. Чашку все время тянула на себя, а шеей в жирафа я не вышла. Ничего не получалось, и Наташка махнула на меня рукой. Именно той, в которой держала чашку...

Пару минут мы промокали меня полотенцем, попутно выясняли отношения. За этим делом как-то не заметили отсутствия икоты, а когда заметили, пришли к единому мнению — что ни делается, все к лучшему. Эту же фразу повторили, вернувшись в комнату. Баба Ньюша в состоянии полной релаксации, не меняя положения, сидела на стуле. А вот фрау куда-то запропала. Предположили, что она вывалилась из окна, решив подышать свежим воздухом. Выглянули на улицу. Под окном была видна только пустая лавочка. Дальнейшему кругозору мешала ночная мгла.

— Хорошо, что «скорую» не вызвали, — закрывая створки окна, отметила Наташка. — Получился бы еще один ложный вызов. Впрочем, за больных могли сойти и ты, и баба Ньюша. А я бы как-нибудь между вами пристроилась. Надо же, мы упустили фрау! С таким состоянием здоровья как у нее срочно надо на больничную койку. Жуткая тахикардия. Пульс — не меньше двухсот ударов в минуту. Почему она нас боится? Ир, а вдруг фрау где-нибудь поблизости умирает?

— Не-е-е... — протянула я, заметив шевеление в углу за диваном, — Не умирает. Она сняла в этом доме угол. В тесноте, да не в обиде. Баба Ньюша не возражает. По-моему, ей эта фрау знакома.

— О, блин! — подскочила Наташка к «съемному» отсеку. — Хау ду ю ду... ю, мад-дам?

Ответом было молчание и подруга сделала вывод, что фрау поживает ни ХАУ. А точнее, просто мучается. Дурью. Уткнулась носом в боковинку дивана и сопит. Характер сопения непонятен. То ли от стыда, то ли от обиды. За свое поведение и на саму себя. Мы же ей ничего плохого не сделали. Нет, ну если в ее планы входило умереть, а мы помешали...

— Можно мне воды? — проскулила фрау Райнхильда из своего убежища. Почти без акцента. Только буква «ж» с мягким знаком в слове «можно» звучала немного странно.

— Она владеет русским языком! — с опозданием заметила Наташка, обращаясь ко мне. Словно я внезапно оглохла. — Надеюсь, ничего лишнего не сказала?

— Надейся, — успокоила я подругу, провожая глазами бабу Ньюшу. Тяжело поднявшись со стула, женщина медленно вышла из комнаты, нечаянно наподдав ногой будильник. Его прощальные гастроли с отчаянным подпрыгиванием оборвались после стыковки со стеной. Безумное тиканье стихло.

Я метнулась за хозяйкой, но помешал Наташкин призыв о помощи. Первым делом следовало поменять место фактического пребывания фрау на более комфортабельное — для последующей доверительной беседы. Усадить ее хотя бы на тот же диван. Добровольно вылезать из своего потайного угла она не хотела, а применять физическую силу подруга не решалась. Мало ли что придет в голову болезной иностранке. Возьмет и назло нам помрет.

Посетовав, что упустила бабу Ньюшу, я с неудовольствием подошла к двум дамам. Третьей лишней. Мне удалось выговорить только начальное слово: «Понимаете...». Довольно задушевно. Не знаю, зачем я подкрепила его широким жестом — разжав сцепленные в замок руки, развела их в стороны ладонями вверх...

Баба Ньюша подошла неслышно, а может, мы с Наташкой были слишком увлечены своей миссией... Выбитая мной из рук бабы кружка с водой в какой-то мере удовлетворила запрос фрау. Помнится, она просила воды, но не уточняла, для каких целей. Вся кружка на нее и выплеснулась. Мы не воспользовались ни каплей.

Я сразу поняла состояние фрау. Сама толком еще не просохла. А дальше... Словом, ничего хорошего дальше лично для меня не было. Фрау, рассыпаясь брызгами, пронзительно верещала. Наташка орала с сурдопереводом — все пыталась достучаться до моего благоразумия, шлепая меня по лбу. Баба Ньюша проклинала большое количество лиц по известному ей одной списку. Я молчала, потихоньку пятясь назад в попытке избежать Наташкиного рукоприкладства. Пока мне это не надоело.

— Дайте же фрау полотенце! — рявкнула я. — Сейчас от нее на диване мокрое место останется!..

Тишина бывает пронзительной. Я это точно знаю. Именно такой она и была, пока я негодуя не фыркнула. И началось! Словно нажала на кнопку запуска программы. Баба Ньюша, несмотря на протест Райнхильды, понеслась за новой порцией воды и, судя по ее раздраженным «выхлопам» на кухне, у нее оказались «руки-крюки». Наташка то и дело купировала «протестанские» монологи фрау яростным растиранием ее большим банным полотенцем прямо поверх одежды. И только я в целях общей безопасности спокойно стояла в сторонке и угощалась шоколадными

конфетами с ликером из ранее незамеченной мною коробки, лежавшей на столе. Достойное утешение после пережитого.

Спустя полчаса, фрау, дважды обмотанная вокруг своей оси теплым халатом бабы Ньюши, сидела в нашей компании за круглым столом и наслаждалась чаем с качественной заваркой. Брать в руки чашку не решилась — не надеялась удержать почти литровую бадью, личный расписной шедевр, принадлежащий нашей хозяйке. Забавно, словно птичка, отхлебывая горячий напиток, Райнхильда или просто Рая поочередно улыбалась каждой из нас, но в глазах таилась настороженность. Рядышком с чашкой лежал поощрительный приз за послушание — две конфетины. Остаточное явление от опустошенной мною коробки конфет с ликером. Я старалась на них не смотреть.

Не могу сказать, что обстановка за столом была непринужденной. Баба Ньюша, восседая королевой, хранила независимость и гордое молчание. Явная демонстрация вынужденного гостеприимства по отношению к фрау Рае. Последняя делала вид, что не замечает позерства хозяйки. Я, как было отмечено, любовалась конфетами, а Наташка занималась серьезным делом: вникала в смысл инструкций по медицинскому применению лекарственных препаратов, изъятых из сумочки фрау. Сосредоточившись на важном занятии, подруга то и дело хмурилась, что обычно себе не позволяла. Полная бесстрастность на лице — внушительная фи́га мимическим морщинам. Это не мешало ей трескать бутерброды с деликатесами, запивая их кофейком. Сначала из своего, а затем и из моего бокала. В перерывах между пересменкой она бормотала прописные истины из инструкций, либо давала им комментарии.

На третьем круге ревизии стало окончательно ясно — подруга ищет и не находит к чему прицепиться, чтобы заклеить позором платного врача, рекомендовавшего фрау выписанные им препараты для лечения стандартной гипертонии. В конце концов она смирилась и недовольно признала, что врач не дурак. Дура сама фрау. На протяжении последних двух недель испытывает приступы не иначе как пароксизмальной тахикардии с потерей сознания и до сих пор не проконсультировалась со своим эскулапом. Я зациклилась на термине «пароксизмальной». С ходу и не выговоришь. Не забыть бы...

— Мужь ему не очень множько доверяет, — признательно улыбнувшись, хлопнула глазами фрау, — Яков обещал показать меня хорошему специалисту. Мои приступы его пугают. Мы женаты почти два год, и он всегда такой заботливый.

— А вас, — жестко спросила Наташка, — вас эти приступы не

пугают?

— Да меня — ага. Тожь. Тоже... — Голосок фрау ощутимо дрожал. От волнения она путалась в произношении все больше и больше. — Знаете, так внезапно начинают. Кажется, сердце выскочит, и сразу все темно. А потом опять норма. Как не бывать! Может, как это по-русски... Ну, болезнь привыкать...

— Результат акклиматизации? Маловероятно. И вы в таком состоянии решились лететь в Австрию? Одна, без мужа? — чувствуя, как насторожилась интуиция, поинтересовалась я.

— Я... лететь... — фрау смутилась. — Я не лететь в среду. Были проблемы... Не хотела говорить мужь, — она кинула быстрый взгляд на бабу Ньюшу, но та, сложив на груди руки, смотрела в сторону окна. — Яков бы возражать. Я ему обещать, но хотела проверить... Все так странно...

— Но ваш муж сказал, что вы улетели в среду, — мне пришлось проявить упрямство.

— Вы знаете мой мужь?! — оторопела фрау. — Яков Туканофф?

Прикусив нижнюю губу, я промолчала. Пусть думает, что хочет. Баба Ньюша, сраженная смыслом наших переговоров и разжавшая «плетенку» рук, тоже вольна в своих домыслах. Вон как сердито поглядывает.

— Яков не знал. Он думал, я улетала среду, — разволновалась Райнхильда. — Хотел отвезти меня аэропорт, но я настояла поехать одна. Здоровье было норма. А у него имелись срочные дела. Много работа. Он хотел прилететь позже... Ну и еще один обстоятельство... Я говорила... Мой билет был не на среду, а на четверг. Но я и четверг не улетел...

— Что-то мы заболтались, — оборвала я разговор, легонько пнув под столом Наташку. Нам просто необходимо посоветоваться. Надо столько всего проверить!

Сама не своя баба Ньюша слегка подскочила. Мне пришлось извиниться за причиненное беспокойство. Сослалась на непослушную ногу — затекла и взбрыкнула автоматически. Наташка моментально сообразила, что я ошиблась маршрутом и широко зевнула. Наглядная агитация за прекращение посиделок. Для усиления эффекта зевнула и я, предложив продолжить общение утром, после чего мы с подругой организованно встали. Приподнявшаяся было фрау вопросительно взглянула на бабу Ньюшу и снова уселась. Я бы и сама вернулась на свой стул, если бы его не отставила Наташка. Выражение лица бабы Ньюши не сулило ничего хорошего. Оно в полной мере отвечало понятию «зловещее». В принципе, правильно. Человек не научен притворяться. Такой реакции я и ожидала. Если права, сейчас нас должны выгнать.

Наташка «споткнулась» на очередном, на сей раз естественном зевке, да так и замерла с полуоткрытым ртом. Наша недавно благодушная хозяйка пристукнула кулаком по столу и властным, прямо-таки железобетонным голосом объявила:

— У меня нет места для ночлега! Не обессудьте. Собирайте манатки и уезжайте. Даст бог, быстро доберетесь куда надо. Сейчас позвоню и подадут вашу машину к моему дому.

Продекларировав свою волю, баба Ньюша поднялась и, прихватив с комода мобильник, вынесла себя за порог комнаты.

— Фи-ига себе... — вытянув губы в трубочку, прогудела Наташка. — Чего это она?

— Не фига! — бодро отозвалась я, довольная правильностью своих выводов. — Все по плану. Быстренько собираем шмотки. С минуты на минуту заявятся орелики Михайло Дьячкова. Они рассуждать не приучены. Ваше общее дело — молчать как можно громче. С бабой Ньюшей я сама попрощаюсь. Будет уговаривать остаться, не соглашайтесь. Сама соглашусь.

Наташка участливо посочувствовала печке, с которой я якобы упала, но, тем не менее, меньше чем за минуту упаковала наши немногочисленные пожитки плюс документы на машину, прихватила и сумочку фрау — хранилище лекарств. Не задерживаясь, мы отправились на крыльцо. Баба Ньюша провожать нас не собиралась. Просто выпроваживала, контролируя наш выход.

Я намеренно притормозила, завязывая заранее развязанный шнурок кроссовки. Дождавшись, когда спутницы выйдут на крыльцо, обругала непослушный шнурок, а потом поделилась с ним сокровенными знаниями, предназначенными для ушей бабы Ньюши. Она охнула и схватилась за сердце, прижав к груди какую-то скомканную вещицу. Я выпрямилась и с гордо поднятой головой отправилась следом за Натальей и Райнхильдой.

Поджидая меня, обе торчали на крыльце, вяло обсуждая деревенских собак за пустой перебрех...

— Ну и чего стоим? — возмутилась я. — Ноги нашей больше не будет на ступеньках этого крыльца!

— О-о-о! Я не очень поняла, какой нашей нога здесь не будет стоять. Общей? Как это? А! Один нога здесь, другая там? — тупила по незнанию фрау.

— Не каркай! — цыкнула на нее Наташка. — Только расчлененки нам и не хватало! Потом объясню. Видишь, машину к этому разбойничьему гнезду подают.

Наказав фрау проявлять максимум осторожности, мы с подругой резво сбежали по ступенькам и встали на подхвате. Вдруг Райнхильда надумает хлопнуться в обморок. Обошлось. Просто замечательно, что она не задает вопросов.

Натальина «Шкода» прибыла на удивление быстро и аккуратно

притормозила. Из салона вышли двое крепких ребят и встали у дверей.

— Вещи — в машину! — приказным тоном заявила им Наташка и, отняв сумочку у фрау, метнула ее вместе с нашим почти невесомым пакетом одному из служивых. Поймав их автоматически, он что-то вякнул про закидон, но быстро сориентировался и небрежно закинул передачу на заднее сиденье.

Наталья еще не успела обойти всю машину в намерении выдвинуть какие-нибудь обвинения по поводу ее отвратительного содержания на территории коттеджа, как на крыльце появилась босоногая баба Ньюша.

— Девки, погодите! — крикнула она, махнув чем-то белым. То ли полотенцем, то ли платком. Полная капитуляция! — Возвращайтесь! Куда вы поедете в такую темень.

— Туда, откуда нас никогда не выпроводят в такую темень, — отрезала Наташка. — К себе домой!

Я едва успела ухватить за руку Райнхильду. Показалось, что она, забыв мои наставления, намеревалась поддаться на приглашение. Ан, нет. Фрау строптиво топнула и заявила: «Мой нога тут никогда стоять не будет!» — И тут же подкрепила заявление действием. Несмотря на мою поддержку, ноги у нее разъехались и она уселась на скользкой траве, потянув меня за собой.

Такого везенья я не ожидала и с радостью присоседилась. Не надо искать подходящий повод для якобы вынужденного возвращения.

Подскочившая Наташка выговорила обеим за «выкрутасы» и напомнила, что рассиживаться некогда. Но руку помощи не протянула — осторожничала, чистюля. Именно поэтому процесс нашего с фрау восстановления несколько затянулся. В своих попытках подняться цеплялись друг за друга, в результате раскатали место «заседания» до состояния идеального суглинистого катка, чем очень повеселили парней Михаила. За развеселым ржанием они не слышали бабы-Нюшины вопли с требованием немедленно вытащить девок из грязи и доставить к крыльцу. Наташка бегала вокруг нас с советами, одновременно рассыпаясь угрозами в адрес служивых. Пусть только посмеют тронуть ее подруг хоть одним пальцем!..

Они все-таки посмели. Сразу после того как баба Ньюша, покинув ступеньки крыльца, огрела одного из них, «черта чумазого», неопознанным куском материи и пригрозила увольнением.

В процессе моего перетягивания к лавочке под окном (возвращаться в дом я, само собой, категорически отказалась), успела удивиться живучести некоторых предрассудков. То, что в темноте мною было принято за белое полотенце или платок в руках бабы Ньюши, на самом деле являлось половой

тряпкой. Выпроваживая нас из дома, женщина намеревалась протереть пол, суеверно пресекая таким образом возможность нашего возвращения.

Поняв тщетность своих усилий пригласить меня и Райнхильду в гости, баба Ньюша носилась босиком за Наташкой, умышленно старавшейся отыскать в разных местах машины что-нибудь бесполезное — на выброс. Жалела чехлы, а заодно тянула время. Запускать нас в салон, предварительно не застелив их этим «на выброс» категорически не желала. И от всей души «поливала» ливневые дожди, вечно идущие не ко времени. Когда в них «некоторые» (намек на нас с фрау) нуждаются позарез, фиг вам!

Охранники Михаила бестолково топтались по обе стороны лавочки, плохо понимая, что делать дальше. Один из них не выдержал и прозвонился шефу. Обстановку доложил коротко: две чокнутые бабы вывалялись в грязи и сохнут на лавке, третья безостановочно ныряет в машину. Анна Васильевна пытается загнать всех в дом. Похоже, вместе с машиной. Далее он внимательно слушал указания Михаила Ивановича и долдонил только одно слово: «понял».

Мы с фрау успели продрогнуть. Я уже собралась громогласно сослаться на давление обстоятельств, в силу которых вынуждены согласиться на необходимость возврата, но тут началось нечто интересное. Пытаясь отделаться от бабы Ньюши до моего особого распоряжения, Наташка с каким-то мешком в руках начала короткие перебежки от колеса к колесу. Пиная машинную «обувь» ногами, подруга возмущалась, что они намеренно спущены. Баба Ньюша семенила за ней, разбавляя старую песню о своей полной готовности к гостеприимству куплетом о воле Всевышнего. Он намеренно спустил нам колеса. За бабой Ньюшей метался охранник, пытаясь всучить ей мобильник, дабы она переговорила с сыном. Женщина отмахивалась от парня, вынужденного под ее напутственное «да уйди ты!» резко менять направление движения. Нас с фрау он навестил дважды и оба раза падал на колени у наших ног. Мобильник без конца трезвонил патриотическим шлягером. Мы возмущались, отпихиваясь от парня и руками и ногами. В конце концов он выронил аппарат и, цедя сквозь зубы ругательства, окончательно потерял человеческий вид. Ползая на четвереньках в радиусе поиска смолкнувшего телефона, являл собой неизвестное науке ластоногое животное.

— Где твоя машина? — не отрывая глаз от завораживающего спектакля, поинтересовалась я у фрау. Совместные посиделки в грязи сблизили, не стоило «выкаты».

— Моя машина разбит в пух прах! — с удовольствием заявила она. —

Машина немного спотыкаться. А у меня немного кружиться голова, я остановилась в магазин купить немного вода. И попросила двух ребят посмотреть, что неисправно. Вернулась — нет машина! И мобильного нет, и чемодана. Угнали! Хорошо, сумка с собой взяла. Там деньги, кредитка. Пошла снова в магазин, позвонила полиции. Машину быстро нашли. Недалеко. Вверх ногами, в пухе прахе. Мне повезло, угонщикам нет. Оба молодых человека тяжелом состоянии в больница.

— Яков знает?

— Не-ет. Он знает я улетела. — Фрау прижала руки к груди, радость в голосе померкла. — Не знала, как объяснить ему мое поведение, потому надиктовала автоответчику: после прилета сразу поеду к племянница. Она заболел. Как-нибудь... Яков такой волнительный. Вот только непонятно... — Райнхильда всхлипнула, но взяла себя в руки. — Сюда на такси добиралась. Все напрасно. Проблемы не решила. Надо покупать билет домой, — обреченно пожаловалась она.

— Тебе известно, в какой больнице находятся угонщики?

— Конечно. Здесь рядышком, в городе. Я там гостиница. В больнице была два раза. Улица Пестеля, двадцать четыре. Совсем молоденькие мальчики. Хотели покататься, проверить машина на ходу. Немножко их, как это... Ну, наказала...

— Поругала?

— Да, да-а. Поругала. И следователя тоже. Сказал, их усадят тюрьма. А они же все сломались. Господь уже их поругал. — Райнхильда снова всхлипнула, достала из кармана бумажный платочек и промокнула глаза.

Я не выдержала и вскочила, положив руку на плечо фрау. Ей совсем необязательно вскакивать. Ох, не нравится мне ее недуг! И не нравится... Наташкино полулежачее положение.

— Баба Ньюша!

— Да погоди ты! — отмахнулась она.

Кажется, баба Ньюша не ведала, что творила — пыталась вытащить испуганную Наташку из машины. Нелегкая задача, если тянуть наружу с водительского кресла через переднее пассажирское. Подруга, как могла, отбивалась, вынужденно расставаясь с верхней одеждой. Легкая курточка и кофточка, оказавшиеся в руках женщины, потеряли без Наташки свою ценность. В результате были бесцеремонно отброшены на мокрую землю. Не желавшая светиться наготой Наталья, не кривя душой, истерично призывала меня к немедленному отъезду.

— Мы остаемся! — завопила я почти в ухо слишком гостеприимной хозяйке.

Баба Ньюша не сразу вникла в смысл моих слов. Оглохла! Оставив Наталью в покое, выпрямилась, немного постояла, вглядываясь в темноту болота, и... зарыдала.

Охранники проявили недюжинную силу ума, самостоятельно догадавшись, что от них требуется. В результате не очень вежливо препроводили фрау, меня и Наталью в дом. Иными словами — затолкали в коридор. Один из них нудно «скрипел», пытаясь возложить на нас вину за неисправность мокрого и грязного мобиля, который придется выкинуть. Спрашивается, зачем тогда поднимал? Благодарил бы судьбу, что вообще его отыскал. Бабу Ньюшу, несмотря на ее сопротивление, доставили на крыльцо бережно и осторожно — под ручки. В ходе этого действия напрочь снесли перила. Без них ступеньки сразу осиротели.

Не успели мы привести себя в порядок и расположиться в комнате, как в дверь громко затарабанили — появился Михаил. Правда, мы депутата не видели. Недовольная появлением сына баба Ньюша быстро его спровадила. А вот ее сердитые напутственные слова «иди, Мишка, туда, откуда прикатил, ружья проверять надо» слышали. Как и его смущенное оправдание, что после смерти отца ружье считалось неприкосновенным.

Перенервничавшая Райнхильда, расстроено лопоча на немецком, судорожно рылась в своей сумке — искала лекарство. Подключившаяся к поискам Наташка уверяла, что после изучения инструкций, вернула препараты на место. В отличие от меня, она человек очень порядочный, — соблюдать порядок во всем — самая главная черта ее характера. Я с удовольствием это подтвердила. Пусть ищут. Все при деле. Следовательно, могу занимать раскладушку для ночлега.

Честно говоря, недавняя уличная суэта притомила. Да еще пока отмылись... Думать ни о чем не хотелось. Кое-какие умные проблески имелись, но быстро подавлялись. Тянуло в сон. Та к бы и брякнулась в постель. Не раздеваясь. Тем более что через пару часов придется встать — контрольная проверка одного из моих умозаключений. Я же не убийца.

Переговоры с бабой Ньюшей были короткими. Простив друг друга и заручившись твердым обещанием не поминать друг друга лихом, мы перенесли основную часть переговоров на утро. Пока я разбирала раскладушку, баба Ньюша притащила из холодильника самодельную микстуру и заставила Райнхильду отведать. Судя по реакции, фрау сделала это мужественно, но через силу и в полной уверенности в своей близкой кончине. Решающую роль сыграло вмешательство Наташки. Подруга поддержала инициативу бабы Ньюши, сославшись на то, что фрау Рая так и так без своего лекарства «лапти откинёт». А тут хоть какая-то надежда.

Райнхильда озадачилась и долго смаковала фразу о лаптях.

Притащив откуда-то еще одну раскладушку, баба Нюша расположилась на кухне. Дверь закрывать не стала. А я быстренько «зарегистровалась» на своем спальном месте. «Поисковикам» исчезнувших лекарств остался диван. Ничего, разложат и уместятся. В силу subtilной комплекции фрау ей хватит и одной четвертой его полезной площади. Тем более что отбой случится не сразу. Дамам еще предстоит собрать с дивана все содержимое их сумочек. Надеюсь, до досмотра моей дело не дойдет. А если дойдет, пожалеют. Я и сама в ней плохо ориентируюсь.

Сквозь сон слышалось приглушенное бормотание обеих. Я вяло удивилась поразительным способностям Наташки. Может, это результат стресса? Часть слов она произносила на немецком. Глядишь, к утру мы с ней вообще не найдем общего языка. Совсем онеметчится словесная «эмигрантка».

Не знаю, как долго возились дамы с поисками. Я проснулась в точно заданный срок — через два часа. Мобильник врать не будет. Спустив ноги, села и сама себя похвалила. Вот что значит равняться на Штирлица. Молодежи этого героя не понять. Для них вторая мировая война дела давно минувших дней. Как для нас война с Наполеоном. Один из уроков истории, которую преподавали в школе. А кому из учеников нравилась принудительная зубрежка? Так. Теперь бы найти силы окончательно открыть глаза и встать.

Прислушавшись, я уловила парный храп с дивана. Довольно легкий — высшая стадия сопения. Решила было этим и ограничиться. Ясен месяц, Райнхильда и без своего лекарства жива. Правильно я его умыкнула. А заодно успела полюбоваться на старинную фотографию из розового конверта, которая подтверждала мои догадки. Очень не хотелось вставать, дабы окончательно убедиться в том, что фрау спокойно обходится без своих лекарственных препаратов. Та к в полудреме и сидела с закрытыми глазами, слегка покачиваясь из стороны в сторону, пока не услышала отчетливый вздох. Прямо рядом с собой, буквально у ног.

Мысленно я тут же задрала ноги и накрылась одеялом с головой. Фактически — попыталась пнуть ими неведомую сущность. Не глядя. Но проклятое воображение нарисовало такую мерзкую рожу, заскучавшую в одиночестве на болоте, что волосы на голове привычно встали дыбом. Если бы реально накрылась одеялом, оно бы легко на них удержалось. Словом, попытка удалась. Я вложила в пинок все свое безрассудство...

Шум был невероятный. Мерзкая рожа моментально исчезла, вместо

нее в свете активно зарождающегося утра нарисовалась Наташкина перекошенная физиономия, выглядывающая из-под опрокинувшейся раскладушки. Через пару секунд к ней присоединились еще две перекошенные физиономии с дивана — бабы Ньюши и фрау Райнхильды.

Забыв о боли в ногах и виновато улыбаясь, я машинально приглаживала волосы — тянула время. Следовало как-то объяснить причину переполоха, чтобы не очень ругались, но ничего лучшего, как «бес попутал» не придумала. Этот вариант и озвучила.

— Какой бес! — еще больше скривилась Наташка. — Самый настоящий жеребец! Кажется, вороной. Здо-оро-вый, целая лошадь. Блин, приснится же такое! Мы с ним вместе на водопой ходили. Ни за что ни про что так лягнул копытом, что я наяву с раскладушки навернулась. Надеюсь, никому не придет в голову обвинять меня в умышленной побудке. Мне больше всех досталось.

— Это хороший сон, — убежденно пролопотала фрау. — Кони к миру и добру.

Я моментально согласилась, проводив взглядом вернувшуюся к дивану хозяйку.

— Фига себе! — возмутилась Наташка. — Сколько добра привалило! Они же лягаются. Неужели с голодухи?

— Наоборот! — заверила я. — Помнишь? «Кони сытые, бьют копытами...»

— Еще бы не помнить, — проворчала подруга, потирая бок и возвращая меня этим к собственным ушибам нижних конечностей. — Мы уже выспались, толком не ложившись, или как? Ир, ты что гримасничаешь?

— Голова разболелась. А таблетки кончились. Скатать бы в аптеку.

— Зачем? У меня есть, — заверила Наташка, но заметив мой исподтишка показанный кулак, сразу же заявила: — Ой, совсем забыла! Я же их вчера за ужином съела! В аптеку поедем утром, фрау Рае тоже нужно обновить арсенал.

В девятом часу утра невыспавшиеся и хмурые мы с Наташкой отправились в город. Райнхильду оставили на попечении бабы Ньюши, наказав глаз с нее не спускать. И, если что, сразу звонить.

Доехали быстро, потому как всю дорогу выясняли отношения. Причина, по мнению Наташки, в моей преступной скрытности. Заставила несчастную подругу перерыть кучу сумок в поисках пропавшего лекарства фрау, которое я сама же у нее и выкрала. Хоть бы намекнула. Я в свое оправдание бубнила одно и то же: нужна была достоверность поисков, а не спектакль. И если уж на то пошло, спектакль у нас впереди. Сцена — лечебная палата в больнице на улице Пестеля. Обсудив «сценарий», быстро распределили роли. На том и успокоились. Наташка переключила внимание на дорогу, поскольку мы успели незаметно проехать весь город из конца в конец.

— Небольшое дополнение к плану, — мудро обозвала нашу оплошность подруга.

— Краткое знакомство с местностью. Экскурсия называется, — охотно поддержала я. Как раз на развороте.

Первым делом наведались в аптеку. Предъявив аптекарше три упаковки таблеток, затаренных в пластиковые флакончики, попросили уточнить, соответствуют ли они своим названиям. Хотя бы визуально — по внешним признакам. Пришлось сослаться на чокнутую тетюшку, осуществившую давнюю мечту навести порядок в домашней аптечке. Весьма непродуманный вариант вранья.

Вердикт провизорши был однозначен: все на выброс! Даже без проверки. Уже потому, что нет уверенности в подлинности препаратов. Пришлось покупать новые упаковки и уже в машине самим искать различия. Приобретенным образцам на наш дилетантский взгляд соответствовало только содержание флакончика с желтенькими шариками — витаминами, чему я несказанно обрадовалась. Будет с чем чай пить.

Мы снабдили пакетики с препаратами пояснительными записками. Одну писала Наташка, другую я. Хорошо, что сверили текст. Большими печатными буквами обе вывели короткий слог «ПОД». Только подруга имела ввиду слово «подлинники», а я — «подделка».

— Краткость нашему таланту не родственница, — посетовала подруга. — Он у нас вообще безродный. Так, переключаемся на тему

посещения мальчиков, угнавших машину фрау Раи. Хорошо, что обошлось без реанимации. Интересно, у них зубы целы? Хотя бы парочка. Один сверху и один снизу. На двоих. Не будем рисковать с фруктами. Если ребята беззубые, фрукты будут выглядеть издевательством. Ограничимся соками и детским питанием — баночками с пюре.

Больницу отыскали без проблем. Проблемой было пройти в отделение. Вот что значит творить добрые дела, не выспавшись. Мы не смогли назвать ни фамилии пациентов, ни номера палаты, в которой они лежали. Даже «позывные» лечащего врача, с которым якобы хотели поговорить, «забыли».

Наташка изворачивалась, как могла. Я в меру сил ей противоречила. Не умышленно, просто так получалось. Запутавшаяся в наших объяснениях, но, на удивление, не привыкшая хамить женщина-«справочница», попросила назвать хотя бы отделение, в котором лежат наши сложносочиненные и безымянные «двоюродные дети родной тетки приболевшей приятельницы».

— В травматологии! — осененные догадкой, слаженно выдали мы дуэтом. Наташка встрепенулась и начала изрекать ценные сведения: дату и причину поступления мальчиков в больницу. На сей раз я благоразумно в ее рассказ не вмешивалась.

— А, так это после аварии на шоссе? По «скорой»! — искренне обрадовалась «справочница» нашему просветлению. Только какие же они мальчики? Обоим по тридцатнику.

— Как какие? — промямлила я. — Великовозрастные, конечно. Вы уж нас извините. От волнения наплели вам тут...

— Ничего страшного. Третий этаж, третья палата, Махоткин и Ершов. Температура тридцать семь с половиной и тридцать семь. Лечащий врач Вера Алексеевна.

— А вы нам не на...

— Уже написала, — благодушно кивнула женщина, протягивая листочек. — Только Вера Алексеевна сейчас на обходе, а без нее в палату вас не пустят. Придется подождать. — Она взглянула на круглые настенные часы. — С полчасика погуляйте.

Мы погуляли, сидя на уличной лавочке. На всякий случай под зонтом. Дождь никак не мог определиться в своих намерениях. Не успеет заморосить, как тут же прекращается. Чистой дождевой воды издевательство. Надоело открывать и закрывать зонт.

Выяснив у постовой медсестры, что Вера Алексеевна на месте, мы заторопились в ординаторскую. В кабинет ввалились сразу же после стука в

дверь, не дождавшись особого приглашения. Врач оказалась молоденькой выпускницей медицинской академии и своей комплекцией никоим образом не соответствовала профессии хирурга-травматолога. Впрочем, это мое субъективное мнение. Почему-то при упоминании этой специальности мне виделся могучий безжалостный бородач, многозначительно засучивающий рукава спецодежды. Сразу начинало подташнивать.

Рядом с Верой Алексеевной стоял посетитель, как раз отвечающий моему представлению о типичном хирурге-травматологе. Вот только рукава свитера не засучивал. Внимательно слушал разъяснения врача по сугубо медицинским терминам из истории болезни. При нашем появлении оба оторвались от своего занятия и вопросительно уставились на нас.

— Здравсте... — бодро начала Наташка и запнулась. Забыла фамилии «двоюродных детей родной тетки занедужившей племянницы», а пояснительная записка была у меня. Только я не сразу об этом догадалась. Уж очень кровожадно рассматривал нас бородач.

Возникла неловкая пауза, которую Вера Алексеевна прервала вопросом, что нам угодно? К счастью, не дожидаясь ответа, вмешался бородач, поинтересовавшийся, не могли бы мы выйти вон и подождать за дверью. Врач занят.

В Наташку словно допинг вкололи.

— Никак не возможно! — закусила она удила. — Нам срочно нужны благие вести о состоянии здоровья двух угонщиков, попавших в аварию и доставленных сюда в минувшую среду. — И слегка толкнула меня локтем.

— Да, — оживилась я. — Ершова и Махоткина. Третья палата. Родные люди с ума сходят. Говорят, у нас и так страна дураков, зачем увеличивать их количество?

Бородач посмотрел на нас другими глазами — с интересом.

— А позвольте узнать, кто конкретно из родных людей сходит с ума?

— Адреса, пароли, явки? — пролепетала я, начиная догадываться о специальности бородача. Ох, лучше бы он был хирургом-травматологом.

— Если они вам известны.

— А с какой стати?! — возмутилась Наташка. — Вам-то какое до этого дело?

— Чисто профессиональное. — Бородач вытащил красное удостоверение и, раскрыв, продемонстрировал его содержание. — Следователь Стрельцов Игорь Борисович. До настоящего момента я пребывал в уверенности, что Ершов и Махоткин — круглые сироты. Они, видите ли, давнишние выпускники местного детского дома и неместной колонии для несовершеннолетних.

— Бедные м-мальчики... Черт бы их побрал, — отступая назад, посетовала подруга. — Пожалуй, нам действительно стоит подождать за дверью.

— А я составлю вам компанию, — охотно поддержал ее господин Стрельцов, но был остановлен твердой рукой Веры Алексеевны.

— Не стоит толпиться в коридоре, — ровным голосом заметила она. — Располагайтесь прямо здесь, я мешать не буду, мне все равно на процедуры.

— И мы с вами, — торопливо заявила Наташка. — Проводим до процедурного кабинета. Хотелось бы знать, в каком состоянии сироты и чем их можно подкармливать.

— Они всеядные. Запрет только на напитки содержащие алкоголь, — улыбнулась эскулапша. — А о состоянии ребят вам подробно расскажет Игорь Борисович. Он в курсе.

Вера Алексеевна удостоила следователя персональной улыбки, тот с готовностью кивнул.

— Замечательно... — заискрилась я несказанным, хотя и фальшивым удовольствием и первой рванула к топчану, покрытому поверх белой простыни прозрачной клеенкой. Таким образом дала понять подруге, что перехватываю инициативу переговоров.

Проводив врача восхищенным взглядом, господин Стрельцов уселся за стол, сложил руки в замок, невольно демонстрируя обручальное кольцо, и уставился на Наташку, позволившую себе нелестное замечание о единстве козлов по всему земному шару. Не только в Африке.

— Между прочим, Вера Алексеевна — моя жена, — брякнул он, поддавшись на провокацию, но моментально спохватился и потребовал наши документы.

— А за «козла» ответишь, — попеняла я Наталье, роющейся в пластиковом пакете с документами. Фраза расхожая, почти цитата, но подругу следовало осадить.

Положив паспорта на стол, она спокойно ответила, что никоим образом животных не оскорбляла, а уж следователя и подавно. Почему она должна отвечать за то, что он добровольно примерил козловую шкуру?

Игорь Борисович взял себя в руки и задумчиво спросил, какое отношение мы имеем к Ершову и Махоткину. Я и не думала ничего скрывать. Та к и сказала — никакого. Действуем по поручению приятельницы, фрау Райнхильды Швинд-Тукановой, собственницы угнанной и разбитой ими автомашины. Жалостливая фрау жалеет угонщиков больше, чем машину. Ничего удивительного, когда в записке есть лишний миллион. Наша миссия носит исключительно милосердный

характер — помочь угонщикам продержаться на больничных харчах вплоть до сомнительной выписки на нарды. Хотя наше мнение идентично мнению киногероя Владимира Высоцкого — Глеба Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме».

Вначале я не поняла причины бурного восторга Стрельцова, а посему слегка перетрусилась. Как-то не приходилось беседовать со свихнувшимися в одночасье следователями. Расцепив руки, Стрельцов синхронно дубасил кулаками по столешнице, мотал головой, довольно фыркал и, подхихикивая, нес какую-то несурязицу. Попробуй угадай, почему нас с Наташкой ему сам Бог послал. Уж мыто точно знали, что никто никуда наши персоны не посылал, сами прикатили. На всякий случай Наталья осторожно умыкнула со стола наши паспорта. Не приведи Господь, съест.

Подруга покосилась на стеклянный кувшин с водой и привсталала, намереваясь его задействовать. То ли как средство обороны, то ли как радикальное психотропное. Я вовремя ей напомнила — всяк сходит с ума по-своему. Достаточно быть начеку. И только мы решились потихоньку покинуть кабинет, как приступ безумия у Стрельцова резко оборвался.

— Вы и представить себе не можете, как я рад нашей встрече, — вытирая лоб салфеткой, молвил он вполне нормальным голосом. — Извините. Я вашу фрау Райнхильду который день ищу. По месту регистрации ни ее, ни мужа нет, на работе сообщили, что оба улетели в Австрию. Причем муж утром в пятницу, а фрау чуть раньше — утром в среду. И что получается? После «отлета» фрау у нее угнали машину, о чем она сама и поведала полиции. Мало того, позднее я имел счастье беседовать с ней здесь, в отделении. Но самое главное, фрау сообщила свой мобильный номер, по которому невозможно связаться.

— Это последствия треволнений, — пояснила я. — Мобильник угнали вместе с машиной. Но госпожа Швинд-Туканова не хочет, чтобы угонщиков привлекали к уголовной ответственности.

— Знаю, она уже сделала соответствующее заявление. Якобы забыла, что сама разрешила ребятам покататься. С ее подачи они, разумеется, долдонят то же самое. Якобы по ее просьбе проверяли работу двигателя. Кстати, вы давно знакомы с потерпевшей?

Тревожный колокольчик в душе заставил меня сказать правду — вечером будут сутки. Краткосрочная встреча в Гелькиной бане не считается. Мы ее видели, она нас нет. А дальше пришлось кривить душой. Встретились случайно у общей знакомой в Пупырях. Вчера. И сразу сдружились. Райнхильда серьезно больна. Из-за сердечного приступа опоздала на самолет, а затем вообще отказалась от поездки. Муж

предупрежден. В настоящее время женщина отлеживается в доме упомянутой общей знакомой. В статусе гостя. Сегодня мы приехали в город исключительно по ее просьбе. Во-первых, приобрести для нее лекарства, во-вторых, навестить непутевых угонщиков.

Услышав название деревни, Стрельцов нахмурился.

— Она, случайно, не жаловалась на каких-нибудь недругов? Или на неприязненные отношения с мужем на почве его неверности? Возможно, женщина чего-то или кого-то боялась? — Он забарабанил пальцами по столу.

Для приличия я немного подумала, а затем твердо сказала:

— Нет! Впрочем, у нас не было времени для общения на столь личные темы.

— Дело в том, что ей несказанно повезло, — оборвав барабанную дробь, медленно произнес следователь. — Именно благодаря угонщикам она и осталась жива.

Я оглянулась на подругу. Не хотелось продемонстрировать господину Стрельцову самодовольное выражение своей физиономии. Чего-то подобного и ждала. Видок у Наташки был еще более самодовольный. Это несколько сбило с меня спесь. В тот момент я не догадывалась, что подруга всего-навсего скинула с ног туфли и балдеет босиком от удовольствия.

— То-есть как это?.. — удачно вырвалось у меня.

— Угонщики тоже родились под счастливой звездой, — охотно доложил следователь. Будучи в подпитии, затарились в магазине «горючим» и, не выполнив просьбу фрау проверить исправность тормозов, решили доехать попутным транспортом до знакомой девицы. Та к сказать, пустить ей пыль в глаза. Она на широкую ногу отмечала день рождения своего кота. Расстояние до ее дома всего-то полтора километра. В качестве попутного транспорта избрали машину фрау Райнхильды. Не успели проехать и пятисот метров, как отказали тормоза. Машина стала неуправляемой. Мигом протрезвев, ребята выкатились из нее на ходу, а «попутный транспорт» с открытыми дверьми-крыльями прямоком полетел в кювет. После неоднократного кувыркания, он стал грудой металлолома. Сами угонщики отделались легко. На двоих три закрытых перелома ребер, два голеностопных сустава, перелом и трещина ключиц, и, само собой, многочисленные ушибы и средней степени ободранность. По результатам технической экспертизы установлено, что в машине был аккуратно подрезан тормозной шланг. Тормозная жидкость постепенно вытекла, ну и...

— Фига себе... — выражение самодовольства исчезло с Натальино

лица, уступив место мрачному раздумью. — Блин, получается...

— Получается, что эти два «каскадера» спасли Райнхильде жизнь. — договорила я за подругу. Пожалуй, не стоит их навещать. На фоне липового разрешения фрау «покататься» еще потребуют материальную компенсацию за причинение вреда здоровью. Да и водительских прав она теперь лишится. Раз машину не угоняли, придется отвечать за то, что доверила ее пьяным придуркам.

Наташка решительно обулась и, как бы между прочим, спросила у меня, нет ли у нас в заначке какой-нибудь сомнительной партии фактов в аптечной упаковке. Господин Стрельцов производит хорошее впечатление. Ему бы закрыть дело по факту угона автомашины, а он волнуется за чужую ему ненормальную фрау.

— Есть! Есть такая партия! — с торжеством воскликнула я, не думая, что копирую вечно живого вождя пролетариата. Кстати, не первый раз.

Игорь Борисович оказался очень терпеливым слушателем. Пока мы, перебивая друг друга в целях уточнения деталей, делились сведениями о странных сердечных приступах фрау, он не проронил ни слова. Мне даже показалось, что Стрельцов заскучал. Скорее всего, они ему таковыми не казались. Но когда мы добрались до сомнительных лекарственных препаратов, рекомендованных Райнхильде лечащим врачом, немного оживился. Наталья незамедлительно продемонстрировала ему содержимое двух пакетиков и попросила найти хотя бы одно отличие между, казалось бы, идентичными таблетками.

Он нашел несколько. Но после сверки сообщил, что оснований для возбуждения уголовного дела за посягательство на жизнь или здоровье фрау не имеется. Нет установленной причинной связи между ухудшением ее физического состояния и предъявленными нами лекарственными средствами из пакета с пояснительной запиской «подделка». Выемка их официально не производилась, документально не оформлена, доказательств, что фрау принимала именно эту подделку, нет. И вообще, ей следует обследоваться у другого врача.

По мере нудного вещания господина Стрельцова наши с Наташкой лица вытягивались все больше и больше. В итоге я перестала его слушать, обдумывая повод для срочного прощания. Однако заключительная часть речи следователя оказалась полной неожиданностью. В отличие от Наташки, увы, я пропустила ее мимо ушей. Говорю же, повод придумывала.

Воспользовавшись паузой в выступлении следователя, решившего дух перевести, я влезла с напоминанием Наташке о необходимости срочной доставки лекарства фрау Рае. Не исключено, что она опять валяется в очередном обмороке. Надо довести дело до конца и...

Вовремя я взглянула на Стрельцова. Теперь уже у него вытянулось лицо. Того и гляди, грохнет нижней челюстью о стол — заключительный аккорд к барабанной дробе пальцев.

— Ир, ты в своем уме?

Тревожный вопрос подружки насторожил. Зря такой не задают. Как правило, сам интересующийся стопроцентно уверен в безумии оппонента, но чтобы не обижать человека, заставляет признаться в этом его самого. А посему я, на всякий случай, спросила: «А что?» В зависимости от причины

можно сориентироваться с чистосердечным признанием.

Наташка мне не ответила, переключилась на господина Стрельцова, уговаривая его не обращать внимания на «идиотку». Она не ужинала и не завтракала, чем явно обделила содержание головушки. В поисках пропитания оно куда-то подевалось. Застенчиво улыбнувшись, я попыталась хоть немного реабилитироваться. Содержание моей головушки не бомжует. Почти полная коробочка шоколадных конфет с ликером на сон грядущий самая лучшая подкормка уму-разуму.

— Значит, передоз! — прошипела подруга. — Да ты с катушек слетела! Игорь Борисович предложил неофициальную помощь в проведении экспертизы препаратов, которыми травилась Райнхильда, а ты собралась немедленно их ей скормить. По принципу «не пропадать же добру».

— Да? — изумилась я. — Замечательно... Вообще-то мне казалось... Словом, я другое имела ввиду. А сколько это будет стоить?

— Ир, сделай одолжение, помолчи! — Наташкин тон принял угрожающий характер.

— Запросто! — согласилась я. — А можно еще один малюсенький вопрос?

— Нельзя! — Для большего эффекта подруга притопнула босой ногой. Опять скинула обувь! В туфлях так бы не разошлась.

— Спасибо, — благодарно кивнула я. — Игорь Борисович, вы наверняка проверяли, был ли в числе пассажиров, намылившихся... Простите. Короче, улетел ли господин Яков Туканов в пятницу в Вену?

— Проверял, не улетел.

— А нельзя ли уточнить, улетели ли этим же рейсом пассажиры Синицыны? Екатерина, Ангелина и Дина?

— Какое отношение они имеют к делу о покушении на госпожу Райнхильду? — насторожился следователь. Ей-богу, у него даже уши встали торчком.

— Никакого, — беспечно отмахнулась я. — Готова поспорить, что не улетели. А если улетели, значит, все равно не улетели. То есть улетели не они, а другие. Но другие тоже могли не улететь...

— Улет! — охнула Наташка и принялась вспоминать отчества троицы.

Игорь Борисович ничего не сказал. А что тут скажешь? Разве можно ждать от «идиотки», временно не доступной к локальной сети своего ума, чего-нибудь вразумительного? И подруга у нее такая же, хоть и косит под нормальную.

Стрельцов торопливо записал данные клана Синицыных на чьей-то

истории болезни. Уже отмечала: каждый сходит с ума по-своему. Окончательно зауважала следователя после того, как он толково и сразу дал задание какому-то Лыкову оперативно найти ответ на мой вопрос.

Не прошло и пятнадцати минут, как мы узнали: ни в пятницу, ни в последующие два дня интересующее нас семейство Россию не покидало. Стрельцов ждал разъяснений, а я ждала, когда это дело ему надоест. Морочила человеку голову всякой ерундой, пока самой не надоело. Наташка в меру сил помогала. Глазея в окно на мокрые ветки тополя, плела что-то про птичью натуру Синицыных — птиц высокого полета. В конечном итоге я не выдержала и заявила — без согласия членов сей фамилии выдавать их семейные тайны не будем. К угону машины фрау Райнхильды они отношения не имеют. О возможной причастности к попытке залечить фрау до смерти даже не заикалась. Пояснила, что Синицыны похвастались запланированными весенними каникулами в Австрии, но есть подозрение, что они коротают золотые денечки в каком-нибудь ближнем Чертогославске.

Игорь Борисович обоснованно рассвирепел. Ради всей этой дури оторвал своего сотрудника от серьезных дел. Пришлось покаянно развести руками — вот такая я зараза. Но тестирования на честность не прошла — не выдержала пристального взгляда следователя. Потупив взгляд, принялась наматывать на палец своевременно подвернувшуюся нитку. Молчание господина Стрельцова угнетало. Намотала прилично, постепенно склоняя буйну (не в плане помешательства) голову все ниже и ниже. Пока не получила по рукам от Наташки. Как-то незаметно я обездолила чью-то вязаную жилетку. Одно утешение — она была очень старенькая, с множественными дырками. Наверняка моль обожралась. Вещицу у нее без труда отняли.

На счастье, в кабинет вернулась Вера Алексеевна. На несчастье Стрельцов, доложил жене, что вернется ближе к позднему вечеру. Намерен прокатиться с нами, чтобы пообщаться с фрау Райнхильдой. Пакет с сомнительными таблетками сунул в свой пластиковый пакет из кейса. Пока он прощался с любимой, мы выскочили из кабинета и направились к выходу на лестничную клетку.

— Может, спрятать нашу машину? Скажем, что ее угнали, — предложила Наташка и, не медля, сама же от этого варианта отказалась. Во-первых, из суеверия, во-вторых, «Шкоду» тут же объявят в розыск. Найдут быстро и вместе с нами. В качестве угонщиков. В-третьих, Стрельцов наверняка и сам при машине. Покатит следом.

— Одна надежда на тебя, — мрачно проронила я. — Надо уйти от

погони, не нарушая правил движения. С другой стороны, какой смысл, если он запомнил название деревни, в которой мы временно обитаем. Ничего удивительного, если на местном озере выловили машину с утопленниками. Пока будем уходить от погони, он мигом примчится в Пупыри. Там нас и встретит. Возможно, с наручниками. Думаешь, зря он паспортные данные изучал? Уверена, сейчас дает задание своим людям проверить наши личности. Не пересекаются ли они с личностями погибших.

— Можно подумать, мы с тобой несчастный «Жигуль» за веревочку в воду утянули! Русалки, блин! Пойти сказать ему, что у меня водобоязнь?.. Так, на всякий случай.

— Не надо. Мы знаем об утопленниках с чужих слов. И это правда. Услышали, ужаснулись, успокоились. Словом, забыли. Скорее всего, Стрельцова понесет и в садовое товарищество. Но я опасаясь другого — его общения с бабой Ньюшей. Ляпнет по неведению причину нашего появления в Пупырях. Какого лешего искать жилье на лето, если у нас с тобой прекрасные дачи? Впрочем, это объяснимо.

— И еще как! Допустим, решили сменить обстановку, а денег на заграничный отдых нет. Я вот другого боюсь. Вдруг следователя в товарищество все-таки понесет. До вечера еще далеко, а он пообещал жене задержаться. Не сидеть же ему целый день с нами. Пообщается с приозерными садоводами и выяснит, что в день большой «утопии» мы наведывались к Синицыным, которые намеревались улететь в Австрию, но кто-то подрезал им крылышки. Может, выложим все начистоту?

— Посмотрим по обстоятельствам. Тут еще в нагрузку пожар в Пупырях, в результате которого вроде как погиб человек. И опять-таки во время нашего визита в деревню.

— Зря ты заикнулась о Синицыных.

— Я сделала это намеренно. Если возникнет вопрос обоснованности нашего заезда в товарищество, скажем, что заезжали в гости к Синицыным. Но неудачно. Соседи доложили, что они в Австрии, чему мы не поверили. Гелька по натуре болтушка, склонная к фантазиям. Если бы хотели что-то скрыть, я не обращалась бы к следователю с просьбой проверить их отлет. Вот только куда мы дели бабушку Катерину? Вроде как прихватили с собой. Зачем, спрашивается? У меня и без нее готов мотив заезда в Пупыри: решили выполнить просьбу одной знакомой, мечтающей выгулять своего мужа на чистом воздухе. Я про нашу дорогую Анастас Иваныча. Хотели ей с мужем сюрприз сделать. Весна. Время расплеваться со своей сестрой, проживающей за городом. Себе в убыток.

— О близком знакомстве Гельки с Тукановыми сообщать не будем?

— Полагаю, нет. Фрау Райнхильда либо ничего не знала о намерении мужа пригласить их в заграничную резиденцию, либо, будучи осведомлена об этом, проявила криминальное негостеприимство.

— А что если ни то ни другое? Знала, но ничего не имела против.

— В таком разе она должна была хотя бы вскользь упомянуть, что муж собирается привезти с собой каникулярный набор Синицыных. Тем более что фрау в среду вылетать не собиралась. Я склонна считать, что она об этом сюрпризе и не ведала.

— А как бы он объяснил ей свое появление в столь тесной компании?

— Никак. Не вешай мне лапшу! Ты и сама это подозреваешь, просто не решаешься озвучивать, чтобы не заляпать грязью Гельку. Туканов был уверен, что жена не доедет до аэропорта. Двойной страховочный гордиев узел: таблетки, провоцирующие сердечные приступы с потерей сознания плюс умышленное повреждение тормозного шланга в машине. При этом ловко усыплял все подозрения фрау. Вел себя, как заботливый муж, волнующийся о состоянии здоровья своей ненаглядной женушки. Но не учел одной странности. Лечащий врач выписал фрау рядовой препарат от гипертонии и витамины. Ни одного сердечного средства! Следовательно, до визита к врачу приступы ее не беспокоили. Они начались после приема лекарства. Подменивший таблетки Яков демонстрирует серьезную обеспокоенность и ищет через Гельку опытного кардиолога, чтобы получить квалифицированное заключение о диагнозе. При этом легко отпускает больную в аэропорт. Мало того что одну, так еще и за рулем. Как думаешь, почему он не улетел к жене?

— Почему, почему... — Наташка оглянулась назад, отметила красивую походку мужика с загипсованной ногой («лихой скакун на костылях») и заговорщицки склонилась к моему уху: — Потому! Либо Якова уколошили те господа-бандиты, которые Гельку украли, либо он заранее был уверен, что лететь не к кому. Скорее всего, именно Тукан инсценировал похищение, чтобы не вывозить Синицыных за границу. И на фига, спрашивается, их красть? Зачем тогда пытался избавиться от жены? А сам устроился в укромном месте, попивая пиво, и тайком отслеживал сведения о транспортных происшествиях. Официально не интересовался. Приготовил отговорку. Улетела, мол, жена и улетела. Наверняка послала ему сообщение о благоприятном приземлении, только он мобильник потерял. Уточнив каким-то образом сведения о разбитой машине женушки, остался не очень доволен. Представляю его рожу, хотя ни разу не видела! Авария жуткая, но без смертельного исхода. Такая досада! На днях этот козел объявится и поднимет шумиху. Ты думаешь, он пошел на преступление из-за Гельки?

— Скорее, ради себя.

— Гелька тут ни при чем. Она просто порядочная дура. Примерно такая же, как ты. Ну и я само собой. Если бы не эти проклятые бриллианты и не обещание Динке не будоражить полицию! Ир, так, может, полиция Синицыных и выкрала?

Приближающийся звук шагов оборвал наши откровения. Размашистой походкой к нам приближался бородатый Стрельцов. Взбудораженные последним предположением Наташки, мы неприязненно, сквозь зубы обменивались отмеченными в нем недостатками.

— Топает, как слон! Разве следователи так ходят? — прошипела Наташка. — Жаль, что у него не кривые ноги. Был бы на человека похож. Я имею в виду первобытнообщинного. Проживал бы себе в коммунальной пещере со всеми удобствами.

— И борода у него слишком аккуратная. Нормальным следователям некогда ухаживать за своей порослью, — поддержала я. — Не понимаю, чего он ухмыляется?

— Заждались? — миролюбиво спросил Стрельцов.

— Не на свидании! — заявила Наташка. — Но не мешало бы и поторопиться. — И первая отправилась вниз по лестнице.

— Ой, мы забыли отдать передачу угонщикам! — спохватилась я. — Дурная примета тащить ее из больницы назад. Вы спускайтесь, я быстро. Закину паек и к вам. Лясы точить не буду. Вдруг и правда потребуют компенсации.

Несмотря на недовольство подруги, я вихрем понеслась в третью палату, едва не сбив с костылей «скакуна». Задержалась в ней недолго, всего пару минут. Причем одна из них ушла на дело — короткие, но полезные переговоры с Махоткиным. Его подельник где-то гулял. Мой ультиматум не строить свое благосостояние на средствах фрау Райнхильды был воспринят с одобрением. Второй минуты могло бы и не быть, если бы я, уходя, не утащила с собой пакет с передачей. Пришлось возвращаться.

Обратная дорога в Пупыри показалась совсем короткой. Вопреки нашим предположениям, Стрельцов не плелся за нами в хвосте на своей БМВушке с подбитым крылом. Нет, он лидировал, заставляя нас идти на невысказанные выкрутасы. Пользуясь случаем, Наташка «поливала» его такими словами, что даже воздух дрожал. Благо, не слышит. Каждое слово — остро заточенный моральный кинжал. Пожалуй, это первый случай, когда подруга была искренне рада внезапной встрече с гаишником.

— Здравсте! Ф-фу-у-у. Наконец-то передышка. Где же вы раньше были?! — довольно жмурясь, перебила она скороговорку жезлоносителя, так и не успевшего представиться по всей форме.

Пока он изучал Наташкины документы, соображая, стоит ли расценивать ее заявление по таксе оскорблений, Стрельцов дал задний ход и вылез из машины.

— «К нам приехал, к нам приехал Игорь Борисыч дорогой!» — восторженно пропела я из салона.

Он еле заметно мне поклонился и, показав инспектору корочку удостоверения, увлек его в сторонку на пару слов. В результате Наташке пришлось прервать разминку для пальцев и возобновить гонку.

Съехав с шоссе, Стрельцов остановился на участке дороги, идущей вдоль озера. Причем сразу же после моего прогноза на эту остановку. Вернее, не прогноза, а опасения, которым я поделилась с подругой: «Не дай бог, захочет навестить место пятничного происшествия».

Он захотел. На очень короткое время, поскольку оставил машину хоть и впритык к прибрежным кустам, но с работающим двигателем. Не обращая внимания на сигнальные призывы нашей «Шкоды», Стрельцов спустился к берегу озера и пропал из зоны видимости. Наташка укоризненно покачала головой и припарковалась на обочине по другую сторону дороги.

— Стрельцов наверняка полез осматривать противоположный берег, — догадалась я. — Причем путем, проторенным свалившимися в воду «Жигулями». Вниз кувыркком, обратно — с помощью трактора. Надо же, сколько веток наломали! Заодно хочет проверить нашу реакцию на свои действия. Учитывая, что мы «не знаем» точное место трагедии, резонно выждать время, положенное ему на отправление естественной потребности в кустиках, и только потом идти следом. Вроде как из любопытства,

замешанного на беспокойстве. Может же он, например, свалиться в воду и утонуть.

Засунув руки в карманы брюк, Стрельцов, в самом деле, неотрывно смотрел на прибрежные участки садоводческого товарищества и сосредоточенно о чем-то размышлял.

— Ир, иди к нему, не стесняйся. Он уже вылез из кустов, но в воду не свалился! Сухостой! На берегу пустынных волн стоит он дум великих полн, — громко объявила мне Наташка, словно я не шла следом за ней. — В чем дело, Игорь Борисович? На водопой спустились?

— Не смешно. И вы отлично знаете, почему. Вот только никак не пойму, зачем Ваньку валяете, — не выдержал Стрельцов.

— Какого Ваньку? — высунулась я из-за Наташки, но ответа не получила.

— Неужели не понятно? Это господин следователь нам с тобой мокрое дело шьет, — с обидой высказалась Наташка. — Не на кого повесить утопленников, мы очень своевременно подвернулись.

Подруге не удалось высказать свои претензии до конца. По техническим причинам. Послышался характерный звук приближающейся со стороны деревни машины. Наталья вспомнила, что следователь неправильно припарковался и оставил в машине ключи, а она хоть и правильно встала, но, кажется, забыла закрыть двери «Шкоды».

Следователь на плохую память тоже не жаловался. А посему оба «рулевых» заторопились наверх. С подъемом, в отличие от спуска, не повезло. Наташкины туфли заскользили по мокрой траве и глиняной основе, из которой она пробивалась. Пытаясь обрести равновесие, подруга отчаянно уцепилась за то, что было ближе всего — джемпер обошедшего ее справа следователя. Вниз они покатались вместе. А сверху раздался пугающий лязг и скрежет металла, заставивший меня применить устоявшийся метод защиты — брякнуться на коленки, закрыть глаза и зажать уши руками. Последнее помогло плохо. Я отчетливо слышала, как затрещали кусты, мимо прогрохотало что-то огромное и с шумным плеском рухнуло в воду.

— Это не Наташка, — ускоренно бормотала я вслух. — Явно не ее габариты. И не следователь. Оба орут справа. Или слева. Смотри откуда смотреть. А источник грохота пролетел по другую сторону. Я между ними, как пограничный столб, и почти в эпицентре события. Неужели за это меня можно крыть оскорблениями? Пришлось открыть глаза.

Реальность была такова, что вместе с глазами автоматически открылся рот. Наташка с Игорем Борисовичем, ругая меня и друг друга последними

словами, кувыркались в прибрежных водах озера. Там и воды-то меньше, чем по колено. Выбраться — пара пустяков. Я не сразу поняла, что оба действуют по правилу: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Вот этими-то руками они и пытались в первую очередь помочь друг другу. Чокнутая команда! И это вместо того, чтобы спастись в одиночку. Да еще призывали меня присоединиться.

Отмахнувшись от них, я развернулась на коленках (все равно грязные), дабы выявить источник жуткого грохота, и дыхание у меня перехватило. Прямо на глазах БМВуха Стрельцова скрылась под водой. Сверху торчала только узкая полоска багажника. Меня словно подбросило вверх. Вскочив на ноги, я заметалась между тандемом водоплавающих попутчиков и пускающей пузыри машиной. Остановили меня бестолковые «спасатели». Каким-то образом все же выползли из мелководья на берег.

— Моя машина... — жалобно проблеяла подруга.

— Она мимо меня не пролетала, вот увидишь, с ней все в порядке, — попыталась я взбодрить Наталью. И предложила незамедлительно в этом убедиться. Не тормозя, мы рванули на дорогу. Прямо по кустам, не обращая внимания на приобретаемые царапины. Вслед неслось напутственное требование Стрельцова без него не уезжать.

К великой радости, «Шкода» стояла на месте. Целая и невредимая. Даже ключи, вопреки приобретенному Наташкой рефлексу брать их с собой, валялись на сиденье. Дорога, само собой, была пустынна.

Злющий Стрельцов появился наверху почти сразу за нами и потребовал сообщить, кому мы звонили из больничного коридора. Наше «никому» его не устроило, он заграбастал оба мобильника, которые мы схватили и в растерянности ждали распоряжений Стрельцова — куда и кому сообщить о случившемся.

Проверив исходящие, а заодно входящие звонки и убедившись в нашей честности, Стрельцов позвонил все тому же Лыкову и срывающимся голосом доложил, в какое дерьмо вляпался.

— План «Перехват!» — стуча зубами и рассыпаясь водяными брызгами, скакала вокруг напарника по купанию Наташка. — Игорь, пусть введут план «Перехват!»! У наехавшей на тебя сволочи наверняка вся морда разбита. Или поцарапана. В смысле, не у него, а у машины. Лично ему мы сами морду разобьем. Чем скорее, тем лучше.

Не прекращая переговоров, Стрельцов ловко уворачивался от Наташки. Она основательно доставала Игоря Борисовича, он постепенно зверел. Довольно грубо огрызался, а отмашки его крепили и грозили обернуться боксерским хуком. С большим трудом мне удалось загнать

временно развинтившуюся подругу на заднее сиденье машины, предварительно загнав туда Стрельцова. Как приманку. В тот момент, когда я нырнула следом за ней, Игорь Борисович успешно выкатился через другую дверь. Силы у Натальи были уже не те, нервы сдали окончательно, и она от души разревелась. А я облегченно вздохнула.

— Придется подождать бригаду здесь, — возвращая мне через открытое окно мобильники, заявил следователь и передернулся от холода.

— Наталья простынет, — возразила я, покидая «Шкоду». — Да и вам не мешало бы переодеться. А нельзя договориться с вашими сотрудниками, чтобы они сообщили, когда будут подъезжать? Какой смысл торчать здесь, прозябая в ожидании? Мы наверняка успеем навестись в Пупыри и вернуться обратно к назначенному времени.

— Бойтесь очередного нападения?

— Бессмысленно бояться того, что уже случилось. Самое страшное сейчас — угроза простуды. Теперь по делу. Я хорошо слышала, откуда неслась машина преступника — со стороны Пупырей. С чего бы водителю так торопиться? Предполагаю, что очередных печальных новостей следует ждать именно из этого населенного пункта. — Я отчаянно помотала головой, стараясь избавиться от нехорошего предчувствия. Волна страха, накрывшая меня с головой, заставила тоненько взвыть. — И еще, — стараясь держать себя в руках, скороговоркой оттарабанила я, — вас и вашу машину-утопленницу злоумышленник знает. Ему явно не хотелось, чтобы вы безотлагательно нагрянули в Пупыри. Ваше решение остаться здесь до прибытия следственной бригады им просчитано. Пользуясь организованной им задержкой, он постарается замести следы.

Следователь чертыхнулся и задумался. Сунув руки в мокрые карманы брюк и чавкая ботинками, он прошелся до поворота. Возвращаясь, нехотя признал, что мое предположение имеет право на существование. Удовлетворенно кивнув, я предложила ему остаться и подождать соратников. А мы с Натальей быстренько смотаемся в Пупыри и прихватим ему кое-что из одежды. Нас очень беспокоит здоровье женщины, у которой остановились на постой. Может, еще успеем ей помочь. Протянув следователю свой мобильник, я поставила на дебатах точку. Если что, сразу же ему сообщим. Если ничего и все в норме — тоже. Заодно попросила связаться с женой. Не мешало бы организовать дежурство у палаты сирот-угонщиков. Вдруг с чужой помощью слиняют. Уж очень их опекает фрау Райнхильда. В Пупырях мы ее едва ли застанем. И не дав Игорю Борисовичу открыть рот для возражений, я горестно посетовала на судьбу переданных ему лекарственных препаратов, которыми травилась фрау.

Скорее всего, они уже растворились в озерной воде полностью.

Как и рассчитывала, Игорь Борисович заикнулся именно на последнем обстоятельстве. Напомнив, что экспертиза лекарства — мероприятие неофициальное, сухо пояснил: состав проверят в больничной лаборатории. Рассыпаясь в благодарностях жене Стрельцова, я вытолкала Наталью с заднего сиденья «Шкоды», торжественно усадила за руль и сразу же об этом пожалела. Подруга, недолго думая, подала назад, развернулась и покатила в сторону шоссе, оставив меня в компании со Стрельцовым. К счастью, быстро опомнилась. Вернувшись, обругала меня за медлительность — была уверена, что я успела заскочить в машину. Какое-то время даже общалась со мной, ничуть не удивляясь моему молчанию. Потому как глаголила умные и правильные слова. Против истины не попрешь.

На всякий случай я предупредила, что мне с ней не по пути — собираюсь проведать бабу Ньюшу. Что-то на душе беспокойно. Подруга деловито кивнула, я, в свою очередь, кивнула хмурому Стрельцову. Он не ответил, зато махнул рукой, и мы с Наташкой поехали в Пупыри. Как мне показалось, слишком медленно.

Почти на въезде в деревню встретили старого знакомого. Несмотря на наше радостное приветствие, Митяй сделал вид, что в упор нас не видит. Даже не притормозил на своем тракторе. И почему-то сплюнул три раза через левое плечо, а затем перевернул бейсболку задом наперед. Мы не обиделись. Ну расстроен человек, не на халтуру едет. Предстоит очередной раз вытягивать из воды чужую машину, причем за здорово живешь.

Дом бабы Ньюши пустовал. Такое впечатление, что хозяйка выскочила на минутку и вот-вот вернется. Из-под кровати доносилось громкое тиканье будильника. Живучий раритет! Металлическое дитя планового социалистического конвейера рассчитано на стальные нервы строителей светлого будущего.

Не задерживаясь (я успела только хлебнуть водички из кувшина), мы заторопились во двор. Хорошо, что догадались включить свет, не то в спешке и темноте покалечили бы хороших людей — себя любимых и бабу Ньюшу, пытавшуюся ползком подняться по ступенькам.

Дальнейшее помнится смутно. Большей частью на уровне боли в руках и пояснице. Результат наших с Наташкой невероятных усилий. Под тревожное квохтанье кур мы отчаянно надрывались, пытаясь втащить женщину наверх. Ей несказанно повезло — она вовремя отключилась. С тех пор миновало много дней, а у меня нет уверенности в том, что перелом трех ребер, вывих правого плечевого сустава, а равно множественные

ушибы баба Ньюша частично заработала не с нашей помощью. В тот момент мы не знали масштаба повреждений и панически боялись появления «черта Дьячкова», который обещал бабе Ньюше вернуться, чтобы окончательно ее добить. А пока пусть помучается.

Голова соображала с трудом. Разумом понимали, что бывший участковый Дьячков, муж покойной Лизоньки, давно на том свете. Но именно на «черта Дьячкова» с болезненным стоном сослалась баба Ньюша, отвечая на Наташкин вопль об изверге, который сотворил с ней такое. Наталья безоговорочно поверила, заявив, что ничего удивительного нет. Проклятый участковый реинкарнировался в черта. Возражать я не стала. Не то время.

Уже в коридоре, сидя на полу по обе стороны бесчувственного тела бабы Ньюши, мы поняли, что надо звать на помощь, и пожалели, что не знаем номера телефона ее сына. Кстати, тоже Дьячкова, только условно. Заново вооруженная коромыслом Наташка не выпускала из-под контроля выход во двор. Я следила за самой Натальей и дверью, ведущей на крыльцо. Пользуясь передышкой, ругала Стрельцова последними словами. Именно он спровоцировал неожиданную задержку на дороге. Если бы не это обстоятельство, мы могли бы предотвратить нападение на бабу Ньюшу. Да я и сама хороша. Ведь чувствовала, что добром визит фрау Райнхильды к ней не кончится.

«Время течет сквозь пальцы, как вода...» напомнил о себе Наташкин мобильник, и она выронила коромысло на несчастную жертву. Баба Ньюша даже не вздрогнула. Сноровисто подхватив его, подруга принялась аккуратно разглаживать на ней место стыковки, бормоча что-то про земное притяжение.

— Мобильник!!! — крикнула я, вспомнив о Стрельцове в другом ракурсе и пытаясь привлечь внимание подруги к звонку. Она согласно кивнула и полезла за аппаратом в задний карман джинсов. Вытащив, уставилась сначала на дисплей, затем на меня.

— Ну и на фига ты мне звонишь? — с досадой выдала она и отключила аппарат.

— Дай сюда!!! — с надрывом заорала я. Попытка выхватить у подруги мобильник не удалась. Наташка молниеносно спрятала его за спину. К счастью, он запел снова. Подруга еще раз взглянула на дисплей, нажала кнопку соединения и недоверчиво поднесла телефон к уху. Тут-то я его и выхватила.

Стрельцов был краток:

— Докладывайте.

Ну я и доложила. Без шума и словесной пыли. Только слегка заикалась. Стало жутко от собственного доклада. В ответ получила указание сидеть на месте, раненую даже пальцем не трогать, ждать его и «скорую». Главное, никуда не рыпаться. Особенно к соседям.

Пока баба Ньюша находилась без сознания, процесс ожидания не был обременительным. Но женщина стала приходить в себя и расстоналась от боли и невозможности дышать. Я, как могла, пыталась отвлечь ее, восторгаясь ее великим терпением. Наташка тихонько плакала. Ужасное положение. Ощущаешь полное бессилие, не зная, что делать. Баба Ньюша молила о помощи, правда, весьма своеобразной. Ей хотелось незамедлительно умереть, чтобы больше не мучиться. Наташка сквозь слезы пыталась уговорить ее помучиться еще немного. На тот свет успеется. Я приставала с расспросами, в каком месте больнее всего.

— Все болит, — с трудом, но неожиданно внятно ответила женщина. — Дьячков-выродок со ступенек столкнул. Райку искал... Настойки бы мне дедкиной... Глоточек...

Я не заставила себя ждать, обернулась в считанные секунды, но когда прилетела обратно, баба Ньюша опять потеряла сознание. С досады я погорячилась, хлебнула солидную порцию содержимого бутылки сама и едва не задохнулась. Основным его компонентом было нечто обжигающее. Такое впечатление, что нечаянно разжевала и проглотила стручок перца чили. Даже слезы на глазах выступили, горло вообще онемело. Скорее всего, я притащила концентрированный настой, который положено отмерять каплями и разбавлять. Та к или иначе, но на меня быстро снизошел полный пофигизм, потянуло в сон. Выронив двухсотпятидесятиграммовую пластиковую емкость, я прилегла рядом с бабой Ньюшей. Если верить Наташке, для полноценного отдыха мне хватило полчаса. Мне они показались минутой, а ей — сутками.

Отдых спокойным не был. Рядом постоянно кто-то суетился. Меня все время двигали и куда-то тащили. Слегка подташнивало. Я с этим смирилась. Окончательно очнулась под причитания подружки и чьи-то посторонние голоса. Как ни странно, один из них был мой. И он требовал воды — разбавить энное количество потребленного мной настоя.

— Я же говорил, чистый спирт, — уверенно произнес мужской голос. — Ничего страшного. Мать настаивала на нем свои травы. У вашей приятельницы небольшая на него аллергия. Жить будет, какое-то время «под градусом», пока не протрезвеет. Если вам не сложно, отнесите бутылочку в холодильник.

— Не сложно, — Наташкин тон отдавал липовым медом.

— Михал Иваныч! — обрадовалась я. — Поторопите «скорую», ваша мама...

— Моя мама уже под контролем врачей. Одного едва не покалечила.

— А следователь Стрельцов?

— Руководит выживанием из воды своей машины и ждет, когда вы очухаетесь.

Я рывком села на диване, искренне удивившись его наличию. Неужели специально для меня выволокли его в коридор? Оглядевшись, поняла, что нахожусь в комнате. Дела-а-а... Значит, выволокли диван, уложили меня на него и приволокли назад, в комнату. От изумления я покачала головой. Интересно, где моя обувь?

— Мне не нравится ваша фамилия — «Дьячков», — хмуро поведала я Михаилу, роющемся в ящике комода. Он не ответил. — А еще больше мне не нравится фамилия вашего условного родственника — Туканов... Тукан — истукан. Если я не ошибаюсь, он внук родной сестры вашего покойного неродного деда Павла Дьячкова. Женат на фрау Райнхильде. Полагаю, из меркантильных соображений. Но могу и ошибаться. А в чем уверена, так это в том, что фрау — правнучка купца Пospelова и его законной жены Варвары Тимофеевны. Я видела старинное фото супружеской четы Пospelовых вместе с детьми. В сумочке фрау Раинхильды, когда выживала из нее лекарство. Вы, Михаил, очень похожи на прадеда, а вот фрау не повезло. Унаследовала погрешности личика Варвары Тимофеевны и, в качестве противовеса, ее ангельский характер. Напрашивается вывод: супруги Тукановы прикатили в Россию в поисках клада, спрятанного Пospelовым на территории бывшего конезавода. Ныне земля принадлежит садоводческому товариществу «Темп».

— Вот что спирт животворящий делает! — с фальшивой бодростью пропела неслышно вошедшая в комнату Наташка. — И угораздило же Синицыных обзавестись садовым участком на месте предполагаемого залегания клада! Не повезло людям.

Я заметила, как напряглась спина Михаила. На пару секунд он замер, прекратив раскопки в ящике комода, но затем зашуршал его содержимым с новой силой.

— Увы, — печально поддакнула я. — Часть территории их земельного надела вошла в зону поиска клада. Для верности каким-то образом уговорили Гельку выкупить и соседний участок. Денежными средствами снабдил организатор затеи — господин Туканов. Из копилки фрау Райнхильды. Я так понимаю, четких ориентиров места нахождения клада не сохранилось? — Мой вопрос повис в воздухе. — Что ж, время

равнодушно и безжалостно. Интересно, откуда, вообще, появились слухи о зарытых Пospelовым ценностях?

— О, нашел! — обрадовано сообщил Михаил. — Это ж надо так зарыть полис! Впрочем, мать никогда в нем не нуждалась, практически не болела. — И без всякого перехода добавил: — А слухи пошли от прадеда Дьячковых. Он у Пospelова лучшим конюхом был. Говорят, перед кончиной у него с головой стало плохо. Все повторял о какой-то захоронке клада. Тревожился, найдет ли барин. Были энтузиасты, пробовали искать, только безуспешно.

— Где Ангелина и ее дочь? — сурово спросила у Михаила Наташка, а я добавила:

— Только Гелька могла догадаться, что Динка находится у нас. А поделиться этим могла только с человеком, которому доверяла. Та к же, как и девочка. Та к где же они?

— А где бриллианты? — невозмутимо поинтересовался он. Но посмотрел на каждую из нас так, что мы с Наташкой невольно попятнулись к выходу.

Дверной проем был заблокирован Иванычем. Уродливое лицо в шрамах не выражало никаких эмоций. Застывшая маска, на которой жили только глаза без ресниц. Ему повезло, что не потерял зрение.

— Здравсте, — отличилась вежливая Наташка. — А если освободите проход, то сразу и до свидания. Ир, попрощайся с Иванычем. Нам домой надо.

— Здравсте, — машинально прошелестела я и покосилась на Михаила. — Сколько же Иванычу лет на самом деле? — Не дождавшись ответа, я полюбовалась на свою босоноготь и ответила себе сама: — Скорее всего, он ровесник бабы Ньюши. Плюс-минус пара годков.

Под перекрестным прицелом внимательных глаз Михаила, Иваныча, а заодно и Натальи я принялась тщательно обследовать окружающее меня пространство. Ехать домой босиком я никак не могу. Это ж надо за несколько дней так поизноситься! Поиски комментировала нелестными для присутствующих высказываниями. Что за народ! Стоит только оказаться в бессознательном состоянии, тут же разденут и разуют. Затем переключилась на причитания по поводу несчастной фрау Райнхильды. Причитала недолго. Выразила надежду, что ей не пришлось долго мучиться. Затем подоспела очередь незавидного положения семьи Синицыных. И если судьбу Гельки с дочерью можно было считать более-менее сносной, то состояние Екатерины Васильевны вызывало серьезное опасение. По моему мнению, оно не стоило даже сильно поношенных кроссовок тракториста Митяя, один из которых он откинул, прытко удирая от бабы Ньюши.

На этом я и запнулась, хотя никто мне не мешал. Снизошло озарение. Не иначе как свыше. Стало ясно, где может находиться старшая Синицына. Словом, я замерла на полуслове, радуясь возможному положительному исходу всей этой запутанной истории.

— Ос-споди... — долетел до меня испуганный голос Наташки. — Опять ее переключило. Не вздумайте на Иришку орать и не делайте резких телодвижений, а то она с таким выражением лица и останется. Еще и заикаться начнет. Ефимов меня непременно убьет. Зачем ему мумия вместо жены? Она готовить разносолы не будет. У него таких мумий полна реанимация.

— Миша, женщины, наверное, голодные.

Иваныч уверенно перешагнул порог, словно и не слышал моего сумбурного выступления.

— Ирочка, вам с Наташей большой привет от Ньюши. Вы спасли ей жизнь. Сиплый, идущий из глубины гортани голос напоминал шуршание под ногами осенних листьев.

Я отвлеклась от поисковых работ и уставилась на Иваныча. Ну точно! Ничего ужасного в нем нет. Если не обращать внимания на шрамы, кожа лица гладкая, без морщин. Правда, цвет не очень естественный. Зато на лысой голове имеются островки оазисов, там пробивается волосая поросль. Однако... Заметив на голове Иваныча недавно подсохший рубец, я жалостливо сморщилась. И спровоцировала его на усмешку. Или улыбку. Не знаю, как у него это называется.

Двигавшаяся бочком в мою сторону Наташка замерла на месте, немного поколебалась и вдруг заорала:

— Меняем бриллианты на Синицыных! Торг не уместен, мы не на рынке. Если хоть один волос с их головы упадет...

Иваныч кивнул, словно другого от нас и не ожидал. Михаил как-то странно хрюкнул, нагнув голову, приложил ко лбу опору — кулак и затрясся, выдавая непонятные звуки. То ли сдавленно рыдал, то ли сдавленно ржал. Мы так и не поняли. Во всяком случае, когда он прекратил свою тряску и поднял голову, морда лица у него была красная, глаза слезились.

— А здорово твои ребята выкрали у Туканова Ангелину! — проямлила я, будучи не в силах понять причину рыданий или... Нет, скорее всего, смеха. — Только с Динкой промахнулись. Она, памятуя наказ матери, на свою беду спряталась. Откуда узнали, что Туканов привез их к себе? Катерина сообщила?

— Она, родимая, — вытирая платком глаза, сообщил Михал Иваныч. — Умная женщина. Краем уха случайно услышала разговор Туканова по мобильнику с каким-то мужиком-кредитором и поняла, что улетать он никуда не собирается, следовательно, вместо Австрии их ждет смерть под пытками. На родине. Ну и разохалась, что забыла дома вещи. Спорить с ней бесполезно. Туканов разозлился, но доставил ее назад. В квартиру Екатерина его не пустила, пообещав быстро вернуться, велела дожидаться ее в машине. Ему и в голову не пришло, что затеяла бабуся. Во-первых, она сразу позвонила мне. Я успокоил ее. Все было под контролем. Уже знал, что среди пассажиров авиарейсов в Вену на пятницу Синицыных нет. Катерина успела переговорить и с Диночкой. Напоследок вызвала полицию, пожарных и такси. Переделась и под шумок уехала на такси на

дачу. Туканов, видя, что дело принимает нежелательный оборот, смылся чуть раньше, сразу после появления у подъезда наряда полиции.

— Гелька — идиотка! — ахнула я. — Заняла у Туканова деньги на покупку по его же наущению соседнего участка, стройматериалов и оплату рабочим, а рассчиталась с ним сдуру бриллиантами! Он сразу поиски клада и прекратил. Решил, что Сеницыны уже добрались до зачехки купца Пспелова. Следовало менять тактику. От хитрых уверток, с которыми влез к ней в доверие, переходить к силовым методам. Ангелина упорно прибеднялась.

— Так точно, — согласился Михаил и предложил нам чувствовать себя как дома.

— Ваш дом — наш дом, — попробовала уговорить себя Наташка и осторожно присела на диван, куда уже примостился Иваныч. Мне посоветовала оседлать стул. — А какое отношение ты, Миша, имеешь к семье Сеницыных? — запальчиво поинтересовалась она.

— Прямое! — влезла я. Злилась за стул. — Соображать надо! Помнишь, Динка говорила, что она дитя пробирки? Прошу любить и жаловать: Михаил Иванович и есть эта «пробирка». Посмотри-ка на него внимательней.

— Бли-ин! То-то я думаю... Нет, кажется, я вообще разучилась думать. Какое счастье, что Динка унаследовала от «пробирки» самое лучшее. Ай да Гелька! Ну-ка подсчитаем... — Подруга задумалась, полностью погрузившись в размышления.

— Да что тут считать, — хмыкнул Михаил. — Я вот тоже считал, считал да просчитался. С Ангелиной мы давным-давно знакомы. Она каждое лето на дачу переезжала. Два месяца жила с матерью, Екатерина тогда в школе работала, один месяц вместе с какой-то пожилой родственницей. Отец практически не появлялся.

Михал Иваныч уселся на старенькое кресло и погладил его подлокотник.

— Дачников у нас в деревне терпеть не могли. Пацанье вечно дралось с городскими, считая их хлюпиками и маменькиными сынками. Городские боялись в одиночку ходить за пределы товарищества. Местные пацаны по ночам с ревом и гиканьем гоняли на мотоциклах, сея панику среди садоводов. А если кто-нибудь из дачников в магазине появлялся, деревенские из принципа вставали в очередь перед ним. Гелька тоже сюда за хлебом таскалась. Короткой дорогой, через болото. Однажды часа полтора простояла на солнцепеке. Ее из магазина выгнали, чтобы сразу не разносила. Где-то простудилась, без конца носом шмыгала. Ну я ее и

пожалел. Притормозил велосипед, спросил за чем пришла, она промямлила, мол, за хлебом. Я и потребовал деньги. Хорохорился конечно, грубо разговаривал. Ох она и испугалась! Сжалась в комочек и тихо так заплакала. Пришлось деньги силком отнимать. Вышел с хлебом, а ее уже и след простыл. Велосипед дома оставил и вдогонку за ней по болоту. Она бежать. Еле догнал. Не сразу сообразила, что я ей хлеба купил. Все затрещин ждала. А когда дошло, так застеснялась. Я ее до дырки в заборе проводил. Дальше путь был заказан. Вот с тех пор пару раз в неделю в одно и то же время на границе болота и встречались. Я шел в магазин, она ждала моего возвращения. Потом гуляли вдоль лесной опушки, болтали, спорили... Счастливое время было. Пока ее мать не узнала. Ну а как узнала, Гельку под замок, за пределы участка ни ногой, а мне, хулигану, было велено к ней не приближаться и на пушечный выстрел. Через неделю Гельку увезли в Москву. Август заканчивался...

История стара как мир. Запрет сыграл роль прямо противоположную своему назначению. Михаил и Ангелина встречались тайно от родных. Даже когда повзрослели. Назло Екатерине Васильевне, прямо заявившей дочери, что шалопай Дьячков никогда не будет ее зятем. Это не помешало ему стать, с позволения сказать, гражданским мужем Ангелины. Не добрав балла для поступления на дневное отделение института связи, Михаил поступил на заочное. Гелька успешно завалила вступительные экзамены в институт и поступила в техникум связи. Весной Мишу проводили в армию. При расставании он подарил Ангелине мешочек с бриллиантами, фамильную ценность, переходящую из поколения в поколение. Безумно дорогой подарок купца Пospelова Оленьке за рождение сына Петеньки. Правда, тогда подарок представлял собой кольцо. Часть драгоценных камней помогла выжить в трудное время самой Оленьке и ее потомству. Получив их от Петра, Елизавета, не сомневавшаяся в скорой с ним свадьбе, сумела сохранить подарок в тайне. Даже от Дьяčkова. Перед смертью она передала незначительно похудевший мешочек сыну Ивану. Иван торжественно вручил его жене. Поняв, что его земной путь заканчивается, напомнил любимой Аннушке, будущей бабе Ньюше, о необходимости передать драгоценности Мишеньке в день его восемнадцатилетия. С наказом — они не должны попасть к случайным людям, их место в семье.

Гелька не успела отказаться от подарка — не было времени заглянуть в неказистый мешочек, который преподнес ей любимый. Все глаза проплакала на проводах, не представляя, как будет жить без Мишеньки целых два года. А когда заглянула, в голову не пришло, что стала обладательницей бриллиантов. Миша перед прощанием просто попросил

ее «сохранить камешки» до его возвращения и свадьбы. Она и хранила. В ящичке письменного стола. В ходе ревизионной проверки их обнаружила Екатерина. К тому времени Гелька поняла, что беременна. Вопрос о том, как преподать это известие милой матушке, разрешился в ходе устроенного Катериной грандиозного скандала. Женщина сделала только один вывод: наглый Мишка Дьячков откупился от ее дочери нечестно добытыми драгоценностями. Наверняка, своровал где-нибудь. Мысль швырнуть подарок ему в лицо мелькнула и пропала. Ее сменили трезвые рассуждения. Прерывать беременность нельзя, это чревато бесплодием, а ребенка надо на что-то растить. Главное, что теперь Гельку с довеском никто замуж не возьмет. Мужики в их семье не нужны. Хватит, натерпелись. В свое время Катерину бросил отец Анжелины. Сверкнул пятками сразу же после получения известия о своем будущем статусе официального мужа и папочки. Катерина не была готова к людским пересудам и положению матери-одиночки. В то время даже разведенная женщина считалась ущербной и безнравственной. Чтобы прикрыть грех, Катюша спешно выскочила замуж за Валерия Синицына, благо, он донимал ее предложениями руки и сердца. Правда, у него был один существенный недостаток — любил выпить. Со временем недостаток перерос в укоренившийся порок. Синицын стал распускать руки, поколачивая жену по надуманным поводам. Со временем пришла очередь и маленькой Анжелины получать тумачи. Неизвестно, чем бы это кончилось, но Синицын скоропостижно скончался. Как нельзя кстати.

С Михаилом Дьячковым Катерина разобралась быстро. Этот наглец забрасывал Гелю письмами. Не иначе как опомнился и решил выцыганить бриллианты обратно. Женщина послала ему короткое письмецо, в котором мягко умоляла оставить Анжелину в покое. Она выходит замуж за достойного человека, от которого уже ждет ребенка. Жалея Михаила, не решается сообщить ему правду. Но если он хочет бывшей возлюбленной счастья...

Напрасно Ангелина ждала весточки от любимого на последнее письмо с известием о своем интересном положении. Ответный письмопад резко оборвался. И не потому, что Мишаня служил в очень горячей точке. Примерно через месяц Михаил в коротком послании сухо пожелал ей удачного замужества, попросил считать его «камешки» свадебным подарком и в ярких красках описал замечательную девушку, с которой намерен связать свою дальнейшую жизнь. Невзирая на протест дочери, «камешки» Катерина... (а на всякий случай) прибрала к рукам, заявив Ангелине, что сама вернет их Дьячкову. И, не выполнив обещания, без

конца перепрятывала...

Они не виделись около пятнадцати лет. Не могли простить друг другу предательства. Случайная встреча произошла на том же месте, где и впервые — у деревенского магазина. Только на сей раз рядом с Анжелиной стояла дочь, а Миша проезжал мимо не на велосипеде, а на навороченном джипе. Дежурные приветы плавно перетекли во взаимные пожелания здоровья и счастья членам семьи. Тут-то и выяснилось, что Ангелина не замужем и никогда там не была. Зато женат Михаил. Формально — на тощей красавице, доставшейся ему по случаю прямо с модельного подиума, фактически — на работе. Семейная жизнь не задалась. Умудренная жизненным опытом Гелька не верила заверениям Михаила о формальности брака, необходимого ему исключительно для имиджа. Глядя на бывшего возлюбленного трезвыми глазами, она с грустью отмечала прописную истину: все проходит. Беспокоило только опасение, что Михаил узнает в Динке свою дочь, а посему старалась задвинуть девочку на задний план. Будучи человеком сообразительным и несмотря на то, что Гелька уменьшила ей возраст на годок, он все понял. Девочка была очень похожа на него и на деда. И потребовал объяснений. Стараясь быстрее от него отделаться, Гелька пообещала. Только другим разом. Дома на вопрос дочери, кто такой добрый и красивый дядечка, доставивший их из магазина на дачу, ответила правду. Дядечка и в самом деле добрый и хороший, он ее растаявшая без следа первая любовь.

Новая встреча, к которой вынудил Ангелину Михаил, состоялась в Москве. В том ресторане, где она работала барменшей. Гельке не хотелось выяснять с ним отношения. Как она и рассчитывала, из-за наплыва посетителей поговорить им толком не удалось. Гелька сразу попросила Михаила забыть о Динке. Они прекрасно жили без него все эти годы, к чему ребенку нервные переживания. Раздосадованный Миша решил было откланяться, предупредив Ангелину, что разговор не последний. В намерении рассчитаться за ужин, к которому даже не прикоснулся, направился к своему столику. И тут к огромному удивлению опознал в новом посетителе барной стойки знакомую с детства личность — ненавистного «родственничка» Яшку Туканова. Его бабка — родная сестра неродного деда Мишани одно время приезжала с внуком на лето в Пупыри. Селилась у дальних родственников, которым ее мать продала родительский дом. Яшка всегда отличался жуликоватостью и изворотливостью. Был хитер настолько, что никогда не оказывался виноватым в задуманных им проделках. Оба парнишки терпеть не могли друг друга, каждая случайная встреча заканчивалась дракой. В данный момент повзрослевший, но не

менее ненавистный Яшка, не заметив недруга, явно увивался за Ангелиной, что особенно не понравилось Михаилу.

Сидя в машине, припаркованной через дорогу от ресторана, он медленно наливался злостью, замешанной на дикой ревности. Но вопреки его ожиданиям, Туканов покинул заведение один, без Ангелины. Сев за руль своего джипа, рванул вперед так, что колеса взвизгнули. Михаил отправился следом, сам не зная зачем. И проводил Якова до самого дома.

Туканов проживал в ближнем Подмосковье. Небольшой коттедж был достаточно скромным. У открытых ворот Туканова поджидала женщина с радостным воркованием кинувшаяся к нему едва лишь он вышел из машины. Тукан ласково обнял ее и залопотал в ответ нечто непонятное. Прогулявшись мимо ворот с независимым видом рядового прохожего, Михаил прислушался к переговорам и понял: парочка общается на немецком языке. На следующий день служба охраны Михаила Ивановича Дьячкова предоставила ему сведения о Якове Аллановиче Туканове. Ничего особо интересного. Если не считать того, что, женившись на австрийке Райнхильде Швинд, Яков заполучил двойное гражданство. В июне прошлого года зарегистрировал в Москве фирму по производству и установке пластиковых окон, исправно платит налоги, к уголовной ответственности не привлекался и ни в чем предосудительном замечен не был.

Михаилу Ивановичу такая картина не понравилась. Но больше всего интересовало, что связывает Туканова с Ангелиной. Результат заставил серьезно задуматься. Гелька прикупила соседний участок, огородила владения дорогим забором и заложила фундамент нового дома. Вопросами оформления документов занимался человек, состоящий на службе у Туканова. Строительные работы курировал сам Туканов, стараясь особо не светиться. Копали вручную. Осенью работы были прекращены.

— Все верно, — вырвалось у меня. — Катерина в благотворительности Туканова заподозрила неладное и заставила Гельку немедленно с ним рассчитаться.

— Нет, не совсем верно, — возразил Михаил. — Екатерина Васильевна сама с ним рассчиталась. На свою беду, бриллиантами. Ангелина по-прежнему о них не знала.

— Ой, я и забыла! Динка же тоже отметила неосведомленность мамочки.

Депутат благосклонно кивнул.

— Согласен. Туканов решил повременить с перекопкой и выяснить, откуда у Синицыных драгоценные камешки. В противном случае, он бы

продолжил поисковые работы. Давно пора, на носу лето. Его настырные ухаживания Ангелина отвергла, и этот лис, — у Михаила заходили на скулах желваки, — с большими моральными и материальными проблемами надумал действовать силой. Обещанная поездка в Австрию обернулась бы для всех Сеницыных путешествием в какой-нибудь подвал. Нашли бы их не скоро. Даже после получения Тукановым бриллиантов. И он твердо стоял бы на своем: приглашать Сеницыных в Австрию ему и в голову не приходило. Тем более, не посоветовавшись с женой. Да кто они ему такие? Я думал, что супруги Туканов — Швинд действуют по единому плану. Теперь уверен — фрау ничего не знает об инициативе мужа. Простодушна до безобразия. Уверяет, что, закончив неотложные дела, он собирался прилететь к ней, но без гостей. А если бы и с гостями, это восхитительно! Яков очень добрый человек.

Михаил усмехнулся.

— А ведь я специально наведалься к Ангелине, чтобы отговорить ее от этой поездки, — глухо сообщил он. — С некоторых пор Екатерина Васильевна разглядела во мне умного человека. Позвонила и попросила отговорить Ангелину от предложенной Тукановым поездки в Австрию. Хотя бы ради Диночки. Но мое вмешательство только ухудшило положение. Ангелина предпочла действовать мне назло. Посоветовала не судить других людей по себе. Мое неверие в их порядочность назвала патологическим. Екатерина смирилась, решив, что, возможно, ее подозрения в отношении Туканова не обоснованны.

— Ты отследил момент перемещения Сеницыных из дома в коттедж Туканова! — с торжеством объявила Наташка. Твоим ребятам надлежало отбить от него семейство и внести сумятицу в его планы. А чтобы он и Сеницыны не поняли, кто охотится за ними, ты обеспечивал руководство операцией со стороны.

— Но неожиданно компания «туристов» распалась, это, в свою очередь, внесло сумятицу в действия твоих орлов, — развела я руками. — Катерина с Туканом покатила неизвестно куда, твои бойцы обнаружили в коттедже только Гельку, Динка вообще исчезла. В данный момент, надо полагать, мамочка с дочерью прячутся в твоём коттедже. Минувшей ночью баба Ньюша резко передумала нас выгонять и оставила у себя. А я всего лишь шепнула ей, что Ангелина и нечаянная радость, внучка, не простят такого к нам отношения. Игнорируя собственную безопасность, мы укрыли девчущку у себя. По сути, спасли. Мало ли что на обратной дороге к дому с нами случится. Гелька с Диночкой этого ей не простят. Баба Ньюша мигом с тобой по мобильнику посоветовалась, а ты посоветовался с Гелькой. Все

решили, что в Пупырях нам с Натальей будет безопаснее. Вдруг Туканов надумает поискать Синицыных на наших дачах. Не сомневаюсь, что Ангелина выболтала ему точное место их расположения. В доверительной беседе, когда пообещала содействие Натальи в обследовании Райнхильды у опытного кардиолога.

— Геля знала, где находится дача Натальи. Что касается дачи Ирины Александровны, то ее знания ограничивались пояснением «где-то неподалеку», — улыбнулся Михаил. — Это создало мне определенные трудности. Но они позади.

— Я ведь сразу поняла, что Динка удрала от нас с человеком, которому она доверяла, иначе бы заорала и затопала ногами на всю округу. Мы же были рядышком. А девочка исчезла бесшумно, прихватив баночку с водой, в которой, как была уверена, находились бриллианты. А я их перепрятала в баночку с хреном, сочтя, что нахождение в холодильнике маленькой банки с водой привлечет внимание возможного похитителя. Только вытащить ее забыла.

— Да! — торжественно заявила Наташка. — Беру свои слова обратно. Иногда бесхозяйственность приносит пользу.

— В данном случае, она сослужила плохую службу, — насмешливо заявил Михаил. — Лично я до определенного момента подозревал, что вы просто позарились на драгоценности. А еще не понравилось ваше знакомство с Тукановым. Я не был уверен, что оно заочное.

— Оно вообще никакое! Ир, нас оскорбили или как? — насупилась подруга.

— Ну-у-у... Учитывая, что нас пытались удержать в Пупырях в благих целях... — протянула я. — Можно сказать, во спасение... Вот как Иваныча. Бедная фрау Райнхильда!.. Вот сволочь Туканов! Дайте же кто-нибудь хоть кусок хлеба. Даже подташнивает от голода.

С полминуты все сидели неподвижно. Обдумывали зигзагообразный полет моих мыслей. Только зря время теряли. Я решила провести его с пользой и потешить свое самолюбие. А потому поинтересовалась, знают ли присутствующие, почему Туканов спустил машину следователя под воду? Не дав им возможности обдумать ответ, скороговоркой поведала то, что поведала самому Стрельцову. Туканов обеспечивал себе необходимое время, чтобы беспрепятственно скрыться из Пупырей, где рассчитывал прикончить милую женушку. Настолько тупую, что продолжала ломать перед ним комедию о нахождении в милой Австрии. Место ее фактического пребывания пытался выяснить у бабы Ньюши. И не предполагал, что будет ею узнан. К счастью, этот «буксир — толкач» очень торопился и надеялся,

что после спровоцированного им падения со ступенек, она не выживет, но сомнения были. По дороге увидел машину следователя. Не будучи полностью уверенным в смерти пожилой женщины (раз пообещал вернуться и добить), рассчитывал на основательную задержку Стрельцова за счет выуживания авто. Вот и столкнул машину в озеро. С нашей же машиной этот номер не прошел бы. Слишком далеко от воды она стояла, а время поджимало. Что же касается знакомства с личностью следователя, то оно наверняка состоялось раньше. Не исключено, что в одностороннем порядке. Туканов — организатор «утопизма» троицы, находившейся в «Жигулях». Выбрал подходящий момент и столкнул машину с людьми вниз. Затем отогнал свою машину подальше, а сам вернулся, чтобы знать дальнейшее развитие событий. Спрятался где-нибудь неподалеку в кустах. Хотел убедиться, что действовал наверняка.

Интересно, кто первый сказал, что все бабы дуры? Вне сомнений, очень умный человек, поскольку пожелал остаться неизвестным. Не хотел пребывать в вечной немилости у женского рода. Знал, пройдоха, что врет, но рассчитывал на глупость собратьев, с удовольствием протаскивающих этот лозунг через века. Надо полагать, в свое время пострадал от какой-нибудь распрекрасной умницы. Выманила, например, у него хитростью половину мамонта, а следовало, по его разумению, выманить всего. Ну и дура. Жалостливая.

Никто из собеседников не мог или не хотел ответить на вопрос, зачем Туканову убивать жену. Я благоразумно промолчала. Были кое-какие основания. Михаил все чаще поглядывал на часы и, не выпуская мобильник из рук, нервно поигрывал им. Определенно ждал важного звонка. А когда дождался, стремительно сорвался с места и семимильными шагами заспешил в коридор. Не желал иметь свидетелей переговоров. Можно подумать, секретных. Я многозначительно фыркнула, следом чихнула Наташка, подтвердив мою правоту. А примета такая. И не важно, что подруга не знала, в чем эта правота заключается. Впрочем, с разъяснениями я не задержалась, поскольку Михаил в коридоре не задержался. Вернулся он повеселевшим, и я вслух порадовалась хорошим новостям. Туканову все-таки не удалось слинять из страны, его успели задержать. И что-то мне подсказывает — без жены. Какое счастье!

— Полагаю, нам нет смысла торчать здесь до появления господина Стрельцова? — безмятежно разглядывая дверной косяк, — проворковала я. — Ему сейчас не до нас. Да и нам не до него. Домой пора. В гостях, как говорится...

— ... осточертело, — с готовностью подсказала подруга.

Я согласилась и рекомендовала Михаилу быстрее забрать гражданскую тещу Катерину от ее друзей-соседок с пятьдесят третьего участка. Галины и Полины. Бедняжке еще хуже, чем нам. Собственный надел под носом, а ей какой день приходится маяться в гостях.

— Обязательно, — любезно согласился Миша, но лицо его сразу поскучнело. К его чести, он быстро взял себя в руки и будничным голосом пригласил нас с Наташкой в свой коттедж со всеми удобствами.

— А чего мы там не видели? — проворчала она, переминаясь с ноги на ногу — подошвы отстояла.

— Мы не видели там Гельку — раз, Динку — два и еще фрау Райнхильду, — загибая на левой руке пальцы, уверенно заявила я. Почему-то вместо трех получилось четыре. Не озадачиваясь, добавила в перечень бабу Ньюшу. Едва ли она, находясь в сознании, позволила увезти себя в больницу. — Только нам и смотреть на них не хочется. Вот как Иванычу, — я персонально улыбнулась дедке. — Ему надоело играть роль бедного родственника сумасшедшего коллектива. Особенно заграничного.

Несмотря на мой благожелательный тон, Иваныч испепелял меня неподвижным взглядом. Но я заупрямилась. В конце концов, своей легендой ныне живущие Дьячковы спровоцировали негативные последствия, напрямую затронувшие и нас с Наташкой.

— Иваныч когда-то совершил преступление? Он находится в розыске? — стараясь не обращать на него внимания, я выводила пальцами правой ноги треугольники на полу. — Зачем вы выдали его за сточетырехлетнего Петра Ивановича, внебрачного сына купца Поспелова и гувернантки Оленьки?

Ответ Михаила меня поразил. Не сомневаюсь, что и Наташку тоже.

— А никто его за Петра Ивановича и не выдавал, — заявил Михаил. — Ничего предосудительного в этой истории нет. С Иванычем мы вместе служили. Только он в звании старшего лейтенанта, а я рядового. Десять лет назад случайно нашел его в Доме инвалидов. Вернее, вначале обратил внимание на знакомую фамилию, имя-отчество. Постарался разузнать о нем побольше, услышал от директора немудреную историю Иваныча и понял — да, это мой бывший командир, которому я жизнью обязан. В Доме инвалидов Иваныч был лежачим. Серьезная травма позвоночника, ноги не двигались. Чудом выжил после налета боевиков. Заживо горел в машине, пока не подошло подкрепление и наши ребята не отбили нападение. И не хотел жить. Жена с ним развелась, вышла замуж за другого, а родителей он потерял. Мать не выдержала известия о его геройской гибели — результат ошибочно посланной похоронки, а вскоре разбился на машине отец. Когда я впервые пришел к Иванычу, он сказал, что не помнит меня. Прошлого для него не существует, живет одним днем. Прощел и ладно. Я стал к нему частенько заглядывать. — Михаил подмигнул Иванычу. — В итоге он перестал играть в молчанку и даже поведал мне свое сокровенное желание еще разок походить босиком по настоящей траве. Я ему это организовал. После активной терапии, конечно. А еще и массажист классный попался. Как только Иваныч на ноги поднялся, мы с матерью забрали его в Пупыри. Только он изъявил желание жить одиночкой. Ничего не попишешь, стеснялся своей наружности. Вот я и уладил дело с участком земли,

принадлежавшей когда-то моему родному деду, а заодно со строительством маленького домика. Народ в деревне любопытный, неоднократно пытались вызнать у матери, кто такой новый поселенец и откуда. Матери надоело отмалчиваться, она и лягнула: мол, родственник. Считайте, что с того света вернулся. Остальное люди сами придумали. Иванычу это на руку было — побаивались его, с общением не навязывались. Даже местные алкаши денег в долг не просили. Со временем на него навесили прозвище колдуна. А тут, как на грех, эта фрау — правнучка купца Пospelова и его законной жены. В семнадцатом году в ее семье родственник пропал. Малолеткой потерялся в России. То ли двоюродный прадед фрау, то ли двоюродный дед. Вот она по слезной просьбе бабушки и прикатила искать следы его потомков. Благо, муж в столице фирму открыл. Наведалась в Пупыри, получила от местных кое-какие сведения и обрела уверенность, что нашла родственника. Только он не желал с ней общаться.

— Какой-то разговор по этому поводу у нее с Тукановым наверняка имелся! — не выдержала я. — Тему зарытого Пospelовым клада он, точно, поднимал. С осторожностью. Не желал с женой делиться, прикинулся сторонником поисков ее родственника. Допускаю, что Райнхильду клад не интересовал, чему Тукан не верил. Был убежден, что все рассказы о пропавшем — повод отвести внимание от собственной заинтересованности в кладе. Каждый мыслит в меру своей испорченности. Туканов не желал конкуренции, потому и старался постепенно ухудшить состояние здоровья женоушки. А чтобы не опередила. Судись потом с ее родней за наследство. Ей вообще не полагалось знать о его планах. К тому моменту он основательно развернулся с перекопкой Гелькиного участка. По-видимому, раньше там был какой-то ориентир, о котором он знал.

— Чего проще — дуб зеленый, — весело подсказал Михаил. — Именно о нем он расспрашивал Екатерину Васильевну. Это ее насторожило. Она, умница, и указала ему то место, где запланировала ставить фундамент нового домика. А дуба в глаза не видела. От него давным давно светлая память осталась. А жаль. Он был единственным на выпасе объектом, дающим в жару обильную тень.

— Притормозите-ка со своими словесами, — оживилась Наташка. — Туканов ведь прекратил поиски, когда Синицыны рассчитались с ним бриллиантами.

— Временно, — вступил в разговор Иваныч. — Он не дурак, быстро разобрался, что обладатели внушительного богатства так, как Синицыны, не живут. От них он рассчитывал получить остатки бриллиантов раскуроченного ожерелья и только. А ко мне заявился, поверив Райнхильде,

что я и в самом деле дряхлый сын Пospelова. Следовательно, со слов «моей матушки Ольги», должен помнить точное место, где росло несчастное дерево. Она, мол, с Пospelовым не один раз под ним отдыхала. Все плакался мне, жаловался на свою нищету, большие долги, скупердьяйку-жену. Предложил в долю вступить. Ну я и послал его куда подальше, да еще пригрозил полицией. Не думал, что этот слизняк за деньги на преступление пойдет. Вот и получил по голове. Да-а-а... И как будто ума прибавилось. — Иваныч обреченно махнул рукой. — Вроде и жизнью не дорожил, а как конец забрезжил, такой славной она мне показалась.

— Интересно, — задумчиво протянула Наташка, — как Туканов вообще вышел на Райнхильду?

— Скорее, она на него вышла, — уставившись в окно, заметила я. — В процессе поисков пропавшего родственника... Слушайте, неужели купец Пospelов был настолько неосмотрительным человеком, что зарыл заначку под единственным на выпасе деревом? Да еще в присутствии свидетеля, конюха.

— Ох уж эта людская жадность! Под дубом действительно захоронен Клад. — Иваныч тяжело вздохнул и, словно сбросив тяжкие оковы, проскрипел: — Та к звали любимого жеребца Пospelова. Словно предчувствовал разлуку с хозяином, пал бедняга наутро после прощания с ним. Не пережил расставания. Конюх любимца под дубом и закопал. Не смог бросить на растерзание зверям да воронью. Поступил так, как просил Пospelов. Только купец не думал, что это случится скоро.

— Это вам отец рассказал? — дрожащим голосом спросила я.

— Дед. Александр Иваныч Найденев. Фамилию ему все тот же конюх придумал, когда он грязным оборвышем явился к нему, спустя три месяца после неудачного бегства с родителями. Потерялся в дороге. Фамилию Прохор Михайлович намеренно изменил и на следующий же день перевез мальчонку к бездетной сестре в город. Боялся и за него, и за свою семью. В то время расстреливали без суда и следствия. И красные, и белые, и просто бандиты. Дед был очень благодарен Дьячковым за спасение и материальную поддержку. Ну а дальше, вон оно как все повернулось... — Иваныч пожевал тонкими губами и перевел разговор на другую тему: — Вы Райнхильде ничего не говорите. Не надо. Я привык к своему укладу жизни, не хочу ничего менять. Пусть спокойно уезжает домой. Анна ей все объяснила еще в четверг. И спровадила. Та к она не послушалась и опять прикатила. А следом ее муженек заявился.

— Интересно, а зачем она на участок Синицыных забрела? Мы в субботу ее там видели, — жалобно спросила я, всей душой жалея верного

коня.

— Ни за что не догадаетесь, — улыбнулся Михаил. — Фрау принесла букет цветов, чтобы возложить на место захоронения легендарного Клада и счастливого прошлого родных людей. Ее сентиментальная бабушка со слов своего отца это место детально описала. Прямо поверх песчаной отмели дуб рос. Ворота участка Синицыных оказались открытыми, фрау вошла беспрепятственно и сразу направилась к бане, рассчитывая найти там хозяев. Естественно разволновалась и приняла дополнительную таблеточку. В бане сознание и потеряла.

Наташка судорожно всхлипнула, жалея всех сразу. Себя в том числе, ну и, само собой, меня. Не будучи в силах вымолвить хоть слово, подвинулась, освобождая мне место рядом с собой. Михаил, уставившись в одну точку, нервно постукивал ребром ладони по подлокотнику кресла.

— Еще вопросы будут?

Он намеревался спросить это благожелательным тоном, но получилось грубовато. Набиравший силу плач Натальи Николаовны, резко оборвался.

— Фи-ига себе! Хамишь, двоеженец!

— Просто нервничаю, — не извинившись, пояснил Михаил. — Обещал Геле дорогую маму даже из-под земли достать...

— Так и достанешь, — шмыгнув носом, прогудела Наташка. — Она у соседей небось в подполе отсиживается. Натерпелась страху, добровольно не вылезет.

Михаил сразу поднялся.

— Не передумали поздороваться со старыми знакомыми? Ангелиной, Диночкой и фрау.

За ним поднялись и мы с Натальей, озабоченные своим интересом.

— Не передумали! — слишком поспешно заявила я. — Совершенно не готовы к сведению счетов и перемирию.

Уж очень хотелось домой. Опасность миновала, все вроде разъяснилось, кроме пары небольших вопросов, а следователя Стрельцова, как назло, все не было. Решили уезжать под прикрытием Михаила. Та к или иначе мимо места автомобильной рыбалки не проедем, а если у Стрельцова хватит ума завернуть нас назад для официального разговора, сошлемся на Мишу. Дом его матери и личный коттедж закрыты. Не на улице же торчать. Без бензина. Нет уж, пусть вызывает повесткой.

К великому удовольствию, до шоссе мы добрались без остановки. Машину Стрельцова уже выловили, и инстинкт собственника пересилил в нем служебные интересы. При выезде на основное шоссе мимо нас пролетела резко затормозившая иномарка. Из нее выскочила высоченная

девица, а следом за ней усатый молодой человек с лохматыми волосами цвета неперепревшего навоза. Мы сразу вспомнили злополучную пятницу. Из-за этого типа едва не попали в аварию. Но потребовать извинений не удалось. Парочка столь активно выясняла отношения, что Наталью с ее громогласными обвинениями просто не заметили.

Через неделю мы встретились со Стрельцовым. Мне он показался слишком официальным и деловым. Сухо отчитался о результатах экспертизы лекарства, потребляемого фрау. Как мы и подозревали, в одном из флакончиков с надписью «подделка» оказался препарат, категорически противопоказанный фрау, но вменить сие обстоятельство в вину Туканову невозможно по причинам, которые Стрельцов изложил нам ранее. По крайней мере, мы спасли Райнхильду от преждевременной смерти. Смерив следователя оценивающим взглядом с ног до макушки, подруга ехидно отметила, что он как-то усох, вместе с одеждой. А память у него вообще полиняла. Да и зачем она неразумному.

Мы долго излагали на бумаге обстоятельства нашей длинной дороги к дачному отдыху. Сбивал с мысли сам Стрельцов своими бесконечными разговорами по телефону. В одну из таких минут Наташка не выдержала и замысловато обругала его. В том плане, что из-за уроды Туканова, которого мы и в глаза не видели, вынуждены общаться с другим... очень занятым человеком. На этом она выразительно смолкла. Не прерывая телефонного терроризма, Стрельцов выудил откуда-то три фотографии и точным броском переправил их нам. Я ахнула и чистосердечно призналась, что изображенного на снимках уроды мы видели. Тот самый нетерпеливый толстячок, которому Наталья в приснопамятную пятницу перекрыла выезд к шоссе у участка Сеницыных. Он еще жутко возмущался, пока не разглядел Наташку.

Наши ошарашенные физиономии Стрельцова поразили настолько, что он отключился от телефонного собеседника на полужразе. И тут же выдал весьма дурацкое замечание: «Вы же говорили, что в пятницу никого подозрительного рядом с участком Сеницыных не видели».

Вот так мы стали важными свидетелями, подтвердившими факт пребывания Якова Туканова в садоводческом товариществе «Темп» незадолго до гибели на озере трех человек в машине. Он сей факт упорно отрицал, а доказательств у следствия не имелось. Туканов еще надеялся выпутаться из сложившейся ситуации. Чуть позднее, после очной ставки с нами и соседями Сеницыных, угрюмо согласился, что в товарищество заезжал, но никого не убивал. Вначале Туканов решил проинспектировать обитаемость Сеницынского участка с противоположного берега водоема. И

был неприятно поражен. Трое рыбаков, одним из которых была женщина, готовились занять места в резиновой лодке. Туканов мигом сообразил, как продлить жизнь обреченной на вылов рыбешке. Сочинив немудреную историю о неверности жены, попросил «ребяток» сплавить на противоположный берег и осторожно выяснить, есть ли кто в баньке. В подкрепление своей просьбы достал из бумажника и помахал в воздухе пяти тысячной купюрой. Стороны мгновенно пришли к консенсусу. Рыбаки предложили Туканову быть третьим. Женщина проявила готовность уступить свое место. Он отказался, сославшись на «морскую болезнь». После отплытия рыбаков решил отследить их действия на территории товарищества. Участок Синицыных показался необитаемым. Проехал вперед до конца, развернулся и медленно покотился обратно. Мы с Натальей как раз организовали небольшую толкучку по поводу присутствия Синицыных на даче. Таким образом он узнал, что утром Катерину там видели. Ну и вернулся на противоположный берег за окончательным результатом от рыбаков. Далее оставалось только верить словам Туканова. Вернувшись, троица повела себя агрессивно. Дама заявила, что в баньке весь пол залит кровью, на полу убитая женщина. Другие две бабы ввалились в дверь центральными нападающими, недвусмысленно угрожая огнестрельным оружием. Сколько еще агрессивного народа в запасе, не считали. Пришлось спешно уносить ноги.

— Ну, дядя, ты попал! — сочувственно произнес один из троицы, остальные согласно кивнули. И тут же предложил «решить проблему» мирным путем. Всего-то за полмиллиона российских рублей.

Туканов, не раздумывая, согласился. Это подвигло женщину на коррекцию суммы. Она затребовала миллион. Его встречное предложение доехать до банка троица встретила с пониманием. Пять минут ушло на поспешные сборы и загрузку в машину. По словам Туканова, он не помнил, как проводил шантажистов в последний путь. Свою машину бросил в соседнем лесу. Туканову и в голову не пришло, что никакого кровавого убийства в баньке не было. Рыбаки просто его «надули».

У следствия имелись подозрения, что именно Туканов поручил троице «мокрое дело», но они так и остались недоказанными. Вернувшись домой «на перекладных», он впервые за последние дни позволил себе расслабиться. Даже немного всплакнул по покойной жене, надеясь, что смерть у нее была легкой — уже знал, что ее машина разбита. В пух и прах. А в понедельник очень пожалел о пролитых слезинках, увидев Райнхильду, вполне живую, околачивающуюся рядом с домом бабы Нюши.

— А зачем он прикатил в Пупыри, если был уверен в гибели

Иваныча? — пожала плечами Наташка.

— Искал жену, продолжавшую вешать ему лапшу по поводу затянувшейся болезни австрийской племянницы. По новому номеру мобильного телефона, который он сообщил ей эсэмэской еще в пятницу. Другого места, кроме Пупырей, где Райнхильда могла бы задержаться, не имелось.

— А у меня тоже есть один непонятный момент, — пробормотала я, косясь на следователя. — Тукан первым делом должен был поинтересоваться у жены, известно ли ей, куда Пospelов зарыл свои драгоценности. Выяснив правду, не стал бы заваривать кашу с их поисками. Такой гордиев узел завязал! Неужели не заметил сверху бантик? Потянул бы за один его кончик, все бы и развязалось.

Стрельцов расхохотался:

— То-то и оно, что спрашивал! Только интересовался зарытыми ДРАГОЦЕННОСТЯМИ, а не КЛАДОМ. Фрау убежденно заявила, что зарытые прадедом драгоценности — чушь.

Яков Алланович Туканов, будучи осужденным на длительный срок заключения, коротает свободное время за написанием любовных посланий жене. Райнхильда с трудом поверила в то, что ее муж преступник. Только расплатившись с его долгами, поняла истинную причину женитьбы на ней. Баба Ньюша привыкла к частым приездам фрау, да и Иваныч, несмотря на вроде бы ворчливое недовольство, с нетерпением ждет ее очередного визита. Родными людьми не просто рождаются, ими либо становятся в ходе замечательного подарка — жизни, либо нет.

С Синицыными мы встретились примерно через два месяца. В одно из воскресений Гелька и Динка без приглашения прикатили к нам на «катафалке», за рулем которого восседал счастливый Михаил Иванович Дьячков. Еще не опомнившись от поездки в Болгарию, они весело трещали о радушных болгарях, распрекрасном море и великолепной кухне. И ни слова о пережитых треволнениях. Впрочем, если учесть, что ими была выслана дорога к семейному счастью... Как говорится, нет худа без добра.

А нас с Наташкой до сих пор мучает вопрос, кто же все-таки прислал нам в злополучную ночь с пятницы на субботу странную эсэмэску: «Большое спасибо!».

Примечания

1

Роман В. Андреевой «Круиз по лишним проблемам».

Роман В. Андреевой «Праздник покойной души».